МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ГЛАЗ ЦАПЛИ

Глаз цапли
Урсула Ле Гуин

Аннотация
Урсула Ле Гуин. Глаз цапли
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Аннотация

«Глаз цапли» повествует о разгоревшемся на планете Виктория конфликте между иерархическим, построенным на насилии и подчинении миром Столицы и обществом Шанти, потомков земных ссыльных-пацифистов, не приемлющих культа силы не только в отношениях между людьми, но и применительно к враждебной на первый взгляд природе планеты. Конфликт приобретает масштаб, несоизмеримый с его реальным содержанием, и превращается в борьбу между двумя противоположными стилями жизни.

Урсула Ле Гуин
Глаз цапли

1

Лев сидел на самом солнцепеке, в центре круга деревьев, скрестив ноги и склонив голову над сложенными чашечкой руками.

Меж его теплых ладоней устроилось крохотное существо. Он его не удерживал; оно само решило, а может, согласилось пока побыть там. Существо было похоже на маленькую жабу с крылышками. Крылышки, серовато-коричневые с темными полосками, сейчас были сложены и высоко подняты над спинкой; все остальное тело было темным. Три золотистых глаза, словно три булавочные головки, украшали голову — по одному с каждой стороны и один посредине. Этот обращенный вверх центральный глаз неотрывно смотрел на Льва. Лев моргнул. Существо тут же переменило обличье. Какие-то перистые отростки пыльно-розового цвета, похожие на пальмовые листья, появились из-под сложенных крыльев. Теперь это был просто покрытый перьями шарик, который и рассмотреть-то как следует не удавалось — эти отростки или перья непрестанно дрожали, делая неясными очертания самого тела. Понемно-

гу дрожание прекратилось. Жаба с крылышками по-прежнему спокойно сидела у Льва на ладошке, только теперь она была светло-голубого цвета. Она почесала свой левый, боковой глаз самой задней из трех левых лапок, и Лев улыбнулся. Жаба, крылья, глаза, ножки — все тут же исчезло. Совершенно плоское, похожее на моль существо распласталось у него на ладони, став почти невидимым. За исключением чуть заметных темноватых пятнышек, оно теперь имело в точности тот же*цвет и структуру, что и кожа человека. Лев застыл, и постепенно голубая жаба с крылышками возникла вновь, но один золотистый глаз внимательно следил за ним. Она прошла по его ладони и взобралась на согнутые пальцы. Шесть крохотных теплых лапок чуть сжимали его кожу при подъеме и тут же отпускали; двигалась она очень изящно и точно. Потом крылатая жабка застыла, устроившись на кончиках его пальцев, и склонила голову набок, чтобы посмотреть на него своим правым глазом, в то время как два остальных глаза, левый и центральный, изучали небеса. Затем загадочное существо собралось, вытянулось наподобие стрелы, выпустило два прозрачных подкрылка, длиной вдвое больше тела, и взлетело — плавно, без малейшего уси-

лия, — направляясь к залитому солнцем склону холма за кольцом деревьев.

— Лев!

— Да я тут уотситом любуюсь. — Он встал и пошел навстречу Андре.

— Мартин считает, что мы уже сегодня можем добраться домой.

— Хорошо бы. — Лев подхватил свой заплечный мешок и присоединился к остальным семи членам экспедиции. Они двигались гуськом, молча, нарушая тишину лишь в том случае, если нужно было сообщить впереди идущему, где легче обойти то или иное препятствие, или же когда второй человек в цепочке, у которого был компас, говорил, что теперь пора свернуть вправо или влево. Они шли на юго-запад. Идти оказалось нетрудно, однако ни тропы, ни каких-либо отметок вокруг не было. Деревья здесь росли как бы кругами — от двадцати до шестидесяти деревьев образовывали почти правильное кольцо, внутри которого оставалось свободное пространство. В этой холмистой долине деревья-кольца росли так густо, часто смыкаясь друг с другом, что путешественникам постоянно приходилось прорубаться сквозь густой подлесок, которым заросла земля между темными волосатыми стволами; потом

они пересекли относительно чистую округлую, залитую солнцем поляну, покрытую болотной травой, и снова оказались в густой тени, среди переплетенных ветвей и шершавых стволов. На склонах холмов кольца деревьев были разбросаны более вольготно, и порой открывался довольно широкий вид на невысокие холмы и долины, до самого горизонта покрытые круглыми расплывчатыми пятнами темно-красного цвета.

Когда перевалило за полдень, солнце скрылось в облачной дымке. На западе сгущались тучи. Посыпался мелкий тихий дождичек. Было тепло и совершенно безветренно. Обнаженные торсы путешественников блестели, словно натертые маслом. Капельки воды повисли на волосах. Они упорно шли вперед, забирая все больше к югу. Свет чуть померк, стал сероватым. В низинах, внутри деревьев-колец, было сыро и сумрачно.

Идущий впереди Мартин первым взобрался по длинному каменистому склону на вершину холма, обернулся и что-то крикнул. Один за другим они тоже взобрались на вершину и остановились с ним рядом. Здесь была самая высокая точка долины. Внизу виднелась широкая река; сверкая на солнце, она казалась бесцветной меж темными берегами.

Самый старший в группе по имени Упорный поднялся на вершину последним и стоял, глядя на реку с выражением глубокого удовлетворения. «Здравствуй», — дружески шепнул он ей.

— А где у нас лодки? — спросил тот парень, у которого был компас.

— Вверх по течению, вроде бы, — осторожно сказал Мартин.

— Вниз, скорее, — усомнился Лев. — По-моему, они вон там, на западе, напротив самой высокой горы.

Они с минуту поспорили и решили попробовать пойти вниз по течению. Но все-таки чуточку еще постояли на вершине в полном молчании; отсюда открывался широкий вид на ту долину, которой они в течение многих дней стремились достигнуть. За рекой, на юго-запад, по склонам холмов тянулись леса, образованные бесконечными пересекающимися и смыкающимися кольцами деревьев; по небу неслись непрерывно менявшие свои очертания облака. К востоку, вверх по течению реки, почти от ее берегов начинался довольно крутой подъем; на западе река вилась по серым равнинам среди низких пологих холмов. У самого горизонта, где река исчезала из виду, виднелось слабое свечение — то были от-

ражавшиеся в морской воде солнечные лучи. На севере, за спинами путешественников, лежали заросшие лесом холмы, сейчас полускрытые дымкой дождя и надвигающимися сумерками; долгие дни и многие мили пройденного ими пути.

И во всем этом огромном и тихом пространстве — над холмами, над лесами, над рекой — ни одной ниточки дыма, ни единого намека на жилище человека или тропу.

Они свернули на запад, не спускаясь в долину, и примерно через километр юноша по имени Желанный, который теперь вел отряд, окликнул остальных и указал на две черные скорлупки в излучине реки на усыпанном галькой берегу; это были лодки, которые они втащили туда несколько недель назад.

Путешественники спустились на берег, оскальзываясь и обдираясь о камни на крутом склоне. Внизу неожиданно оказалось как-то темно и холодно, хотя дождь прекратился.

— Скоро совсем стемнеет. Лагерь разбивать будем? — неуверенно спросил Упорный.

Они посмотрели на серую массу речной воды, скользившую мимо, на серое небо над нею.

— Ничего, на воде будет светлее, — сказал Андре, вытаскивая весла из-под перевернутой

лодки.

Целая семейка сумчатых летучих мышей устроилась между веслами. Подросший молодняк испуганно метнулся над берегом, судорожно махая крыльями и оглашая воздух пронзительными воплями, от которых стыла кровь в жилах; зато их рассерженные родители вылезли не спеша и медленно полетели за ними следом. Путешественники посмеялись, подхватили легкие лодочки на плечи и спустили их на воду. Потом уселись — по четыре человека в лодку. Взлетающие мокрые весла сверкали серебром в закатных лучах. На середине реки действительно оказалось светлее, небо словно поднялось выше, а берега, наоборот, стали как будто ниже и темнее.

О, когда придем, Когда дойдем до Лиссабона, Нас будут ждать На рейде белые суда!..

Один из юношей в первой лодке затянул эту песню, два или три голоса из второй подхватили. А вокруг лежала тишина дикого края, точно в чаше держа ритмичную негромкую мелодию, окружая путешественников со всех сторон — снизу и сверху, спереди и сзади.

Постепенно берега стали еще ниже, расступились, окутанные тенью, и теперь лодки нес могучий серый поток в полмили шириной. С

каждой минутой становилось все темнее. Потом где-то на юге вспыхнул первый огонек, далекий и ясный, прорвавшись сквозь окутавшую людей древнюю тьму.

В деревнях все спали. Путешественники поднимались по тропе меж рисовых полей, освещая себе путь покачивающимися при ходьбе фонарями. В воздухе висел запах дыма — торфяных брикетов для очагов. Путники тихо, как сеявшийся с неба мелкий дождь, прошли по улице, между спящими домиками, и вдруг Желанный, испустив дикий клич: «Эй, а ведь мы добрались!», с размаху распахнул дверь своего дома и еще громче завопил: «Мама, проснись! Это я!»

Через пять минут полгорода высыпало на улицу. Вспыхнули огни, отворились двери, дети заплясали вокруг путешественников, одновременно заговорили сотни голосов — кто-то что-то кричал, кто-то спрашивал, кто-то радостно приветствовал отважных исследователей.

Лев сам пошел навстречу Южному Ветру. Она спешила к ним по улице, заспанная, улыбающаяся, набросив шаль на растрепавшиеся во сне волосы. Он протянул к ней руки, обнял ее, остановил.

Она подняла глаза, посмотрела ему в лицо и

рассмеялась.

— Вы вернулись! Вернулись!

Потом, почуяв неладное, она примолкла, быстро огляделась — вокруг царила радостная суета — и снова вопросительно посмотрела на Льва.

— Ох, — сказала она, — я так и знала. Я знала.

— Да. Когда мы еще шли на север. Дней десять назад. Мы спускались по руслу ручья, среди скал. Он схватился за камень, тот выскользнул у него из-под руки, а под камнем оказалось гнездо скорпионов. Сперва он почти ничего не почувствовал. Но он получил несколько десятков укусов, и чуть позже руки у него начали распухать…

Он крепко держал девушку за плечи; она по-прежнему смотрела ему прямо в глаза.

— Он умер ночью.

— Ему было очень больно?

— Нет, — солгал Лев, скрывая набежавшие слезы. — Он там и остался. Возле водопада. Мы сложили над могилой пирамиду из белых камней. Так что он… он теперь там.

И вдруг рядом с ними среди всеобщей суеты и оживленных разговоров отчетливо прозвучал женский голос:

— А где же Тиммо?

Южный Ветер бессильно опустила плечи; она,

казалось, сразу стала меньше ростом, вся съежилась — вот-вот исчезнет совсем…

— Пойдем со мной, — сказал Лев, нежно обняв ее за плечи, и они молча пошли к дому ее матери.

Лев оставил девушку там, с обеими матерями — с матерью Тиммо и с ее собственной. Выйдя из дома, он постоял в нерешительности, потом медленно двинулся обратно к толпе. Ему навстречу вышел отец; Лев узнал знакомые вьющиеся седые волосы и полные ожидания глаза, поблескивавшие в свете факелов. Саша всегда был хрупким и невысоким, но, когда они обнялись, Лев почувствовал, как похудел за это время отец, хотя твердость духа в этом легком теле ощущалась прежняя.

— Ты был у Южного Ветра?

— Да. Я не мог…

На минутку он по-детски прижался к отцу, и тот своей тонкой рукой погладил его по плечу. Свет факелов дрожал и расплывался у Льва перед глазами. Когда он отстранился, Саша чуть отступил назад, чтобы как следует рассмотреть сына; он ничего не говорил и только глядел на него очень внимательно своими темными глазами, пряча улыбку в колючих седых усах.

— С тобой все в порядке, отец?

Саша кивнул.

— Ты устал, сынок. Пойдем-ка домой. — И когда они уже шли по улице, он спросил: — А вы нашли ту землю, что обещали?

— Да. Отличную долину! Там большая река, миль пять до моря, и вообще, есть все, что человеку нужно. И там так красиво! Долина со всех сторон окружена горами, один горный хребет за другим, все выше и выше, вершины уходят за облака и белее облаков… Ты просто не представляешь, как нужно задрать голову, чтобы разглядеть самую высокую вершину… — он вдруг умолк.

— Значит, путь туда лежит через горы? И через реки?

Лев мгновенно спустился с тех белых вершин, что виделись ему, на грешную землю и вопросительно уставился на отца.

— Ты считаешь, что добраться туда нелегко? Хозяевам трудно будет преследовать нас?

Чуть помедлив. Лев улыбнулся и ответил:

— Я думаю, да.

Уборка риса была в самом разгаре, и многие крестьяне прийти просто не смогли, однако каждая деревня прислала в Шанти хотя бы одного

человека — послушать, о чем расскажут разведчики и как это воспримут остальные. В полдень все еще шел дождь; огромная площадь перед Домом Собраний была буквально забита народом; люди прятались под зонтами, сделанными из широких, красных, шуршащих как бумага листьев тростниковой пальмы, и либо стояли, либо сидели на корточках, а то и прямо на земле, подстелив сплетенные из тех же листьев циновки, щелкали орехи и разговаривали, пока наконец в Доме Собраний не прозвонил маленький бронзовый колокольчик. Тогда все разом повернули головы и посмотрели на высокое крыльцо, где уже стояла Вера, готовая говорить.

Это была стройная женщина с серо-стальными седыми волосами, изящным узким носом и темными продолговатыми глазами. Голос ее звучал громко и ясно, и, пока она говорила, никто не проронил ни звука, только мягко шелестел дождь да порой в толпе раздавался тихий щебет какого-нибудь малыша, которого мгновенно утихомиривали.

Вера поздравила разведчиков с возвращением. Потом рассказала о смерти Тиммо и, очень тихо и кратко, о самом Тиммо — каким она видела его в день отправки экспедиции. Она говорила об их

стодневном путешествии по дикому краю, о том, что они нанесли на карту огромную территорию к востоку и северу от Залива Мечты, и о том, что они все-таки его отыскали, отличное место для нового поселения, и проложили туда путь.

— Довольно многие из жителей Шанти, — сказала Вера, — даже и думать не хотят о том, чтобы куда-то переселяться, тем более так далеко от родного дома. Все это требует обсуждения. К тому же среди нас присутствуют и представители наших соседей из Столицы; возможно, они тоже захотят присоединиться к нашей дискуссии. Каждый имеет право высказать свою точку зрения совершенно свободно. Итак, разрешите мне первыми предоставить слово Андре и Льву, которые выступят от имени разведчиков: пусть расскажут нам, что видели и что нашли в диких краях.

Андре, плотный застенчивый мужчина лет тридцати, описал их путешествие на север. Говорил он тихо и невнятно, однако люди слушали с напряженным вниманием, ибо перед ними постепенно возникала картина того мира, что расстилался далеко за пределами привычных полей. Кое-кто в задних рядах, однако, вытягивал шею, чтобы лучше разглядеть людей из Столицы, о присутствии которых Вера столь вежливо всех

предупредила. Да, они действительно стояли возле самого крыльца — шестеро мужчин в коротких кожаных, куртках и грубых высоких ботинках: телохранители и верные псы своих Хозяев; у каждого на бедре длинный нож в ножнах и плеть, аккуратно свернутая и заткнутая за ремень.

Андре пробормотал что-то в заключение и передал слово Льву, стройному и очень худому юноше с густыми черными блестящими волосами. Лев начал тоже нерешительно, подыскивая нужные слова, чтобы как можно лучше описать ту долину, которую они наконец нашли, и объяснить, почему она показалась им наиболее подходящей для нового поселения. Но постепенно голос его зазвучал живее, он увлекся, словно увидев перед собой то, о чем старался поведать своим слушателям — широкую долину и спокойную реку, которую они назвали Безмятежной, и озеро в горах над нею, и болотистые земли, где растет дикий рис, и отличный строевой лес, и залитые солнечным светом склоны холмов, где могут раскинуться сады и огороды, и прекрасные участки для постройки домов на высоких сухих местах, не то что здесь, в грязи и сырости. Он рассказал об устье реки, о заливе, в который она впадает, где полно съедобных моллюсков и водорослей; и еще

он много говорил о горах, что окружают долину, защищая ее от северных и восточных ветров, которые делают зиму в Шанти такой мучительной и промозглой.

— Их вершины вздымаются за облака, туда, где вечный покой и вечно сияет солнце, — говорил он. — Они обнимают долину, как мать младенца. Мы назвали их Горы Махатмы. Чтобы как следует убедиться, насколько они задерживают сильные холодные ветры, мы прожили там целых пятнадцать дней. Там ранняя осень — все равно что здесь разгар лета, только ночи чуть холоднее; зато дни солнечные и никаких дождей. Упорный считает, что в этой долине можно собирать три урожая риса в год. В лесах довольно много диких фруктов, а рыбная ловля в реке и заливе будет хорошим подспорьем поселенцам, особенно сначала — до первого урожая. А какие там ясные зори! Мы задержались не только потому, что хотели выяснить, какая будет погода. Просто трудно было сразу уйти из этих замечательных мест, хотя домой и хотелось.

Люди слушали как зачарованные и довольно долго еще молчали, когда Лев кончил говорить.

Потом кто-то спросил:

— А как далеко это? Сколько дней пути?

— Это выяснит головная группа; она же выполнит и основную работу по прокладыванию пути. Эта группа должна выйти на несколько дней раньше остальных и отметить наиболее легкий путь. Возвращаясь назад, мы сознательно избегали тех труднопроходимых районов, которые пересекли, когда шли на север. Самое сложное препятствие — наша река Поющая; переправляться через нее придется на лодках. Остальные речки можно перейти вброд, за исключением Безмятежной.

Посыпались еще вопросы; теперь люди вышли из состояния восторженного восхищения и, разбившись на группы, ожесточенно спорили под своими зонтами из красных листьев. Наконец снова попросила слова Вера, и все примолкли.

— Мне хотелось бы представить вам одного из наших соседей; он собирается кое-что нам сообщить, — объявила она и пропустила вперед мужчину, стоявшего у нее за спиной. Его черный наряд был подпоясан широким ремнем с серебряной пряжкой, украшенной искусной чеканкой. Те шестеро, что до того стояли возле крыльца, тоже поднялись наверх и полукругом обступили человека в черном, как бы отделяя его от остальных людей, находившихся на крыльце.

— Приветствую вас, — сказал человек в черном. Голос его звучал сухо, негромко.

— Фалько, — перешептывались люди. — Это сам Хозяин Фалько.

— На меня возложена приятная обязанность передать поздравления от правительства Виктории этим храбрым исследователям и путешественникам. Их карты и отчеты станут ценнейшим вкладом в Государственный Архив нашей Столицы. Планы ограниченной миграции земледельцев и работников ручного труда в настоящее время внимательно изучаются Советом. В данном случае четкая организация и контроль совершенно необходимы, чтобы обеспечить безопасность и благополучие всего нашего общества в целом. Как то совершенно ясно доказала данная экспедиция, мы, люди, обитаем лишь в одном небольшом районе, в одном-единственном райском уголке огромного и неизведанного мира. Мы, которые прожили здесь дольше всех, хранящие записи о первых годах жизни колонии, знаем, что необдуманные планы рассеивания людей по столь обширной территории могут угрожать нашему выживанию здесь, и мудро поступят те, кто будет соблюдать порядок и строгие правила взаимодействия. С удовольствием сообщаю вам также,

что Совет приглашает храбрых разведчиков прибыть в Столицу, где намерен от имени всех ее жителей поздравить их и щедро вознаградить за старания.

Теперь воцарилась тишина совсем другого рода.

Первой заговорила Вера; она выглядела очень хрупкой рядом с высокими грубыми мужчинами в кожаных куртках, но голос был чист и звонок.

— Мы благодарны представителю Совета за любезное приглашение…

— Совет намерен пригласить членов экспедиции после того, как изучит их карты и отчеты, то есть через три дня, — вставил Фалько.

Снова возникла напряженная пауза.

— Мы еще раз благодарим Советника Фалько, — вмешался Лев, — и отклоняем его приглашение.

Андре, старший из них, крепко сжал руку Льва и что-то горячо зашептал ему на ухо; люди на крыльце начали оживленно переговариваться, но огромная толпа перед Домом Собраний хранила молчание и оставалась недвижима.

— Нам необходимо сперва обсудить несколько очень важных вопросов, — пояснила Вера, обращаясь к Фалько, однако сказала она это достаточно громко, чтобы могли слышать все. — Только

тогда мы будем готовы принять приглашение Совета.

— Все важные вопросы обсуждаются Советом, сеньора Адельсон. И все решения уже приняты. От вас ожидается лишь соблюдение законов и послушание. — Фалько поклонился — только Вере, — поднял руку, приветствуя толпу, и спустился с крыльца в окружении своих телохранителей. Люди широко расступились, давая им пройти.

На крыльце тут же образовались две группы: члены экспедиции и другие, главным образом молодые, мужчины и женщины собрались вокруг Веры, а их оппоненты — вокруг светловолосого голубоглазого человека по имени Илия. Внизу, в толпе, происходило деление по тому же принципу, и вскоре собравшиеся стали похожи на лес из деревьев-колец: небольшие кольца состояли, главным образом, из молодежи, а кольца побольше — из людей старшего поколения. Все спорили страстно, однако совершенно беззлобно. Когда какая-то высокая старуха начала вдруг трясти своим красным зонтом перед носом у что-то горячо доказывавшей молодой девушки и кричать: «Сбежать хотите! А нас на съедение Хозяевам бросить! Трепку бы вам задать хорошую!» — и

действительно огрела девушку своим зонтиком, то люди вокруг разъярившейся старухи мгновенно как бы растаяли, разошлись и увели с собой девушку. Старуха осталась в полном одиночестве, покраснев, точно собственный зонтик, которым все еще лениво замахивалась неизвестно на кого. Впрочем вскоре, нахмурившись и что-то бормоча себе под нос, она присоединилась к другому кружку.

Две группы на крыльце к этому моменту уже воссоединились. Илия говорил с тихой убежденностью:

— Прямое пренебрежение — это уже насилие. Лев, не хуже удара кулаком или ножом.

— Поскольку я отвергаю насилие, я отвергаю и служение тому, кто насилие совершает, — сказал молодой человек.

— Отвергая просьбу Совета, ты сам провоцируешь насилие.

— Аресты, избиения? Что ж, возможно. Но что нам, в конце концов, нужно, Илия? Свобода или же самая примитивная безопасность?

— Отвергнув приглашение Фалько — пусть даже во имя свободы или чего-то там еще, — ты провоцируешь репрессии. Ты играешь ему на руку.

— Мы и так уже у него в руках, разве нет? — вмешалась Вера. — И хотим мы все одного — вырваться на свободу.

— Да, все согласны: действительно давно настала пора объясниться с Советом — поговорить с ними честно, разумно. Но если мы начнем с открытого неповиновения, с морального насилия, то ничего не добьемся, и они все равно станут действовать с позиции силы.

— Мы вовсе не собирались выказывать им неповиновение, — сказала Вера. — Мы просто намерены придерживаться собственных воззрений. Но если они начнут с применения силы, то ты же понимаешь, Илия: любая наша попытка о чем-то договориться будет выглядеть как сопротивление.

— Сопротивление в данном случае бесполезно, и мы непременно должны добиться нормальных переговоров! Если же к ним примешается насилие — в любой форме! — то истину будет доказать трудно, и наши жизни, наши надежды на свободу будут растоптаны. Править будет сила, как это было на Земле!

— Она там правила не всеми, Илия. Только теми, кто соглашался ей подчиниться.

— Земля изгнала наших отцов, — сказал Лев.

Лицо его светилось; голос звучал громко и требовательно, как басовая струна арфы, когда по ней ударят особенно сильно. — Мы изгои и дети изгоев. Разве не сказал Создатель, что изгой — это свободная душа, дитя Господа? Наша жизнь здесь, в Шанти, — не свободная жизнь. Там, на севере, в новом поселении мы будем свободны.

— А что такое свобода? — спросила стоявшая подле Илии красивая темноволосая женщина по имени Сокровище. — Не думаю, что вы придете к ней путем открытого неповиновения, сопротивления силе, упрямства. Свобода будет с вами, только если вы изберете тропу любви. Принять все — значит и получить все.

— Нам был дан целый мир, — сказал Андре, как всегда смущаясь. — Разве мы его приняли?

— Открытое неповиновение — это ловушка, насилие — это тоже ловушка; и от того, и от другого необходимо отказаться — мы именно так и поступаем, — сказал Лев. — Уходим свободными. Хозяева непременно попытаются остановить нас, используя как моральное, так и физическое давление; однако насилие — оружие слабых. Стоит нам поверить в себя, в нашу общую цель, в нашу общую силу, стоит нам сплотиться, и все их могущество растает, как тают тени в лучах

восходящего солнца!

— Лев, — тихо сказала темноволосая женщина по имени Сокровище, — Лев, но это ведь и есть мир теней.

2

Налитые дождем тучи плыли длинными размытыми вереницами над Заливом Мечты. Дождь все стучал и стучал по черепичной крыше Каса Фалько. В дальнем конце дома, в кухонных помещениях, слышались далекие голоса не замершей еще жизни, переговаривались слуги. Но больше ни звука — только стук и шелест дождя.

Люс Марина Фалько Купер сидела под окном на уютном диване, подобрав колени к подбородку. Порой она смотрела сквозь толстое зеленоватое стекло на море, на дождь и на тучи. Порой опускала глаза на раскрытую книгу, что лежала возле нее, и прочитывала несколько строк. Потом вздыхала и снова смотрела в окно. Книга оказалась неинтересной.

И очень жаль! Она так надеялась! Она никогда прежде не читала книг.

Ее, разумеется, учили читать и писать, как дочь самого Хозяина Фалько. Помимо заучивания уроков наизусть, ей приходилось переписывать в тетрадь правила поведения, различные заповеди, она могла также написать письмо — приглаше-

ние в гости или, напротив, отказ от чьего-либо приглашения — и украсить письмецо изысканной рамочкой, красиво написать приветствие и расписаться. Однако в школе они пользовались грифельными досками и тетрадками, которые учительницы надписывали от руки. Книг же она никогда даже не касалась. Книги были слишком драгоценны, чтобы ими пользоваться в школе; их в мире и существовало-то всего несколько десятков. Они хранились в Архиве. Однако сегодня днем, войдя в гостиную, она увидела на низеньком столике небольшую коричневую коробку и подняла крышку, чтобы посмотреть, что там внутри. «Коробка» оказалась полна слов. Аккуратных крохотных словечек, в которых все буквы были одинакового размера, и что же за терпение нужно было иметь, чтобы так аккуратно выписать их все! Книга, настоящая книга с Земли! Должно быть, ее забыл там отец. Люс схватила книгу, отнесла к окну, уселась на диван и снова осторожно открыла «крышку», а потом очень медленно прочитала все, и крупные, и мелкие, слова на самой первой странице.

ОКАЗАНИЕ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ.

ПОСОБИЕ ПО ОКАЗАНИЮ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ ВО ВРЕМЯ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ И БОЛЕЗНЕЙ.

М.Е.Рой, д-р медицины.
Женева Пресс, Женева, Швейцария, 2027.
лицензия No 83A38014. Женева.

Все это показалось ей сущей белибердой. Ну еще «первая помощь» — это понятно, но уже следующая строчка представляла собой загадку. Чье-то имя, какие-то несчастные случаи и болезни? И целая куча заглавных букв, и точки после каждой из них? И что такое «женева»? Или «пресс»? Или «Швейцария»?

В той же степени загадочными были и красные буквы, написанные как бы поверх всего остального, наискосок, в левом верхнем углу страницы: ДАР МЕЖДУНАРОДНОГО КРАСНОГО КРЕСТА ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ НА ПЛАНЕТЕ ВИКТОРИЯ.

Она перевернула бумажную страницу, восхищаясь ее качеством. Бумага была куда более гладкой, чем самая тонкая ткань; казалась ломкой, однако легко сгибалась, точно молодой лист тростника. И еще она была совершенно белой.

Люс с трудом, от слова к слову пробивалась сквозь текст и дошла до самого низа первой страницы, а потом начала переворачивать по несколько страниц сразу — все равно большая часть слов для нее ровным счетом ничего не зна-

чила. Появились ужасные картинки: она даже вздрогнула, однако в ней вновь проснулся интерес. Люди поддерживали головы другим людям и дышали им в рот; потом последовали изображения костей как бы изнутри или вен внутри, например, руки; затем пошли цветные рисунки на восхитительной блестящей бумаге, похожей на стекло: люди с красными пятнышками на плечах, или с огромными красными прыщами на щеках, или с отвратительными нарывами по всему телу, а под картинками загадочные слова: аллергическая сыпь, корь, ветрянка, оспа. Она внимательно рассмотрела все картинки, изредка пытаясь с налету вычитать что-нибудь на соседней странице. Она поняла, что это книга по медицине и что это, должно быть, доктор, а не отец забыл ее здесь на столике прошлой ночью. Доктор был хорошим человеком, только чересчур обидчивым и раздражительным; интересно, он рассердится, если узнает, что Люс рассматривала его книгу? Ведь своих тайн книга ей все равно не раскрыла. Доктор тоже никогда не отвечал на вопросы. И предпочитал хранить свои секреты при себе.

Люс снова вздохнула и посмотрела в окно, на растрепанные дождевые облака. Картинки она

уже все видела, а слова были ей не интересны.

Она встала и в ту самую минуту, когда она клала книгу точно так, как та лежала прежде, в комнату вошел отец.

Движения его были энергичны, спина прямая, взгляд ясный и жесткий. Он улыбнулся, увидев Люс. Немного растерявшись, чувствуя свою вину, она присела перед ним в шутливом реверансе, юбками прикрывая и низенький столик, и книгу на нем.

— Господин мой! Тысячу приветствий!

— Ах ты, моя маленькая красавица! Микаэл! Горячей воды и полотенце — я себя чувствую буквально вывалявшимся в грязи. — Отец уселся в одно из резных деревянных кресел и вытянул перед собой ноги; спина его оставалась как всегда прямой.

— Где же это ты так перепачкался, папа?

— Среди этого сброда.

— В Шанти-тауне?

— Три вида живых существ прибыли с Земли на планету Виктория: люди, вши и жители Шанти-тауна. Если бы я мог избавиться только от одного из этих видов, то выбрал бы последний. — Он снова улыбнулся, довольный собственной шуткой, потом посмотрел на дочь и сказал: — Один

из них осмелился возражать мне. По-моему, ты его знаешь.

— Я его знаю?

— По школе. Детям этого сброда не следовало бы позволять посещать школы. Забыл его имя. У них не имена, чушь собачья — Липучка, Вонючка, Как-тебя-там… Ну такой тощий как палка мальчишка, с копной черных волос…

— Лев?

— Вот именно. Настоящий возмутитель спокойствия.

— А что он такого тебе сказал?

— Он сказал мне «нет».

Слуга примчался с тазом и кувшином горячей воды, за ним шла служанка с полотенцами. Фалько тщательно оттирал руки и лицо, отдувался, фыркал и все время продолжал говорить:

— Он и еще несколько человек только что вернулись из экспедиции на север дикого края. Уверяют, что нашли отличное место для нового города. И хотят, чтобы все жители Шанти перебрались туда.

— И покинули Шанти-таун? Все сразу?

Фалько нарочито громко фыркнул и выставил вперед ногу в высоком ботинке, чтобы Микаэл его разул.

— Как будто они способны хоть одну зиму прожить без поддержки и заботы Столицы! Земля пятьдесят лет назад выслала их сюда, этих тупиц, не способных ничему научиться. Что ж, такими они и остались. Пора снова дать им хороший урок.

— Но не могут же они просто так взять и уйти в дикие края? — сказала Люс, которая слушала не только отца, но и собственные мысли. — Кто тогда будет возделывать наши поля?

Отец не обратил на ее вопрос внимания, но повторил его иначе, как бы превратив заключенные в нем женские эмоции в чисто мужскую трезвую констатацию факта.

— Разумеется, нельзя позволить им начать разбредаться подобным образом. Они выполняют общественно-необходимую работу.

— А почему сельским хозяйством занимаются именно жители Шанти?

— Потому что ни на что другое они не способны. Убери с дороги эту грязную воду, Микаэл.

— Вряд ли кто-нибудь из наших людей умеет возделывать землю, — заметила Люс. Она размышляла. У нее были темные, круто изогнутые брови, как у отца, но когда она думала, брови вытягивались у нее над глазами в ровную линию.

Это очень не нравилось Фалько. Мрачно насупленные брови совсем не шли такой хорошенькой двадцатилетней девушке. Они придавали ей чересчур суровый, какой-то неженский вид. Отец часто говорил ей об этом, но она так и не отучилась от этой дурной привычки.

— Дорогая моя, мы ведь жители Столицы, а не крестьяне!

— Но кто, в таком случае, занимался земледелием до того, как сюда прибыли жители Шанти? Колония существовала уже целых шестьдесят лет, когда они здесь появились.

— Ручным трудом, разумеется, занимались рабочие. Но даже наши рабочие никогда крестьянами не были. Мы все жители Столицы.

— И мы голодали, верно? Были ведь периоды голода? — Люс говорила мечтательно, словно вспоминая уроки по древней истории, однако брови ее по-прежнему были сдвинуты в одну темную линию над глазами. — В течение первых десяти лет существования Колонии и потом тоже… многие люди голодали. Они не умели выращивать богарный рис или сахарную свеклу, пока не прибыли жители Шанти-тауна.

Теперь брови ее отца тоже сошлись в одну черную прямую. Он отпустил Микаэла, горничную,

а потом устранил и сам предмет неприятного разговора с дочерью одним решительным взмахом руки.

— Это большая ошибка, — сухо промолвил он, — посылать крестьян и женщин в школу. Крестьяне становятся наглыми, а женщины начинают раздражать.

Два-три года назад такие его слова непременно заставили бы Люс плакать. Она бы тогда сразу сникла, выползла из гостиной и отправилась к себе, чтобы там проливать слезы, пока отец не придет и не скажет ей что-нибудь хорошее. Но теперь он не мог заставить ее расплакаться. Она не понимала, почему теперь это так. Очень странно! Разумеется, она по-прежнему очень сильно любила его и боялась; но теперь она всегда знала, что он скажет в следующий момент. Никогда ничего нового она от него не слышала. Да и вообще ничего нового никогда не происходило.

Она отвернулась и снова сквозь толстое неровное стекло посмотрела на Залив Мечты, на изгиб дальнего берега, занавешенного дымкой непрекращающегося дождя. Она стояла прямая, полная сил и жизни в неярком свете сумрачного дня, в своей длинной красной домотканой юбке и блузке с оборочками. Она казалась себе равнодушной

и одинокой посреди этой длинной, с высокими потолками комнаты. И чувствовала, что отец смотрит на нее. И знала, что он сейчас скажет.

— Пора тебе замуж, Люс Марина.

Она подождала, пока он произнесет следующую фразу.

— С тех пор, как умерла твоя мать… — Последовал тяжкий вздох.

Довольно, довольно, довольно!

Она повернулась к нему лицом.

— Я читала эту книгу, — сказала она.

— Книгу?

— Ее, должно быть, доктор Мартин позабыл. Что значит «исправительная колония»?

— С какой стати тебе понадобилось это читать?

Он был весьма удивлен. Ну что ж, уже интересно.

— Я думала, что это коробка с сушеными фруктами, — сказала она и рассмеялась. — Но что все-таки значит: «исправительная колония»? Колония для преступников? Тюрьма?

— Тебе это знать совершенно необязательно.

— Наши предки ведь были сосланы сюда как заключенные, верно? Именно так говорили в школе ребята из Шанти-тауна. — Фалько начинал

бледнеть, однако опасность только раззадорила Люс; мысли ее стремились вперед, и она говорила то, что давно уже было у нее на уме. — Они говорили, что все Первое Поколение состояло из преступников. Земное правительство использовало Викторию как тюрьму. А вот жителей Шанти-тауна как раз сослали сюда за то, что они верили в мир или во что-то такое. Мы же оказались здесь, потому что все были ворами и убийцами. И большая часть Первого Поколения состояла из мужчин; их женщины не могли прилететь сюда, поскольку не были за ними замужем, и именно поэтому здесь сперва женщин очень не хватало. Мне это всегда казалось довольно-таки глупым — ну почему было не прислать достаточно женщин для колонии? Зато теперь мне понятно, почему те космические корабли могли долететь только сюда. Вернуться на Землю они уже не могли. И почему жители Земли никогда сюда не прилетали. Нас просто вышибли вон и заперли за нами дверь. Это ведь правда, не так ли? Мы называем себя Колония Виктория. Но на самом деле мы — тюрьма.

Фалько уже встал. Потом медленно подошел к ней. Она стояла неподвижно, с высоко поднятой головой, крепко упершись ногами в пол.

— Нет, — легко, даже почти равнодушно сказала она. — Нет, не смей, папа.

И этот голос остановил его; подавив гнев, он застыл, глядя на нее. На какое-то мгновение он увидел ее по-настоящему. Она поняла по его глазам, что он увидел ее, теперешнюю, по-настоящему. И он испугался. Но лишь на мгновение, на одно мгновение.

Потом он резко отвернулся. Подошел к столику и взял книгу, которую забыл доктор Мартин.

— Что все это значит, Люс Марина? — спросил он наконец довольно спокойно.

— Я просто хотела знать.

— Это произошло сто лет назад. И с Землей мы расстались навсегда. И мы такие, какие есть.

Она кивнула. Когда он говорил своим обычным тоном, сухо и спокойно, она снова видела в нем ту силу, которой всегда восхищалась, перед которой преклонялась.

— Что меня особенно злит, — сказал он совершенно беззлобно, — так это то, что ты наслушалась россказней этого сброда. Они вечно все переворачивают с ног на голову. А что они знают? Вот ты позволила им рассказывать, что Луис Фирмин Фалько, мой прадед, основатель нашего дома, был вором, тюремной пташкой, уголовником. Да

что им об этом известно! А вот я действительно знаю историю нашей семьи и могу рассказать ее тебе — чтобы и ты поняла, каковы были они, наши предки. Это были настоящие мужчины. Слишком сильные для Земли. Правительство выслало их с Земли на другую планету, потому что боялось их, самых лучших, самых смелых, самых сильных из мужчин. Да, их просто боялись — тысячи тысяч жалких людишек на Земле боялись их, ставили на них ловушки, высылали с Земли на ракетах, не способных вернуться… Людишки желали распоряжаться Землей по своему усмотрению. Понимаешь? Ну и что же, когда дело было сделано, когда все настоящие мужчины с Земли улетели, там остались одни слабаки и слюнтяи, которым оказался страшен даже такой сброд, как теперешние жители Шанти-тауна. Тогда и тех тоже выслали с Земли — сюда, к нам, видимо, чтобы мы их привели в божеский вид. Что мы и сделали. Понимаешь теперь? Вот как оно было на самом деле.

Люс кивнула. Она приняла его очевидную попытку как-то оправдаться и успокоить ее, хотя и не понимала, почему он впервые говорил с ней так заискивающе, что-то доказывал, будто она ему ровня. Но какова бы ни была причина

такого поведения отца, а его объяснения звучали хорошо; Люс привыкла выслушивать все, что звучит хорошо, и уж потом разбираться в истинном смысле сказанного. Нет, правда, пока она не познакомилась в школе со Львом, ей и в голову не приходило, что кто-то может предпочесть честное высказывание *лжи*, даже ложь выгоднее и звучит гораздо лучше. Люди всегда говорили то, что соответствовало их целям, если были серьезны; а если не были серьезны, то говорили вообще всякую ерунду. И уж во всяком случае, разговаривая с девушками, они вряд ли вообще когда-либо были серьезны. Грязную правду необходимо было от девушек прятать, чтобы их чистые нежные души не загрубели и не испачкались. И если уж честно, то свой вопрос насчет исправительной колонии она задала главным образом для того, чтобы отвлечь отца от темы ее замужества; и трюк удался.

Однако же главная проблема с подобными уловками в том, что сама же становишься их жертвой, думала чуть позже Люс, сидя одна в своей комнате. Она затеяла спор с отцом и победила. И он, конечно же, ни за что ей этого не простит.

Все знакомые девушки ее возраста и все ее одноклассницы повыходили замуж уже два или

три года назад. Ей удавалось до сих пор избегать замужества только потому, что Фалько сам, возможно бессознательно, не хотел, чтобы дочь его покинула. Он привык к тому, что она всегда дома. Они были похожи, очень похожи; им нравилось общество друг друга; может быть, больше, чем кого бы то ни было другого. Но в этот вечер он смотрел так, словно вдруг вместо нее увидел кого-то другого, совсем ему непривычного. Если он станет замечать в ней черты, отличные от его собственных, если она начнет выигрывать в спорах с ним, если она перестанет быть его «любимой крошкой», то он вполне может задуматься о ее новых свойствах… и о том, какая от нее теперь ему польза…

А какая от нее действительно польза, что она, собственно, может? Ну, продолжить род Фалько, естественно. А что из этого следует? Или Герман Маркес или Герман Макмиллан. И ничегошеньки она с этим поделать не сможет. Она непременно станет чьей-то женой. Она непременно станет чьей-то невесткой. Она непременно будет закручивать волосы в строгий пучок и бранить слуг, и равнодушно слушать, как мужчины после ужина пьянствуют в гостиной, и у нее будут дети. По одному каждый год. Маленькие Маркесы Фалько.

Маленькие Макмилланы Фалько. Эва, подружка ее детских лет, вышла замуж в шестнадцать; она уже родила троих и ожидала четвертого. Муж Эвы, сын Советника, Альдо Ди Джулио Герц, бил ее; и она этим гордилась. Она демонстрировала свои синяки и шептала: «Ах, у Альдито такой темперамент! Он прямо-таки диким становится, словно мальчишка в припадке ярости».

Люс скорчила рожу, плюнула прямо на красиво выложенный плитками пол своей комнаты и оставила плевок на самом видном месте. Потом уставилась на маленький сероватый пузырь и подумала, что ей до смерти хотелось бы утопить в этом плевке Германа Маркеса, а потом и Германа Макмиллана. Она чувствовала себя грязной. Комната казалась ей тесной и тоже грязной: настоящая тюремная камера. И она не выдержала, сбежала от этих мыслей и от этой комнаты. Стрелой бросилась в гостиную, подобрала юбки и по приставной лесенке взобралась на чердак, под самую крышу, куда никто больше никогда не заглядывал. Там она уселась прямо на пыльный пол — крыша, гудевшая от дождевых струй, была слишком низкой, чтобы на чердаке можно было стоять, — и дала волю своим мыслям.

Мысли ее тут же устремились прочь от этого до-

ма, от только что пережитых мгновений — назад, в те времена, когда ей было просторнее жить.

На игровом поле за школьным зданием весенним днем двое мальчиков играли мячом в салки, оба из Шанти-тауна, Лев и его дружок Тиммо. Она стояла на крыльце и наблюдала за ними, удивляясь тому, что видела — быстрые, ловкие движения рук, прямые спины, гибкие, стройные тела, мелькание мяча в солнечных лучах. Они словно исполняли беззвучно какое-то музыкальное произведение, нет, то была музыка движений. Свет солнца вдруг скрыли грозовые облака с золотистыми краями, наползшие с запада, с Залива Мечты; земля сейчас казалась светлее, чем небеса. Полоса поросшей травой земли за спортплощадкой тоже была золотистого цвета, трава на ней прямо-таки горела огнем. Горела и сама земля. Лев стоял в ожидании дальнего броска, откинув назад голову и приготовившись схватить мяч; она так и застыла, наблюдая за ним, пораженная красотой движений.

Группа столичных мальчишек вышла из-за школы на площадку, намереваясь поиграть в футбол. Они тут же завопили, чтобы им уступили место, и Лев, вытянувшись во весь рост в красивом прыжке с поднятыми руками, поймал высоко

брошенный Тиммо мяч, засмеялся и бросил тем мальчишкам.

Когда они вдвоем проходили мимо крыльца, она сбежала вниз по ступеням:

— Эй, Лев!

Запад у него за спиной горел ослепительным заревом, его фигурка на фоне заката казалась черной.

— Почему ты им отдал мяч просто так?

Она не могла видеть его лицо, стоя против света. Тиммо, высокий красивый мальчик, чуть отступил и ей в лицо не смотрел.

— Почему ты позволяешь им так с собой обращаться?

Лев все-таки ответил.

— Я ничего им не позволяю, — сказал он. И, подойдя к нему ближе, она увидела, что смотрит он прямо ей в глаза.

— Они сказали: «Давай сюда мяч!», и ты сразу его отдал…

— Они хотели играть по-настоящему; а мы просто дурака валяли. Теперь была их очередь.

— Но они же не попросили мяч у тебя, они тебе приказали! Неужели у тебя совсем гордости нет?

Глаза у Льва были темные, лицо тоже было смуглым, чуточку грубоватым и каким-то неза-

вершенным; он улыбнулся ей — нежно и немного удивленно.

— Гордость? Конечно есть. Если бы у меня ее не было, я бы ни за что не отдал им мяч, пока вволю не наигрался бы.

— Почему у тебя всегда на все готов ответ?

— Потому что в жизни всегда полно вопросов.

Он рассмеялся, но продолжал смотреть на нее так, словно и она сама была для него вопросом, причем неожиданным и не имеющим ответа. И он был прав: она и сама не могла понять, зачем подначивает его и пытается оскорбить.

Тиммо стоял поодаль, явно смущенный. Кое-кто из столичных мальчишек на площадке уже поглядывал в их сторону: ну как же, двое жалких типов из Шанти разговаривают с сеньоритой!

Не сказав ни слова, все трое пошли прочь, вниз по улице, туда, где их нельзя было увидеть со спортплощадки.

— Если бы кто-то из здешних заговорил с кем-то из них так, как они орали тебе, — сказала Люс, — непременно была бы драка. А ты почему не дерешься?

— Из-за футбола?

— Из-за чего угодно!

— Мы деремся.

— Когда? Как? Вы просто уходите прочь и все.

— Мы каждый день ходим в Столицу, в школу, — сказал Лев. Теперь он на нее не смотрел, они шли по улице рядом, и лицо его выглядело как всегда — самое обыкновенное мальчишеское лицо, упрямое, немного мрачноватое. Сперва она не поняла, что он имеет в виду, а когда поняла, то просто не знала, что сказать.

— Кулаки и ножи — это последнее дело, — сказал он и, возможно, сам услышал, как напыщенно и хвастливо у него это получилось, потому что со смехом повернулся к Люс и пожал плечами, — …а словами в таких случаях делу тоже не поможешь!

Они вышли из тени какого-то дома на ровный золотистый свет. Солнце лежало расплавленной кляксой между темным морем и темными тучами, крыши Столицы горели неземным огнем. Трое подростков остановились, глядя на это великолепие света и тьмы на западном краю неба. Морской ветерок, пахнувший солью, простором и древесным дымком, коснулся их лиц холодным дыханием.

— Разве ты не видишь? — сказал Лев. — Ты ведь можешь увидеть — можешь понять, как это должно быть и что есть на самом деле?

И она увидела — его глазами увидела красоту и величие той Столицы, какой она должна была быть.

Но волшебное мгновение промелькнуло. И хотя ореол величия и красоты все еще пылал меж морем и грозовой тучей, а Столица по-прежнему стояла позлащенная и зачарованная на том вечном берегу, однако на улице за их спинами уже слышались чьи-то голоса, кто-то их окликнул. Оказалось, что это девушки из Шанти-тауна, которые задержались в школе, помогая классным надзирательницам убирать классы. Они ласково поздоровались с Люс, но, как и Тиммо, вели себя несколько настороженно. Чтобы попасть домой, в центр Столицы, ей нужно было сворачивать налево; их путь лежал направо, через холмы и дальше по дороге в Шанти.

Когда она шла по крутой улочке вниз, то на минутку оглянулась, чтобы посмотреть, как они, поднимаясь, удаляются от нее к противоположному концу. Девушки были одеты в брючные рабочие костюмы, яркие, но не чересчур. Столичные девушки всегда фыркали при виде жительниц Шанти, носивших брюки; однако сами старались шить свои юбки из тканей, изготавливаемых в Шанти, если удавалось достать

их: тамошние ткани были куда тоньше и лучше окрашены, чем столичная продукция. У юношей и брюки, и куртки с длинными рукавами и воротником-стойкой были кремовато-белыми, из настоящего шелка-сырца. Голова Льва с пышной мягкой шапкой черных волос очень выделялась на этом светлом фоне. Он шел позади остальных рядом с Южным Ветром, красивой девушкой с тихим голосом. По тому, как была повернута его голова, Люс могла догадаться, что он слушает этот тихий голос и улыбается.

— Сволочи! — вскричала вдруг Люс и рысью припустила по улице. Длинная юбка била ее по щиколоткам. О воспитании Люс слишком хорошо позаботились, чтобы она знала ругательства. Она знала слово «черт!», потому что отец произносил его даже в присутствии женщин, если бывал раздражен, однако сама никогда этого слова не употребляла — оно было собственностью отца. Но Эва уже давно, несколько лет назад сообщила ей, что «сволочь» — тоже очень плохое слово, так что Люс пользовалась им, когда бывала одна.

И тут вдруг, материализовавшись из ничего, подобно уотситу, горбатая, с глазами-бусинками и чуть ли тоже не покрытая перьями, перед ней возникла ее дуэнья, тетушка Лорес, которая, как

Люс надеялась, не выдержала и пошла домой одна еще с полчаса назад.

— Люс Марина! Люс Марина! Где ты была? Я ждала, ждала… я уж и в Каса Фалько сбегала, потом обратно в школу… Ну где же ты пропадала? И почему ты бродишь тут совсем одна? Да не торопись ты так, Люс Марина, у меня уже дух вон.

Но Люс и не подумала идти помедленней, несмотря на стоны несчастной дуэньи. Она упорно мчалась к дому, стараясь скрыть подступившие слезы, слезы гнева и отчаяния. Ну почему ей нельзя пройтись по улице в одиночестве?! Почему она никогда ничего не может сделать сама?! Почему здесь всем заправляют мужчины?! Конечно, они устроили так, как нравится им. И все женщины на их стороне. И девушкам из хороших семей запрещено ходить одним по улицам Столицы; еще бы, ведь их может оскорбить, например, какой-нибудь пьяный рабочий. А что, если бы это случилось в действительности? Бедняга тогда попал бы в тюрьму, и ему непременно отрезали бы уши. Ничего себе, хорошенькая перспектива! В подобном случае и репутация самой девушки была бы уничтожена. Ибо ее репутация была тем, что думали о ней мужчины. А мужчины могли думать о ней все что угодно, делать все что угод-

но, управлять всем чем угодно, создавать все что угодно, например, создавать законы и нарушать их, но всегда наказывать других, осмелившихся эти законы нарушить. И во всем этом не было места женщинам. Столица была создана не для женщин. Нигде, нигде здесь у них не было ни своего места, ни права — лишь в собственной комнате, в полном одиночестве.

Да, любой житель Шанти-тауна куда свободнее, чем она, Люс. Даже Лев, который не захотел драться из-за футбольного мяча, зато бросил вызов ночи, когда та выросла над краем мира; и Лев над законами Столицы смеялся. Даже Южный Ветер, всегда тихая и мягкая, даже она могла гулять, где хочет, и пойти домой с любым человеком, который ей приятен, рука об руку через поля, где дует вечерний ветерок, словно убегая от приближающегося дождя…

Дождь выбивал барабанную дробь по черепице, когда она укрылась на чердаке впервые, три года назад, в тот день едва добравшись домой. А тетушка Лорес тащилась за ней всю дорогу, пыхтя и причитая.

Дождь барабанил по черепице, когда она укрылась на чердаке и сегодня.

Три года пролетело с того вечера, залитого

золотистым светом. Пролетело совершенно незаметно. Хотя теперь событий в ее жизни еще меньше, чем тогда. Три года назад она еще ходила в школу; она верила, что когда ее закончит, то благодаря какому-нибудь волшебству станет свободной.

Тюрьма. Вся Виктория — это тюрьма, темница. И нет из нее выхода. Некуда пойти.

Только Лев сумел уйти, вырваться, нашел какое-то новое место далеко на севере, в диком краю, где можно жить свободно… И, вернувшись оттуда, он смело встал перед Хозяином Фалько и прямо сказал ему: «Нет!»

Но Лев-то всегда был свободен! Именно поэтому, когда она с ним рассталась, окончив школу, в ее жизни больше ни разу не возникало ощущения свободы — ни разу с тех пор, как она стояла с ним на холме, глядя на Столицу, залитую золотистым светом солнца в преддверии грозы, и вместе с ним видела, чувствовала, что такое свобода. Но то был один лишь миг. Порыв ветра, взгляд друг другу в глаза…

Уже больше года она даже и не видела его. Он ушел отсюда, вернулся в Шанти-таун, отправился в далекий поход, к тому новому месту в диком краю; он ушел отсюда свободным, забыл ее. Да

и с какой стати ему ее помнить? С какой стати ей вспоминать о нем? Ей и без него есть о чем подумать. Она взрослая женщина. И вынуждена смотреть в лицо собственной судьбе. Даже если судьба сулит ей на всю жизнь лишь запертые двери, а за этими запертыми дверями — ничего!

3

Между двумя людскими поселениями на планете Виктория было шесть километров. И больше там, насколько это было известно жителям Шанти-тауна и Столицы, не жил из людей никто.

Те, кто по работе был связан с рыболовством и вяленьем рыбы, часто ходили из Шанти в Столицу, и обратно, однако большая часть жителей Столицы никогда не посещала Шанти, как и те, кто жил в Шанти и в деревнях, окружавших его, почти никогда не ходили в Столицу.

Пятеро шантийцев — четверо мужчин и одна женщина — шли по дороге, ведущей в Столицу, и остановились на холмах у самой ее границы; они смотрели вокруг с живым любопытством и даже с восхищением, ибо сейчас им была видна вся Столица, раскинувшаяся на холмистом берегу Залива Мечты. Они остановились как раз возле Памятника — керамической оболочки одного из тех кораблей, которые принесли на Викторию первых поселенцев, — однако не стали слишком внимательно рассматривать монумент; он, конечно, впечатлял своими размерами, однако

был похож на скелет и вызывал скорее жалость, хотя и стоял на вершине холма и храбро задирал свой нос к звездам; служил он главным образом указателем для рыбацких лодок, вышедших в море. Нет, этот памятник, эта принесшая их ракета была мертва; а Столица была жива.

— Вы только гляньте, — сказал Хари, старший в группе. — Хоть целый час сидите здесь, все равно всех домов не сосчитаете! Их там сотни и сотни!

— В точности как в городах на Земле, — отметил с особой гордостью более часто бывавший здесь его спутник.

— Моя мать родилась в Москве, в России, — сказал третий мужчина. — Она говорила, что наша Столица там, на Земле считалась бы всего-навсего небольшим городком. — Но это показалось чересчур неправдоподобным его товарищам, чья жизнь проходила меж залитых водою полей и беспорядочно разбросанных деревенских домов, в тесной и постоянной зависимости от собственного тяжелого труда и тесного сотрудничества с соседом, и вне этого их мирка лежали необъятные, равнодушные дикие края чужой планеты.

— Ну вряд ли, — мягко и с легким недоверием возразил ему один из них. — Наверное, она хотела сказать: большим городом?

Так они и стояли в тени пустой оболочки космического корабля, глядя на яркие, чуть ржавого оттенка крыши домов, крытых черепицей или красными листьями тростниковой пальмы, на поднимавшийся вверх дым от каминных труб, на геометрически правильные линии улиц, и совсем не хотелось им смотреть на широкий простор пляжей, на прекрасный залив и океан — эти пустые долины, пустые холмы, пустые небеса, пустые воды, что окружали Столицу своим величественным безлюдьем, были им совершенно чужды.

Стоило им спуститься с холмов и пройти мимо здания школы на центральные улицы, как они полностью позабыли о присутствии дикой природы. Со всех сторон их окружали творения рук человеческих. Дома с маленькими окнами, в основном из грубого камня, выстроились по обе стороны улицы, окруженные высокими стенами. Улицы были довольно узкие и почти по колено залитые грязью. Кое-где через особенно глубокие лужи были перекинуты хлипкие дощатые мостки, ставшие от бесконечных дождей ужасно скользкими. Прохожих на улицах почти не было, но порой открытая дверь давала возможность заглянуть в кишащие людьми дома, полные

женщин, развешанного белья, детей, кухонного чада и голосов. Затем — снова теснота улиц и зловещая тишина.

— Удивительно! Замечательно! — вздыхал Хари.

Они прошли мимо фабрики, где плавили железную руду, добываемую в правительственных шахтах, а затем изготавливали различные детали, кухонную утварь, дверные засовы и тому подобное. Ворота были распахнуты настежь, и шантийцы замерли перед ними, не в силах отвести глаза от раскаленной тьмы, освещаемой лишь искрами огней и звенящей от грохота молотов и молотков, однако какой-то рабочий заметил их и крикнул, чтоб проходили. И они послушно поплелись дальше к улице Залива, и, добравшись до нее, такой длинной, широкой и прямой, Хари снова воскликнул: «Замечательно!» Мужчины шли следом за Верой, которая хорошо ориентировалась в Столице, к Капитолию. Завидев Капитолий, Хари совсем лишился дара речи и только глядел на него во все глаза.

Это было самое большое здание на планете — раза в четыре выше любого дома — и построенное из камня. Его высокий портик поддерживали четыре колонны, и каждая была вырезана из

цельного ствола гигантского дерева-кольца, украшена резьбой и отмыта добела. Тяжелые капители тоже были украшены обильной резьбой и позолочены. Посетители чувствовали себя козявками, проходя меж этих колонн, в эти широкие великолепные врата неимоверной вышины. Вестибюль был довольно узкий, но с очень высокими потолками, оштукатуренными и побеленными стенами, которые еще в давние времена украсили фресками от пола до потолка. При виде всего этого великолепия жители Шанти снова остановились и молча уставились на фрески, ибо на них была изображена Земля.

В Шанти еще оставались люди, которые помнили Землю и с удовольствием о ней рассказывали, однако их воспоминания пятидесятилетней давности были в основном детскими, потому что покинули они Землю детьми. Сейчас были живы всего несколько человек, ко времени высылки успевших стать взрослыми. Некоторые из них потратили не один год, прилежно записывая историю Народа Мира, речи и высказывания его вождей и героев, составляя описания Земли и делая экскурсы в ее далекое и ужасное прошлое. Другие старались вообще не говорить о Земле; самое большее — пели своим детям или

внукам, родившимся в изгнании, старинные песни с незнакомыми словами и именами людей или рассказывали им странные сказки о детях и ведьме, о трех медведях, о каком-то царе, что ездил верхом на тигре. Дети слушали, округлив от любопытства глаза. «А что такое медведь? А этот царь тоже был полосатый?»

Что же касается Столицы, то первое поколение ее жителей, сосланное на планету Виктория за полвека до появления там представителей Народа Мира, прибыло главным образом из крупных городов Земли — Буэнос-Айреса, Рио, Бразилиа и прочих культурных и промышленных центров Бразиль-Америки; некоторые из этих людей были на Земле поистине могущественными людьми, обладали и властью, и богатством, и знакомство водили с куда более странными вещами, чем какие-то ведьмы и медведи. Так что неведомый художник изобразил на фресках Капитолия такие сцены, которые казались совершеннейшим чудом тем жителям Шанти, что сейчас смотрели на них: башни со множеством окон, улицы, заполненные машинами на колесах, небеса, полные крылатых машин; женщин в мерцающих, увешанных драгоценностями одеждах, с ярко-красными, как кровь, губами;

мужчин, высоких мужественных героев, совершающих немыслимые вещи — сидящих верхом на огромных четвероногих чудовищах или за какими-то большими блестящими ящиками; призывающих куда-то огромные толпы людей; шагающих среди мертвых тел и луж крови во главе построенных рядами других мужчин, одетых совершенно одинаково, под небесами, затянутыми дымом и озаренными вспышками огней… Гости из Шанти должны были либо простоять там, рассматривая фрески, по меньшей мере неделю, либо сразу и побыстрее пройти дальше, ибо опаздывать на заседание Совета не полагалось. Но они все-таки еще раз остановились все вместе у последней фрески, которая сильно отличалась от остальных. Вместо бесконечных лиц, огня, крови и всяческих машин на ней была изображена тьма. Внизу, в левом ее углу светился маленький голубовато-зеленый диск, а высоко, в правом углу — другой; между ними и вокруг них — лишь пустота и чернота. И, лишь внимательно присмотревшись, можно было разглядеть, что чернота эта посверкивает бесчисленными крошечными звездочками; а потом вы замечали и прекрасно нарисованный серебристый космический корабль, не длиннее кусочка состриженного

ногтя, как бы подвешенный в пустоте между этими мирами.

Сразу же за последней фреской находилась дверь, возле которой стояли два стражника, весьма впечатляющей наружности и одетые совершенно одинаково — в широкие штаны с ремнями, короткие кожаные куртки и высокие ботинки. У них были при себе не только плетки, но и ружья: длинные мушкеты с украшенным ручной резьбой ложем и тяжелым стволом. Большая часть жителей Шанти, разумеется, слышала о ружьях, но никогда их не видела, так что гости уставились на них с любопытством.

— Halt! — рявкнул один охранник.

— Что? — переспросил Хари. Жители Шанти давно уже усвоили основной язык Столицы, поскольку и сами были представителями самых различных рас и народов и им тоже требовался некий единый язык общения как между собой, так и с жителями Столицы; однако некоторые старики так и не успели выучиться кое-каким ставшим привычными для столичных жителей словечкам. Хари, например, никогда не слышал слова «halt».

— Стойте здесь, — сказал охранник.

— Хорошо, — согласился Хари. — Мы должны

подождать здесь, — пояснил он остальным.

Из-за закрытых дверей Зала Заседаний доносились голоса выступавших. Вскоре гости из Шанти снова разбрелись по вестибюлю, рассматривая фрески и ожидая, когда их пригласят в зал; охранники тут же велели им собраться и ждать у дверей всем вместе. Наконец двери распахнулись, и делегацию из Шанти под охраной ввели в зал, где шло заседание правительства планеты Виктория; это было обширное помещение, залитое сероватым светом, проникавшим из окон, сделанных очень высоко, почти под потолком. На дальнем конце зала, на возвышении, полукругом стояли десять кресел; на стене за ними висело красное полотнище с голубым диском посредине и десятью желтыми звездами вокруг него. В зале на скамьях сидели еще десятка три человек. Из тех десяти кресел, что стояли на сцене, занято было только три.

Курчавый человек, что сидел за маленьким столиком рядом со сценой, встал и объявил, что делегация из Шанти-тауна испросила разрешения обратиться к Верховному Пленуму Конгресса Виктории.

— Разрешение предоставлено, — сказал один из людей на сцене.

— Пройдите вперед… нет, не здесь, сбоку… — зашептал курчавый человек, и суетился до тех пор, пока не устроил делегацию там, где считал нужным: возле сцены. — Кто из вас будет выступать?

— Она, — сказал Хари, кивнув в сторону Веры.

— Сообщите ваше имя так, как оно записано в Национальной Регистратуре. Вы должны называть конгрессменов «джентльмены», а Советников — «ваше превосходительство», — зашептал курчавый чиновник, хмурясь от волнения. Хари наблюдал за ним с добродушным любопытством, словно тот был чем-то вроде сумчатой летучей мыши. — Ну, давайте же, начинайте! — снова засуетился чиновник, потея.

Вера сделала шаг вперед:

— Я Вера Адельсон. Мы пришли, чтобы обсудить с вами наши планы по отправке группы людей на север с целью создания там нового поселения. В течение нескольких последних дней у нас не хватало времени — в связи с уборкой урожая — как следует обсудить этот вопрос, поэтому и возникло некоторое недопонимание наших идей. Теперь все улажено. Ян принес копию карты, которую хотел получить Советник Фалько, и мы рады предоставить ее для ваших архивов. Участники экспедиции просили предупредить, что карта

недостаточно аккуратно выполнена и точна, однако она дает вполне ясное общее представление о тех краях, что расположены к северу и востоку от Залива Мечты; на ней также помечены некоторые приемлемые тропы и броды. Мы от всего сердца надеемся, что она окажется полезной для всего нашего сообщества. — Один из шантийцев протянул чиновнику большой скатанный в трубку лист бумаги, и тот как-то боязливо взял его, предварительно взглядом испросив разрешения у Советников.

Вера в белом брючном костюме из шелка-сырца стояла совершенно спокойно и казалась белой статуей в сероватом свете зала; голос ее звучал ровно.

— Сто одиннадцать лет тому назад правительство Бразиль-Америки впервые выслало на эту планету несколько тысяч человек. Пятьдесят шесть лет назад правительство Кан-Америки тоже выслало сюда две тысячи человек. Эти две группы не смешались друг с другом, однако всегда успешно сотрудничали; и теперь Столица и Шанти, по-прежнему значительно отличаясь друг от друга, стали в весьма большой степени взаимозависимы.

Первые несколько десятилетий для каждой из

высланных групп были очень тяжелыми; многие люди умерли. Однако смертей становилось все меньше по мере того, как мы учились жить здесь. Регистрационный лист в течение многих лет, к сожалению, не заполнялся, однако мы оцениваем население Столицы примерно в восемь тысяч жителей, а население Шанти, согласно нашей последней переписи, составило четыре тысячи триста двадцать человек.

На скамьях в зале изумленно заерзали.

— Двенадцать тысяч человек, собравшихся в относительно небольшом районе, прилегающем к Заливу Мечты, — это, по нашим расчетам, максимум того, что данные земли способны прокормить без сверхинтенсивного их использования и постоянной угрозы голода. А потому мы полагаем, что настало время расширить территорию проживания людей и основать по крайней мере еще одно новое поселение. В конце концов, места здесь более чем достаточно.

При этих словах Веры Фалько, восседавший наверху, в кресле Советника, чуть заметно улыбнулся.

— Поскольку Город и Столица не смешивались, а образовали две совершенно отдельные и независимые группы населения, то нам пред-

ставляется неразумным предпринимать первую попытку создать новый город объединенными усилиями. Пионеры ведь вынуждены будут жить вместе, вместе работать, полностью зависеть друг от друга, и, разумеется, возникнут смешанные браки. В подобных условиях социальное напряжение, которое возникнет при попытках сохранить две различные касты, станет безусловно непереносимым. Впрочем, так или иначе, пока что выразили желание участвовать в экспедиции и строительстве поселения только жители Шанти.

На север намерены отправиться около двухсот пятидесяти семей, то есть примерно тысяча человек. Разумеется, они уйдут не все сразу, но в два-три приема. По мере того, как они будут уходить, их места на фермах будут заполняться молодежью, которая остается здесь; кроме того, поскольку Столица тоже явно становится перенаселенной, возможно, некоторые столичные семьи тоже захотят переехать в наши края. Мы будем им только рады. Должна отметить, что даже если пятая часть наших жителей сразу отправится на север, то никакого уменьшения производства продуктов питания не произойдет; к тому же тогда придется кормить на тысячу ртов

меньше.

Таков вкратце наш план. Мы твердо уверены, что путем целенаправленного совместного обсуждения, высказывания критических замечаний и стремления достичь истины можно прийти к полному соглашению, тем более что данный вопрос касается нас всех.

Некоторое время в зале царила тишина.

Какой-то мужчина встал со скамьи, собираясь что-то сказать, однако тут же поспешно сел, увидев, что намерен выступить Советник Фалько.

— Благодарю вас, сеньора Адельсон, — сказал Фалько. — О решении Совета вам сообщат позже. Сеньор Браун, каков следующий пункт нашей повестки дня?

Курчавый чиновник яростно махал одной рукой, пытаясь привлечь внимание шантийцев, а другой рукой в это время пытался что-то откопать среди бумаг на своем столике. Оба охранника быстро подошли и встали рядом с Верой и ее спутниками.

— Пошли! — приказал один из охранников.

— Извините, — вежливо возразила ему Вера. — Я еще не закончила. Советник Фалько, между нами, боюсь, снова возникло некоторое недопонимание. Мы ведь пришли сообщить вам, что для

себя уже приняли решение, и решение весьма взвешенное. Так что теперь дело за вами, ибо ни мы, ни вы не можем предпринимать подобные действия в одиночку, поскольку решение этого вопроса касается всех нас, вместе взятых.

— Это, видимо, вы не совсем понимаете ситуацию, — сказал Фалько, глядя куда-то поверх Вериной головы. — Вы свое предложение уже внесли. Решение вопроса о новом поселении — это дело правительства Виктории.

Вера улыбнулась:

— Я понимаю, вы не привыкли, чтобы на ваших собраниях выступали женщины; возможно, будет лучше, если от нашего имени далее станет говорить Ян Серов. — Она отступила назад, и крупный светлокожий мужчина занял ее место.

— Видите ли, — проговорил он, как бы продолжая незаконченную Верой фразу, — сперва мы вместе должны решить, что нам нужно и как этого добиться, а уж потом приступать к конкретным действиям.

— Данный вопрос закрыт, — объявил лысый Советник Хелдер, сосед Фалько слева. — Если вы будете продолжать мешать работе Пленума, вас придется вывести из зала силой.

— Мы не мешаем работе, мы как раз пытаемся

работать с вами вместе! — удивился Ян. Он не знал, куда девать руки, неловко висевшие вдоль тела; кулаки были наполовину сжаты, словно тосковали по ручке мотыги. — Мы непременно должны обговорить этот вопрос окончательно.

Очень тихо Фалько приказал:

— Стража!

Когда охранники с угрожающим видом вновь приблизились, Ян озадаченно посмотрел на Веру, но тут вдруг заговорил Хари:

— Ох, пожалуйста. Советник, успокойтесь! Мы всего и хотим-то немного поговорить по-человечески, разве вы не видите?

— Ваше превосходительство! Пусть этих людей выведут отсюда! — крикнул какой-то мужчина со скамьи в зале; остальные тоже стали выкрикивать что-то, словно только ради того, чтобы таким образом быть услышанными теми, кто сидел на сцене. Жители Шанти стояли спокойно, хотя Ян Серов и юный Кинг довольно обеспокоенно поглядывали на злобные орущие физиономии сидящих в зале. Фалько о чем-то посоветовался с Хелдером, потом знаком приказал что-то одному из охранников, и тот бегом бросился к двери. Фалько поднял руку, призывая соблюдать тишину и порядок.

— Вы должны понять, — сказал он почти мягко, — что не являетесь членами правительства, а напротив — ему подчиняетесь. Что-то «решить», принять какой-то «план» против воли правительства — безусловно, акт неповиновения закону. Чтобы это стало окончательно ясно вам и вашему народу, вы будете задержаны и останетесь здесь до тех пор, пока мы не убедимся, что восстановлен нормальный порядок.

— Что значит «задержаны»? — шепотом спросил Хари у Веры, которая ответила: «Посажены в тюрьму», и Хари понимающе кивнул. Он родился в тюрьме, в Кан-Америке; тюрьмы он не помнил, однако очень своим прошлым гордился.

Теперь в зал вошли уже целых восемь охранников и, толкаясь, начали оттеснять шантийцев к двери.

— В затылок друг другу! А ну поторапливайтесь! Да не вздумайте бежать!

— командовал офицер. Ни один из пяти делегатов не проявил ни малейшего желания сбежать, оказать сопротивление или запротестовать. Юный Кинг, подталкиваемый нетерпеливым охранником, сказал только: «Ох, простите», как если бы в суете нечаянно наступил кому-то на ногу.

Охранники провели их к выходу через вестибюль, мимо фресок, под могучие колонны портика и на улицу. Там они остановились.

— Куда их? — спросил один из охранников.

— В тюрьму.

— И ее тоже?

Все они дружно уставились на Веру, чистенькую, хрупкую, в белом шелковом костюме. Она тоже смотрела на них со спокойной заинтересованностью.

— Босс велел в тюрьму, — сказал, нахмурившись, офицер.

— Езус Мария, сэр, мы же не можем сунуть ее в одну из этих камер! — воскликнул маленький остроглазый охранник со шрамом через все лицо.

— Так босс велел.

— Но посмотрите, сэр, это же дама!

— Ну так отведи ее в Каса Фалько, и пусть босс сам решает, когда вернется, — предложил другой охранник, похожий на близнеца того, со шрамом.

— Даю вам слово, что никуда не убегу из того места, куда вы решите меня поместить, — сказала Вера, — но я предпочла бы остаться со своими товарищами.

— Пожалуйста, сеньора, хоть вы заткнитесь! — замотал головой офицер. — Ну хорошо. Вы двое отведите ее в Каса Фалько.

— Остальные тоже дадут вам честное слово, если… — начала было Вера, но офицер повернулся к ней спиной и заорал:

— Ну все, хватит! Ступайте! В затылок друг другу!

— Сюда, сеньора, — сказал человечек со шрамом.

На углу Вера остановилась и подняла руку, прощаясь со своими четырьмя спутниками, видневшимися уже на дальнем конце улицы. «Мир! Мир!» — оживленно закричал ей в ответ Хари. Охранник со шрамом что-то пробормотал и яростно сплюнул в сторону. Оба сопровождавших ее человека имели такую внешность, что Вера непременно испугалась бы, встреть она их одна где-нибудь на улицах Столицы, однако сейчас они шли рядом с нею, и их желание защитить ее было совершенно очевидным даже по их походке. Она догадалась: они воображают себя ее спасителями.

— А эта ваша тюрьма действительно так отвратительна? — спросила она.

— Пьянь, драки, вонь, — кратко ответил че-

ловек со шрамом, а его близнец подтвердил это энергичным мрачным кивком. — Там не место для настоящей леди, сеньора.

— А для мужчин там место? — поинтересовалась она, но ни тот, ни другой не ответили.

До Каса Фалько от Капитолия нужно было пройти всего три улицы. Вера увидела просторный приземистый белый дом с красной черепичной крышей. Пышненькая горничная, открывшая двери, страшно разволновалась при виде двух солдат и незнакомой сеньоры; вежливо присев перед ними, она тут же улетучилась, бросив их на крыльце и бормоча под нос: «Ох, Езус Мария! Езус-Мария!» Ждать пришлось довольно долго, так что Вера успела поговорить с обоими охранниками и выяснить, что они действительно близнецы, зовут их Эмилиано и Анибал, им нравится работа в охране, потому что платят хорошо да и сам себе командир в свободное время, однако Анибал — тот, что со шрамом — очень не любил, когда приходилось долго стоять: от стояния у него болели ступни и распухали суставы. Наконец к ним вышла какая-то девушка, очень стройная и румяная, в пышной длинной юбке.

— Я сеньорита Фалько, — сказала она, быстро взглянув на охранников, однако обращаясь

именно к Вере. Вдруг лицо ее вспыхнуло. — Ой, сеньора Адельсон, я вас не сразу узнала! Простите! Входите, пожалуйста.

— Все это действительно очень странно, дорогая, только, видишь ли, я тут не гостья, я арестована, а эти джентльмены были очень ко мне добры. Они решили, что тюрьма — не слишком подходящее место для женщины, так что привели меня сюда. По-моему, им тоже следует войти в дом, если войду я, поскольку они обязаны меня сторожить.

Брови Люс Марины уже сдвинулись в абсолютно ровную прямую линию. Какое-то время она стояла молча.

— Они могут подождать здесь, в прихожей, — сказала она. — Садитесь на эти вот сундуки, — предложила она Анибалу и Эмилиано. — А сеньора Адельсон побудет со мной.

Близнецы смущенно двинулись следом за Верой.

— Пожалуйста, проходите, — сказала Люс, вежливо пропуская Веру вперед, и та вошла в гостиную Каса Фалько, обставленную деревянными креслами и пуфиками с мягкими подушками и инкрустированными столиками; увидела красивые мозаичные полы, толстые зеленоватые

стекла в окнах и огромные мертвые камины. Так вот какая у нее тюрьма. — Пожалуйста, садитесь, — сказала ее юная тюремщица, прошла к двери, ведущей куда-то внутрь дома, и крикнула слугам, чтобы затопили камины, зажгли лампы и принесли кофе.

Вера не стала садиться. Когда Люс снова подошла к ней, она посмотрела на девушку с нежностью:

— Дорогая моя, ты так добра и так любезна! Но я ведь действительно арестована — по приказу твоего отца.

— Это мой дом, — сказала Люс. Голос ее звучал так же сухо, как у Фалько. — В этом доме к гостям относятся радушно.

Вера коротко вздохнула и покорно села. Пока они шли по улицам, ее седые волосы растрепал ветер; она пригладила их, положила свои тонкие загорелые руки на колени, сплела пальцы.

— Почему он вас арестовал? — Этот вопрос девушка явно подавить не сумела. — Что вы такого сделали?

— Дело в том, что мы специально пришли из Шанти, чтобы обсудить с членами Совета планы создания нового поселения.

— А разве вы не понимали, что они непременно

вас арестуют?

— Мы обсуждали в том числе и эту возможность.

— Но о чем же все-таки был разговор?

— О новом поселении — в общем, о свободе, мне кажется. Но нет, моя дорогая, я действительно не должна говорить об этом с тобой. Я обещала быть примерной узницей, а узники не должны проповедовать свои криминальные идеи.

— А почему нет? — заявила пренебрежительно Люс. — Разве идеи заразны? Как грипп?

Вера засмеялась:

— Да, разумеется… Я уверена, что где-то встречалась с тобой, вот только не помню где.

Та же по-прежнему взволнованная горничная поспешно вошла в гостиную с подносом, поставила его на столик и тут же, задыхаясь от волнения, выбежала снова. Люс налила в красные керамические чашечки черный горячий напиток — его называли кофе, но делали из поджаренных корней местного растения.

— Я год назад приходила в Шанти-таун на фестиваль, — сказала она. Властный суховатый тон исчез, теперь голос ее звучал застенчиво. — Мне хотелось посмотреть танцы. А еще вы раза два выступали у нас в школе.

— Ну разумеется! Ты, Лев и все остальные… Вы ведь вместе учились в школе! Значит, ты знала и Тиммо? А ты знаешь, что он погиб во время этого путешествия на север?

— Нет, я не знала. В диком краю… — проговорила девушка и запнулась. — А Лев… Лев тоже сейчас в тюрьме?

— Мы пришли сюда без него. Ты же знаешь, что во время войны нельзя ставить всех своих солдат в одно и то же место. — Вера оживилась, отхлебнула кофе и поморщилась: вкус его был ей неприятен.

— Во время войны?

— Ну разумеется, войны. Только без настоящего боя. Может быть, стоит это назвать «неповиновением», как выразился твой отец. Может быть, как надеюсь я, это просто недоразумение. — Люс по-прежнему ничего не понимала.

— Ты знаешь, что такое война?

— О да. Когда сотни людей убивают друг друга. История Земли, которую мы проходили в школе, прямо-таки напичкана всякими войнами. Но я думала… ваш народ воевать не станет?

— Нет, — согласно кивнула Вера. — Мы не воюем. Во всяком случае, не пользуемся ножами и ружьями. Однако когда мы что-то твердо реша-

ем, то становимся очень упрямыми. А когда это упрямство сталкивается с упрямством других людей, то может возникнуть нечто похожее на войну — борьба идей, та единственная разновидность войны, в которой кто-то действительно способен победить. Поняла?

Совершенно очевидно было, что Люс не поняла почти ничего.

— Ладно, — утешая ее, сказала Вера, — не расстраивайся. Ты все увидишь и поймешь сама.

4

Дерево-кольцо планеты Виктория вело двойную жизнь. Начинало оно ее в виде единственного быстрорастущего побега с зубчатыми красными листьями. Достигнув зрелости, оно начинало обильно цвести крупными медового оттенка цветами. Уотситы и прочая летучая мелюзга, привлеченная сладостным ароматом, пили сладкий нектар, а заодно и оплодотворяли цветы, забираясь в их горьковато пахнущую сердцевину. Оплодотворенный цветок сворачивался и превращался в круглый с твердой оболочкой плод. На дереве их могли быть сотни, однако они высыхали и опадали один за другим, и в конце концов на одной из самых верхних ветвей оставался только один огромный черный шар в твердой оболочке и с отвратительным запахом, который все рос и рос, пока само породившее его дерево не поникало печально под этим невыносимым бременем. Затем, в один прекрасный день, когда осеннее солнце еще проглядывало сквозь несущиеся по небу тяжелые, напоенные дождем облака, плод являл миру свои необы-

чайные возможности: окончательно созрев и прогревшись солнцем, он взрывался, причем с таким шумом, который можно было услышать за несколько миль. Целое облако пыли и мелких кусочков оболочки плода взлетало в воздух и медленно рассеивалось по ближним холмам. Теперь, казалось, окончательно выполнив свою задачу, дерево-кольцо погибнет.

Однако же вокруг центрального ствола начинали энергично врастать во влажную, богатую перегноем почву несколько сотен созревших зернышек, вырвавшихся со взрывом из крепкой оболочки. Через год молодые ростки уже вовсю соревновались друг с другом за место для корней, и более слабые погибали. И вот, лет через десять — и потом еще в течение века, а то и двух — на этом месте поднимались от двадцати до шестидесяти деревьев с медного цвета листьями, создавая правильную окружность, центром которой служил давно исчезнувший главный ствол, их породивший. Каждое из деревьев имело свою собственную корневую систему и крону, однако корневые системы их пересекались, а кроны соприкасались. Это было единое дерево-кольцо. Раз в восемь или десять лет деревья в кольце цвели и приносили маленькие съедобные пло-

ды, семечки которых падали на землю вместе с экскрементами поедавших плоды уотситов, сумчатых летучих мышей, фарфалий, древесных кроликов и прочих любителей фруктов. Попав в подходящую почву, такое семечко прорастало и давало одиночный побег; побег вырастал, превращался в дерево и вскармливал единственный плод. Таким образом, весь цикл повторялся снова — от единственного дерева-прародителя к дереву-кольцу и так без конца.

Там, где почва оказывалась особенно благоприятной, деревья росли густо, пересекаясь кольцами, но в любом случае никаких крупных растений в середине кольца не было, только трава, мох и папоротники. Самые старые и мощные кольца настолько истощали землю внутри круга, что она могла даже осесть, и тогда там образовывалась впадина, которая постепенно заполнялась грунтовыми и дождевыми водами, и вскоре круг высоких старых с темно-красными листьями деревьев уже отражался в тихой воде пруда. В центре дерева-кольца всегда было тихо. А старинные кольца, те, в которых посередине был пруд, вообще казались самыми тихими и самыми странными местами на планете.

Дом Собраний Шанти-тауна стоял за преде-

лами самого города, в лощине, как раз возле такого кольца деревьев: сорок шесть стволов вздымались ввысь, как колонны с бронзовыми капителями, отражаясь в тихой воде круглого пруда, которую то морщил дождь, то темнили тучи, а то вдруг она начинала сверкать под солнцем, пробившимся в редкие разрывы между тучами и сквозь темно-красную листву. Корни деревьев у берегов пруда со временем обнажились, и на них было хорошо посидеть и помечтать в одиночестве. Одна-единственная пара цапель жила на этом пруду у Дома Собраний. Цапля с планеты Виктория цаплей вовсе не была; это была даже не птица. Чтобы описать тот мир, в котором они оказались, изгнанники имели в распоряжении термины лишь своего старого мира. Существа, что жили возле таких прудов — всегда по одной-единственной паре на каждом, — были длинноногими, светло-серыми рыболовами: так что они стали цаплями. Первое поколение ЕЩЕ знало, что это никакие не цапли и вообще не птицы, не рептилии и не млекопитающие. Последующие поколения УЖЕ не знали, кем цапли не являются, зато, по-своему, понимали, кто они ЕСТЬ. Они были цаплями и все.

Похоже, цапли эти жили так же долго, как и

деревья-кольца. Никто никогда не видел детеныша цапли или ее яйца. Порой они танцевали, но если за танцем и следовало спаривание, то делалось это в глубокой тайне, в ночной тиши дикого края, там, где никто ничего увидеть не мог. Молчаливые, чопорные, элегантные, они устраивали гнезда из красных опавших листьев меж корней деревьев, ловили рыбу и прочих водяных обитателей на мелководье и смотрели — всегда с другого берега пруда — на людей огромными, круглыми глазами, такими же бесцветными и прозрачными, как вода. Они не обнаруживали ни малейшего страха в присутствии человека, но никогда не подпускали к себе слишком близко.

Поселенцы еще не встречали на Виктории ни одного крупного сухопутного животного. Самым крупным из травоядных был «кролик» — толстое, медлительное, действительно отчасти похожее на кролика животное, покрытое тонкой водонепроницаемой чешуей; самым крупным хищником была личинка стрекозы примерно в полметра длиной, красноглазая и с зубами, как у акулы. Будучи пойманными, такие личинки бились и царапались в безумном отчаянии до тех пор, пока не погибали; кролики в неволе отказывались есть, тихо ложились на землю и

умирали. В море были, правда, крупные животные; например, «киты» каждую весну заплывали в Залив Мечты и их ловили на мясо. В открытом море встречались и более крупные животные, просто гиганты, похожие на извивающиеся в воде острова. «Киты» эти точно не были китами, но вот кем были или не были те монстры, никто не знал. Они никогда не подплывали близко к рыбачьим лодкам. И животные из полей и лесов тоже никогда близко к людям не подходили. Нет, они не убегали. Просто держались на расстоянии. Некоторое время они следили за чужаками своими блестящими глазами, а потом просто уходили, не обращая на них внимания.

Только яркокрылые фарфальи и уотситы соглашались порой приблизиться к человеку. Посаженная в клетку, фарфалья складывала крылышки и вскоре умирала; но, если регулярно выставлять для нее блюдечко с медом, фарфалья могла поселиться у вас на крыше, сделать там маленькое, похожее на чайную чашку гнездышко, где, будучи наполовину водным, а наполовину сухопутным животным, она спала. Уотситы, очевидно, полагались исключительно на свою замечательную способность каждые несколько минут менять облик. Порою, впрочем, они

выказывали явное желание полетать вокруг человека или даже сесть на него. Их умение менять не только цвет, но и форму тела способно было кого-то обмануть или даже загипнотизировать, и Лев иногда думал с удивлением: не потому ли уотситам так нравятся люди, что на них можно поупражняться в различных трюках? Впрочем, если вы сажали уотсита в клетку, он мгновенно превращался в бесформенный коричневый грязный комок и через два-три часа погибал.

Ни одно из существ, населявших планету Виктория, не желало жить с человеком вместе. Они не подходили к людям близко. Они избегали их; всегда старались ускользнуть и скрыться в затянутых серой дымкой дождя, сладко пахнущих лесах, или в морской глубине, или — в смерти. У них не было ничего общего с людьми. Человек был здесь чужаком. Он не принадлежал их миру.

— У меня был кот, — любила рассказывать маленькому Льву бабушка. — Толстый и серый. С мягкой шерсткой, похожей на волокно здешнего древесного шелкопряда. На лапках у него были черные полоски. А глазищи зеленые. Он любил вскочить ко мне на плечо и уткнуться носом за ухо, чтобы я получше его слышала, и мурлыкал без конца… вот так! — И бабушка издавала глубо-

кий мягкий дрожащий звук, который приводил в полный восторг слушавшего ее малыша.

— Бабуля, а что он говорил, когда бывал голоден? — и Лев затаивал дыхание, ожидая.

— Пуррмяу! Пуррмяу!

Бабушка смеялась, и внук тоже смеялся.

Здесь существовал только один вид таких же, как, он существ. Другие голоса, лица, руки, объятия — таких же, как он, людей. Других таких же людей. Других таких же чужаков в этом мире.

За дверями дома, за небольшими возделанными полями лежали дикие края, бесконечный мир холмов, красной листвы и тумана, где никогда не звучал ничей голос. Заговорить там, вне зависимости от того, что и как ты скажешь, означало объявить: «Я здесь чужой».

— Когда-нибудь, — сказал мальчик, — я пойду в поход и узнаю весь этот мир.

Такая возможность совсем недавно пришла ему в голову, и он был полон мыслями об этом. Он рассказывал, как будет делать карты и все такое, но бабуля не слушала его. И вид у нее был печальный. Он знал, что в таких случаях нужно делать. Нужно тихонечко подобраться и потереться носом у нее за ухом, приговаривая: «Пурр, пурр…»

— Да никак это мой котик Минька? Ну здрав-

ствуй, Минька! Ой, это, оказывается, и не Минька! Это, оказывается, Левушка! Вот так так!

Тогда он забирался к ней на колени, и ее большие старые коричневые руки обнимали его. На каждом запястье у нее был красивый браслет из мыльного камня. Ее сын Александр, Саша, отец Льва, вырезал их для нее. «Наручники,

— сказал он, когда дарил браслеты ей на день рождения. — Наручники Виктории, мама». И все взрослые тогда смеялись, но у бабушки, хотя и она тоже смеялась, вид был грустный.

— Бабуля, а «Минька» — это было настоящее имя Миньки?

— Ну конечно, глупый.

— А почему?

— Потому что я его назвала Минькой.

— Но ведь у животных имен нет.

— Нет. Здесь нет.

— А почему?

— Потому что мы их имен не знаем, — ответила бабушка, глядя куда-то за поля.

— Бабуля?

— Что? — Ее голос глухо доносился из мягкой груди, на которой он лежал щекой и ухом.

— А почему ты не привезла Миньку сюда?

— Мы ничего не могли взять с собой на кос-

мический корабль. Ничего своего. Там не было места. А Минька все равно уже умер к тому времени, как мы сюда долетели. Я была девочкой, когда он был котенком, и я все еще оставалась девочкой, когда он успел состариться и умереть. Кошки ведь долго не живут, всего несколько лет.

— Но люди-то живут долго.

— О да. Очень долго.

Лев смирно сидел у нее на коленях, воображая себя котом с теплой серой шерсткой, мягкой, как хлопковый пух. «Пурр», — тихонько сказал он, но старая женщина, сидя с ним на порожке, смотрела куда-то поверх его головы

— на тот мир, куда была сослана.

И вот сейчас, сидя на широком твердом корне дерева-кольца, на берегу пруда, у Дома Собраний, он думал о бабушке, о том коте, о серебряных водах озера Безмятежного, о горах, окружающих озеро… Ему так хотелось на них взобраться, ему виделось, как, выйдя из-под тумана и дождя, он окажется на ледяной, сверкающей от солнца вершине. Мысли так и роились у него в голове. Он сидел спокойно и неподвижно, он для этого и пришел сюда — чтобы побыть в одиночестве и покое; однако ум его беспокойно метался из прошлого в будущее и снова в прошлое. Лишь

на мгновение обрел он душевный покой. Благодаря тем цаплям, которые молча вошли в воду с противоположного берега пруда. Подняв свой узкий длинный клюв, цапля посмотрела на Льва. Он тоже посмотрел на нее и будто утонул в этом круглом прозрачном глазу, таком же бездонном, как безоблачное небо; и само это мгновение тоже показалось ему округлым, прозрачным, исполненным молчания — самое центральное из всех мгновений его жизни, но вечное для этого молчаливого животного.

Цапля отвернулась и наклонила голову, выискивая под водой темное пятно: рыбу.

Лев встал, стараясь двигаться так же бесшумно и ловко, как эта цапля, и вышел за круг деревьев, пройдя между двумя массивными красными стволами, словно в дверь, ведущую в совершенно иной мир. Долина была залита солнечным светом, небо было ветреным и живым; солнце позолотило выкрашенную красным деревянную крышу Дома Собраний, который стоял на южном склоне холма. Там собралось уже довольно много людей, они стояли на ступенях крыльца, на самом крыльце, слышались их голоса, и Лев прибавил шагу. Ему хотелось бежать, кричать. Сейчас не время сидеть в тишине и покое. Сегодня первое

утро их битвы, начало их победы.

— Привет! — крикнул ему Андре. — Давай скорей! А то все уже ждут, когда это наш босс Лев наконец заявится!

Лев рассмеялся и побежал; в два прыжка преодолел шесть высоких ступеней крыльца.

— Ну хорошо, хорошо, я опоздал, — сказал он, — но как вы сами-то соблюдаете дисциплину? Где, к примеру, ваши ботинки? А ты, Сэм, что? Полагаешь, вид у тебя приличный? — Сэм, темнокожий плотный человек, на котором кроме легких белых штанов больше ничего не было, спокойно стоял на голове возле перил.

Организацией собрания занимался Илия. Внутрь они не пошли, а уселись снаружи, окружив крыльцо, потому что солнышко грело очень приятно. Илия был настроен весьма серьезно, как и всегда, впрочем, но прибытие Льва всех несколько развеселило, так что дискуссия получилась оживленной, но недолгой. Настроение собравшихся было ясно практически с первой минуты. Илия предлагал отправить в Столицу на переговоры еще одну группу, но больше никто этого не хотел; зато все хотели созвать общее собрание жителей Шанти и надеялись успеть это сделать еще до захода солнца. Молодежь

намерена была позаботиться о том, чтобы были извещены и приглашены жители всех, даже самых отдаленных деревень и ферм. Когда Лев уже собирался уходить, Сэм, который с самым безмятежным видом так и простоял на голове все это время, одним изящным легким движением встал на ноги и, улыбаясь, сказал Льву:

— О, Арджуна, это будет великая битва!

Лев, голова которого была занята десятками различных вещей, только улыбнулся ему и рысцой помчался прочь.

Кампания, которую проводили сейчас жители Шанти, была для них совершенно новым делом и тем не менее в чем-то им знакомым. Все они — еще со школы и на своих собраниях — давно усвоили основные принципы и тактику мирной борьбы; они знали биографии великих героев-философов Ганди и Кинга, их учения, а также историю возникновения Народа Мира. В ссылке Народ Мира продолжал исповедовать те же идеи и пока что оставался им верен. Шантийцам удалось сохранить собственную независимость ценой того, что они взяли на себя все заботы о снабжении обоих городов Виктории сельскохозяйственными продуктами, щедро и честно делясь ими с соседями. В обмен Столица обес-

печивала Шанти кое-какими механизмами и запасными частями, рыбой, которую ловила столичная рыболовецкая флотилия, некоторыми другими продуктами, которые значительно легче было производить на фабриках более старой и благоустроенной колонии. Такой порядок устраивал обе стороны.

Но со временем условия сделки становились все более несправедливыми. Жители Шанти выращивали хлопок и шелковичные деревья и отвозили сырье на столичные ткацкие фабрики. Однако фабрики работали страшно медленно; если жителям города требовалась одежда, то они предпочитали сами спрясть нитки и соткать ткань. Свежая и вяленая рыба, которую они должны были получать в обмен на свои поставки, не поступала. Уловы бедные, объясняли им в Совете. Не поступали и необходимые запчасти для сельскохозяйственных машин. Да, заявили им, Столица производит в том числе и запчасти для ваших машин и уже обеспечила вас ими; если же селяне столь небрежны в обращении с техникой, то пусть сами ее и чинят. Так оно и продолжалось, и жители Шанти постоянно сглаживали острые углы, чтобы не доводить отношения до критической точки. Они шли на любые компромиссы,

приспосабливались, чинили, налаживали. Их дети и внуки, теперь уже ставшие взрослыми, никогда в жизни не видели, как возникает социальный конфликт, как ведется сопротивление, хотя именно мирное сопротивление-то и было связующей силой Народа Мира.

Однако же теоретически они знали, как сохранить дух сопротивления. Они впитали эти знания с молоком матери и использовали их во время тех незначительных конфликтов, что возникали в самом Шанти-тауне. Они наблюдали, как старшие мирно возвращаются домой то после самых ожесточенных споров, то после решения сложнейшей проблемы практически без единого возражения. Они учились улавливать здравое начало подобных обсуждений, а не самые громкие голоса высказывавшихся. Они учились рассуждать спокойно и каждый раз по-разному, как по-разному относиться и к необходимости вести себя покорно в том или ином конкретном случае. Они усвоили, что всякий акт насилия есть проявление слабости, что сила духа прежде всего в том, чтобы как можно тверже держаться истины.

По крайней мере, они верили в справедливость этих идей и считали, что уроки свои знают назу-

бок, что никто и ничто не заставит их сбиться, засомневаться, что ни один из них, ни при каких провокациях, не станет прибегать к насилию. Они были в этом уверены и этим были сильны.

— На этот раз нам придется нелегко, — говорила им Вера перед отправкой делегации в Столицу. — Вы ведь понимаете это?

Они кивали, улыбались, подбадривали ее. Ну разумеется, будет нелегко. Ради легких побед и стараться не стоит.

Переходя с фермы на ферму на юго-западной окраине Шанти, Лев приглашал людей на большое собрание и отвечал на их вопросы о Вере и остальных заложниках. Кое-кто из крестьян боялся, что столичные жители могут в следующий раз применить силу, и Лев тогда говорил:

— Да, они могут это сделать, могут сделать и кое-что похуже, чем взять нескольких заложников. Нам не стоит надеяться, что они так вот просто согласятся с нашими доводами, тем более когда мы выразили свое несогласие с Советом. Теперь нам предстоит серьезная борьба.

— Но они вооружены… у них ножи… и еще у них есть… знаешь, где секут кнутом, — прошептала испуганно одна из женщин. — Они там своих воров наказывают и… — Она не договорила. Все

остальные стыдливо прятали глаза и выглядели весьма смущенными.

— Они попались в ловушку того самого насилия, которое применили к ним, заставив оказаться здесь, — сказал Лев. — А мы в эту ловушку не попадемся. Если будем твердо держаться своих убеждений, если будем едины, если будем все вместе. Тогда они увидят нашу силу; увидят, что мы сильнее их. Вот тогда они и начнут к нам прислушиваться. И сами поймут, что такое настоящая свобода. — Его оживленное лицо и звонкий голос внушали такое доверие, он говорил настолько простые, ясные и правдивые вещи, что крестьяне тоже начали смелее смотреть вперед и грядущая конфронтация со Столицей представлялась им уже не такой ужасной. Два брата, получившие свои имена еще во время Долгого Марша, Лион и Памплона, особенно воодушевились; Памплона, отличавшийся особенным простодушием, все утро следовал за Львом по пятам с фермы на ферму, чтобы еще разок послушать его рассказы о планах сопротивления Столице.

После полудня Лев работал вместе с отцом и тремя соседскими семьями на рисовом поле; последний урожай уже созрел, и его нужно было убрать во что бы то ни стало. Потом отец отпра-

вился ужинать к приятелям, а Лев — к Южному Ветру. Она давно уже вернулась от матери в свой маленький домик на западной окраине города, который они с Тиммо построили после свадьбы. Домик стоял очень уединенно среди полей, однако до ближайшей группы домов от него было не так далеко. Лев, Андре или Италиа, жена Мартина, а то и все трое вместе, частенько заходили туда поужинать, принося с собой что-нибудь из еды.

Лев и Южный Ветер поели вместе, сидя на крылечке и любуясь теплым золотым осенним вечером, а потом вместе пошли к Дому Собраний, где уже собралось сотни две-три шантийцев, и с каждой минутой люди все подходили и подходили.

Каждый знал, зачем он здесь: чтобы подтвердить другим свою общность с ними и решить, что им следует делать дальше. Настроение у собравшихся было праздничным и несколько возбужденным. Люди по очереди поднимались на крыльцо и выступали, но мысль звучала примерно одна и та же: «Мы сдаваться не собираемся и не позволим расправиться с заложниками!» Когда наконец заговорил Лев, его приветствовали радостными криками: это был внук великого

Шульца, возглавившего Долгий Марш, исследователь дикого края и, наконец, просто всеобщий любимец. Однако радостные крики вдруг смолкли; в толпе, теперь насчитывавшей более тысячи людей, возникло замешательство. Спустилась тьма, а электрические лампы на Доме Собраний, питавшиеся от городского генератора, светили так слабо, что с крыльца не было видно, что происходит на фланге. Приземистый, массивный черный предмет, казалось, самостоятельно продвигался сквозь толпу, но, когда он приблизился, стало ясно, что это отряд охранников из Столицы, построенных очень тесно и движущихся, как монолит. Из «монолита» время от времени вылетало рычание: «Собрания… приказ… угроза» — иных слов было не разобрать, они тонули в шуме толпы, ибо потрясенные шантийцы начали тут же задавать друг другу вопросы. Лев, стоявший прямо под фонарем, призвал собравшихся к порядку, люди притихли, и стал слышен громкий голос, монотонно повторявший:

— Массовые митинги запрещены. Все должны немедленно разойтись. Собрания политического характера запрещены по приказу Верховного Совета под угрозой тюремного заключения и последующего сурового наказания. Немедленно

разойдитесь! Ступайте по домам!

— Никуда мы не пойдем! — слышались выкрики в толпе. — С какой стати? Какое они имеют право?

— Немедленно разойдитесь по домам!

— А ну тихо! — рявкнул Андре таким басом, какого от него никто не ожидал. Тут же воцарилась тишина, и он, как всегда невнятно, буркнул Льву:

— Ну теперь давай, говори.

— Представители Столицы имеют полное право высказаться на нашем собрании, — сказал Лев громко и ясно. — И быть выслушанными. И, только выслушав их, мы можем с чем-то не согласиться, однако всегда должны помнить о своем решении никому не угрожать ни словом, ни делом. Мы не станем проявлять ни гнева, ни злобы по отношению к людям, которые пришли сюда. Им мы тоже предлагаем лишь дружбу и любовь к истине!

Он посмотрел на охранников, и офицер по-прежнему монотонно поспешил повторить приказание разойтись. Ответом на его слова была полная тишина. Тишина тяжело повисла над собравшимися. Никто более не сказал ни слова. Никто не пошевелился.

— Ну хватит, довольно! — нарочито громко рявкнул офицер. — Пошевеливайтесь! Все по домам! Живее!

Лев и Андре переглянулись, скрестили руки на груди и… уселись. Упорный, стоявший с ними рядом, тоже сел; сели и Южный Ветер, Илия, Сэм, Сокровище и остальные. Люди внизу тоже начали садиться. В желтоватых полосах света мелькали темные тени; черные фигуры людей как бы складывались пополам с легким шорохом; порой кое-где слышался шепоток или детский смех. Буквально через полминуты все шантийцы уже сидели. Никто из них не остался стоять — стояли только охранники, двадцать тесно прижавшихся друг к другу человек.

— Я вас предупреждал! — выкрикнул офицер, и голос его звучал одновременно обвиняюще и растерянно. Он явно не знал, как ему быть с этими людьми, молча сидевшими на земле и смотревшими на него с миролюбивым любопытством — точно дети на кукольном спектакле, где сам он выступает в роли марионетки. — Сейчас же встать и разойтись! Иначе я приступаю к арестам!

Никто не сказал ни слова в ответ.

— Ну хорошо. Арестовать трид… двадцать че-

ловек, что сидят в первых рядах! Встать! Эй вы, встать, кому говорят!

Те, к кому он обращался непосредственно, а также те, кого тронули за плечо охранники, встали и стояли спокойно.

— А можно, моя жена тоже пойдет со мной? — шепотом спросил охранника какой-то мужчина — словно боясь нарушить великое глубокое спокойствие толпы.

— И чтобы больше никаких митингов! Приказ Совета! — Офицер выругался и повел свой отряд прочь. Охранники гнали перед собой примерно двадцать пять жителей Шанти. Тьма тут же поглотила людей, ибо была непроницаема для слабого света электрических фонариков.

За спинами ушедших толпа продолжала хранить молчание.

Потом над ней взлетел чей-то негромкий голос. К нему присоединились другие голоса. Сперва пение было едва слышным, потом зазвучало все громче. То была старая песня времен Долгого Марша:

О, когда придем, Когда Свободной Земли достигнем, Построим город мы…

О, когда придем…

Все дальше во тьму уводили охранники аресто-

ванных шантийцев, но пение не смолкало; оно звучало громко, слаженно, в общий хор влились уже сотни и сотни голосов, и песня как колокол звенела над окутанными ночным мраком тихими землями, что лежали между Шанти-тауном и Столицей Викторией.

Двадцать четыре человека из числа арестованных или по собственной воле отправившихся вместе с ними возвратились в Шанти на следующий день к вечеру. Они ночевали в каком-то складе — наверное, в столичной тюрьме не хватило места для такого количества людей, тем более что шестнадцать из них были женщины и дети. Утром состоялось разбирательство, рассказывали они, а потом им велели идти домой.

— Но нам ведено уплатить штраф, — важно заявил старый Памплона.

Брат Памплоны, Лион, был отличным садовником, но сам Памплона, человек медлительный и болезненный, никогда особых способностей ни в чем не проявлял. Так что сегодня был день его славы. Он побывал в тюрьме, совсем как Ганди, как Шульц, как герои на Земле. И он тоже стал героем. От этого он весь прямо-таки светился.

— Штраф? — не веря, переспросил его Андре. — Денежный? Они же знают, что их монеты у нас

не в ходу…

— Штраф, — терпеливо пояснил ему Памплона, словно недотепе, — означает: мы должны отработать двадцать дней на новой ферме.

— На какой еще новой ферме?

— Не знаю, они создают какую-то новую ферму.

— Наши боссы никак решили сами заняться земледелием? — Все засмеялись.

— Да, неплохо бы! Они ведь, небось, тоже кушать хотят, — подхватила какая-то женщина.

— А что, если вы не пойдете на эту новую ферму?

— Не знаю, — смутился Памплона. — Никто ничего не спрашивал. Нам вроде бы спрашивать не полагалось. Это ведь было настоящее судебное разбирательство. С судьей. И говорил только этот судья.

— А кто был судьей?

— Макмиллан.

— Молодой Макмиллан?

— Нет, старый. Советник. Хотя и молодой тоже там был. Ух и здоров он! Прямо как дерево! И все время улыбается. Хороший парень.

Примчался Лев; он только что узнал о возвращении арестованных. Он обнял тех, кто шагнул

ему навстречу, и спросил:

— Значит, вы вернулись… Все?

— Да-да, все вернулись и все в порядке. Теперь можешь спокойно доесть свой ужин!

— А те? Хари и Вера?..

— Нет, те не пришли. Да они их и не видели.

— Хорошо хоть эти-то все вернулись! Они вам ничего не сделали?

Героям дня тут же объяснили, что Лев объявил голодовку до тех пор, пока они не вернутся.

— Да с нами все в порядке! — закричали бывшие пленники. — Пойди скорее поешь чего-нибудь! Что это ты за глупости выдумал!

— Они действительно хорошо с вами обращались? — упорно спрашивал Лев.

— Как с дорогими гостями! — снова высунулся старый Памплона. — Все мы братья, верно? И они нас утром еще и отличным завтраком накормили!

— Ну да, дали наш же собственный рис, который мы сами для них выращиваем! Отличные хозяева, ничего не скажешь! Заперли гостей в каком-то сарае — темнотища, хоть глаз выколи, и холодно, как в погребе. Теперь у меня все кости ломит и ужас как вымыться хочется! У этих охранников вши так и кишат, у одного прямо по

шее ползла, я сама видела, здоровенная такая, прямо с ноготь, фу! — скорее бы смыть все это с себя! — Это сказала Кира, миловидная женщина, которая шепелявила, потому что два передних зуба у нее были выбиты; она, правда, утверждала, что по зубам, не скучает: они ей якобы только говорить мешали. — Кто меня сегодня переночевать пустит? Не хочется мне домой тащиться, в Восточную Деревню — уж больно тело ломит да еще, небось, добрая дюжина вшей по мне ползает! — Пятеро или шестеро сразу предложили ей горячую воду, постель и еду. Да и ко всем бывшим заложникам отнеслись с особым вниманием.

Лев и Андре молча шли по боковой улочке к дому Льва. Вдруг у Льва вырвалось:

— Слава Богу!

— Да уж, действительно. Но они вернулись! Значит сработало. Вот бы еще Вера, Ян и все остальные тоже вернулись…

— С ними тоже все будет в порядке. Но эти-то… ведь никто из них не был готов к аресту, они о нем даже не думали! Я очень боялся, что их изобьют и они испугаются или рассердятся. Это было бы на нашей совести, ведь мы первыми начали сидячий протест. Их из-за нас арестовали. Но они выдержали. Не испугались, не устроили драку.

Они были упорны! — Голос Льва дрогнул. — Это я виноват.

— Мы все виноваты, — сказал Андре. — Хотя никто их не посылал: они пошли сами. Они сами так решили. Ты, Лев, просто очень устал и тебе непременно поскорее нужно поесть. Саша, — крикнул Андре с порога, — заставь своего сына наконец поесть! Заложников накормили в Столице, а теперь ты накорми его.

Саша сидел у очага и полировал песком ручку мотыги. Он быстро глянул на них, и его усы и колючие брови над глубоко посаженными глазами встопорщились.

— Кто может заставить моего сына сделать то, чего он не хочет? — удивился он. — Захочет поесть, так и сам прекрасно кастрюлю с супом найдет.

5

Сеньор Советник Фалько давал званый обед, во время которого он думал только о том, что лучше бы он этого не делал.

Ему хотелось устроить настоящий прием в старинном стиле — в стиле Старого Мира, с пятью переменами, с изящными нарядами и разговорами, с музыкой. Точно в назначенный час явились старшие мужчины — каждый в сопровождении супруги и одной или двух незамужних дочек. Кое-кто из женатых молодых людей, вроде младшего Хелдера, тоже прибыл вовремя. Женщины в длинных вечерних туалетах, украшенные драгоценностями, собрались группкой возле камина на одном конце зала и принялись болтать; мужчины тоже устроились у камина, но на противоположном конце зала; они тоже надели свои лучшие черные костюмы и чинно беседовали. Казалось, все идет как надо, в точности как в те времена, когда дед Советника Фалько Дон Рамон давал торжественные обеды — в точности такие, как там, на Земле, частенько говаривал Дон Рамон с глубоким удовлетворением и убежденно-

стью. Ведь его отец, Дон Луис, не только родился на Земле, но и был в Рио-де-Жанейро великим из великих.

Однако кое-кто из гостей вовремя на обед не явился. Время шло, а гости по-прежнему запаздывали. Дочь вызвала Советника Фалько на кухню: на лицах поваров было написано полное уныние, ибо великолепный обед мог пропасть. Тогда по команде хозяина в зале мгновенно установили и накрыли длинный стол, гости расселись, и была подана первая перемена. Ее успели съесть, остатки были унесены, сменили тарелки и подали вторую перемену, когда в дом вошли молодой Макмиллан, молодой Маркес и молодой Вайлер. Они вошли совершенно спокойно, ничуть не смущаясь и даже не извинившись, но, что было еще хуже, привели с собой целую банду приятелей, отнюдь не из числа приглашенных. Их было человек семь или восемь — здоровенные буйволы с плетками за поясом, в широкополых шляпах, которые по своему невежеству даже не удосужились снять, прежде чем войти в дом, в грязных ботинках и с бесконечными громкими грязными разговорами. Пришлось как-то устраивать их за столом, тесня прочих гостей. Эти молодые люди явно здорово выпили перед приходом сюда и тут

же принялись вовсю лакать лучший эль Фалько. Они без конца щипали горничных, не обращая ни малейшего внимания на дам. Они орали что-то друг другу через весь стол и сморкались в салфетки, украшенные изысканной вышивкой. Когда настал самый торжественный миг и подали главное мясное блюдо, жареных кроликов — Фалько нанял десять трапперов на целую неделю, чтобы устроить столь роскошное угощение, — опоздавшие с такой жадностью набросились на мясо, наложив себе огромные порции, что после них на блюдах мало что осталось, так что на дальнем конце стола вообще никому не хватило. То же самое произошло и когда подали десерт, фруктовое желе в формочках, приготовленное с помощью крахмала, добываемого из корней здешнего растения, и нектара. Кое-кто из молодых людей выковыривал желе из формочек пальцами.

Фалько подал знак дочери, сидевшей в конце стола, и та увела дам во внутренний садик. В отсутствие женщин молодые грубияны почувствовали еще большую свободу — сидели развалясь, плевали на пол, рыгали, сквернословили и многие уже были пьяны в стельку. Изящные бокалы для бренди — одна из достопримечательностей благородного Каса Фалько

— опустошались с такой скоростью, точно в них наливали воду, и молодые наглецы орали на ошалевших, растерянных слуг, требуя налить еще. Кое-кому из молодых людей иного сорта и мужчин старшего возраста поведение грубиянов явно пришлось по вкусу, а может, они решили, что именно так и следует вести себя на званом обеде, и последовали их примеру. Старый Хелдер, например, так нализался, что едва успел отойти от стола и его вырвало прямо в углу, однако он тут же вернулся и снова принялся пить.

Фалько и некоторые из его наиболее близких друзей — старший Маркес, Бурнье, доктор — отошли к камину, пытаясь поговорить, однако оглушающий шум, царивший вокруг обеденного стола, доносился и сюда. Кто-то пустился в пляс, кто-то яростно ссорился; музыканты, нанятые для того, чтобы играть после обеда, смешались с гостями и тоже пили вовсю. Молодой Маркес усадил горничную с белым от страха лицом к себе на колени, и она только тихонько шептала: «Ох, Езус Мария! Езус Мария!»

— Ничего себе, веселый у тебя получился приемчик, Луис, — сказал старый Бурнье после очередного кошмарного взрыва веселья, сопровождаемого пением и пронзительными

криками.

Все это время Фалько хранил спокойствие; лицо его ничуть не изменилось, когда он ответил:

— Вот одно из доказательств нашего вырождения.

— Мальчишки просто не привыкли к подобным вещам. Только в Каса Фалько и знают, как устроить прием в старинном стиле — такой, как на Земле.

— Они просто выродки, — возразил Фалько.

Его дальний родственник Купер, человек лет шестидесяти, согласно кивнул:

— Увы, мы совершенно утратили земной стиль жизни.

— Ничего подобного! — раздался голос у них за спиной. Все разом обернулись. Это был Герман Макмиллан, один из опоздавших; он жадно пил, ел и орал не меньше остальных, однако особых признаков опьянения сейчас у него заметно, пожалуй, не было, за исключением чересчур яркого румянца на привлекательном юном лице. — Мне кажется, господа, что мы, как раз наоборот, вновь открываем для себя земной стиль. В конце концов, кем были наши предки, прилетевшие сюда из Старого Мира? Уж во всяком случае не слабаками и не рохлями, верно? Это были сильные,

смелые, мужественные люди, которые знали толк в жизни. Теперь и мы этому учимся. Чьи-то планы, законы, правила, манеры — какое все это имеет отношение к нам? Разве мы рабы или женщины? Чего нам бояться? Мы настоящие мужчины, свободные люди, хозяева целого мира! И пора нам войти в права собственного наследства, господа. — Он улыбнулся, почтительно и одновременно нагло, абсолютно уверенный в своей правоте.

На Фалько его слова произвели неожиданно сильное впечатление. Кто знает, а вдруг этот совершенно неудавшийся прием еще сможет принести какую-то пользу? Молодой Макмиллан, всегда прежде казавшийся ему всего лишь красивым мускулистым животным, одним из множества возможных претендентов на руку Люс Марины, только что продемонстрировал не только волю и решительность, но и разум — три составляющих характера настоящего мужчины.

— Я согласен с вами, Дон Герман, — сказал он. — Однако только потому, что вы и я все еще в состоянии разговаривать друг с другом. В отличие от большей части наших друзей здесь. Мужчина непременно должен уметь не только пить, но и думать. Поскольку лишь вы один,

видимо, оказались способны и на то, и на другое, скажите: как вы относитесь к моей идее создать здесь латифундии?

— Это такие большие фермы?

— Да. Большие фермы: огромные поля, для достижения наибольшей эффективности засаженные одной-единственной культурой. Согласно моему замыслу необходимо выбрать управляющих латифундиями из наших лучших молодых мужчин; выделить каждому большой участок земли под поместье и достаточное количество крестьян, чтобы обрабатывали поля. И пусть он управляет этим хозяйством, как ему заблагорассудится. Создав подобные латифундии, можно будет получить значительно большее количество продуктов питания. А незанятую в настоящее время часть населения Шанти-тауна можно заставить работать на новых полях и держать под контролем, чтобы заодно предотвратить и всякие там разговоры о независимости и новых колониях. И уже следующее поколение Хозяев Столицы будет включать значительное число настоящих крупных землевладельцев. Мы достаточно долго держались тесным кружком и копили силы. Настала пора, как вы справедливо сказали, воспользоваться предоставленной нам

свободой и сделаться истинными хозяевами нашего нового богатого мира.

Герман Макмиллан слушал и улыбался. На его красивых губах вообще почти постоянно играла улыбка.

— Неплохая идея, — сказал он. — Очень даже неплохая, сеньор Советник.

Фалько проглотил его покровительственный тон, решив, что Герман Макмиллан — именно тот человек, которым следует воспользоваться.

— Что ж, обдумайте эту идею, — сказал он. — Причем обдумайте в применении к себе самому. — Он понимал, что молодой Макмиллан именно этим в данный момент и занят. — Как бы вам это понравилось: получить в полное собственное владение такое поместье, Дон Герман? Маленькое… как это… есть такое старинное слово…

— Королевство, — подсказал старый Бурнье.

— Да. Стать правителем собственного маленького королевства? Может быть, вам это придется по душе? — Голос Фалько звучал льстиво, и Герман Макмиллан горделиво вскинул голову. В этом самовлюбленном юнце всегда найдется место для лести в свой адрес, подумалось Фалько.

— Да вроде бы неплохо, — сказал Макмиллан,

задумчиво качая головой.

— Чтобы осуществить этот план, нам потребуется ваша энергия и ваши умственные усилия, молодые люди. Открывать новый вид землепользования — это всегда дело непростое, требующее времени. Принудительный труд — вот единственный способ быстро расчистить большие территории. Но если волнения в Шанти будут продолжаться, мы сумеем арестовать достаточное количество бунтовщиков, которых и приговорим к принудительным работам. Впрочем, поскольку они все больше любят языками болтать, их, возможно, придется подтолкнуть на некие противоправные действия. Может быть, даже обломать кнуты о чьи-то спины, чтобы заставить остальных применить силу, то есть, возможно, придется подвести их к восстанию — вы меня понимаете? Ну и как вам нравится такая перспектива?

— О, это с удовольствием, сеньор! Жизнь здесь так скучна. Нам просто необходимы активные действия.

Действия, подумал Фалько. Да, пожалуй, и мне они тоже совершенно необходимы. Мне бы, например, весьма хотелось выбить зубы тебе, наглый юнец, чтобы впредь не смел разговари-

вать со мной таким снисходительным тоном. Впрочем, ты мне еще пригодишься, и уж я тебя использую. И я буду смеяться последним.

— Именно это я и надеялся услышать! Послушайте, Дон Герман, вы ведь пользуетесь большим авторитетом у молодежи — у вас природный дар лидера. Так нет ли у вас какой-нибудь подходящей идеи на этот счет? Наши охранники вполне надежны и преданны, однако они простолюдины, глупцы, их легко смутить всякими штучками, которые ловко придумывают в Шанти-тауне. Чтобы уверенно повести их за собой, нам действительно необходим некий элитный отряд молодых аристократов, храбрых, умных, готовых выполнить разумные приказы своего командира и любящих сражение, подобно нашим мужественным предкам с Земли. Как вы думаете, можно ли собрать и соответствующим образом подготовить такой отряд? Как бы вы предложили приступить к осуществлению подобной идеи?

— Вам нужен только лидер, — не колеблясь сказал Герман Макмиллан. — Я мог бы должным образом натренировать свою команду за одну-две недели.

После этого вечера молодой Макмиллан стал частым гостем в Каса Фалько. По крайней мере

раз в день он приходил, чтобы о чем-то переговорить с Советником. Когда бы Люс ни заходила в переднюю часть дома, она заставала там Макмиллана. Казалось, он вечно торчит у них, и девушка старалась проводить все больше времени в своей комнате, на чердаке или во внутреннем дворике. Она и раньше-то всегда избегала Германа Макмиллана, но не потому, что он ей не нравился — вряд ли кому-то могло не нравиться нечто столь красивое, — но ей казалось унизительным, что буквально каждый, стоило Люс и Герману перекинуться парой слов, думал или говорил: «Ах, ну конечно, они ведь скоро поженятся!» Хотел он этого или нет, но эту идею Макмиллан принес с собой, и теперь она тоже вынуждена была думать об этом; но, отвергая эти мысли, она и раньше всегда смущалась, встречаясь с ним. Теперь она видела его постоянно в собственном доме, однако испытывала те же чувства, хотя и привыкла к нему, как к старому знакомцу. Впрочем, она пришла к определенному выводу: жаль, конечно, но тем не менее вполне возможно, оказывается, не любить даже такого красивого молодого человека.

Герман вошел в дальнюю гостиную, даже не постучавшись, и остановился в дверях — строй-

ный, гибкий, мускулистый, в туго перепоясанном ремнем мундире. Он осмотрел комнату, которая выходила в довольно просторный внутренний дворик. Двери в сад были открыты, и шорох мелкого теплого дождя, падавшего на дорожки и кусты, наполнял гостиную покоем.

— Так, значит, вот где вы прячетесь, — сказал он.

Люс мгновенно вскочила. Она была в темной домотканой юбке и белой блузке, которая в полумраке гостиной казалась ярким пятном света. За спиной девушки сидела какая-то женщина и пряла с помощью веретена.

— Всегда здесь от меня прячетесь, да? — снова спросил Герман. Дальше в комнату он не пошел, видимо, ожидая приглашения, а к тому же сознавая театральность своей позы в дверном проеме.

— Добрый день, Дон Герман. Вы ищете моего отца?

— Я только что с ним говорил.

Люс кивнула. Ей очень хотелось знать, о чем это Герман и ее отец так много говорят в последнее время, но она, разумеется, спрашивать ни о чем не стала. Молодой человек все-таки прошел в гостиную и остановился напротив Люс, глядя на нее с добродушной улыбкой. Потом взял ее

руку, поднес к губам и поцеловал. Люс с гримасой раздражения отдернула руку.

— Что за дурацкая традиция! — сказала она, отворачиваясь.

— Все традиции, в общем-то, глупы. Но ведь старики жить без них не могут, верно? Они считают, что без традиций мир просто рухнет. Целование рук, поклоны, сеньор, сеньора — все должно быть, как в их Старом Мире, в истории, в книгах, в бумажках… чушь! Но — ничего не поделаешь.

Люс невольно рассмеялась. Хорошо этому Герману просто взять и отмахнуться, как от полной ерунды, от всех тех вещей, которые тяжким бременем ложатся на душу и приносят столько беспокойства.

— Работа с Черной Гвардией продвигается просто отлично, — сказал Макмиллан. — Вы должны как-нибудь прийти и посмотреть наши тренировки. Приходите завтра утром, хорошо?

— Какая еще «Черная Гвардия»? — растерянно спросила Люс, села и снова взялась за работу — изящную вышивку для четвертого ребенка Эвы. И вот ведь что самое противное в этом Германе: стоит разок ему улыбнуться, или поговорить с ним по-человечески, или хотя бы отнестись к нему с легкой симпатией, как он начинает насту-

пать, завоевывать позиции, и тут же приходится давать ему по носу.

— Это моя маленькая армия, — ответил он. — А что это будет? — Он уселся с нею рядом на плетеный диванчик. Места там для его большого тела было явно недостаточно, и Люс с трудом выдернула юбку из-под его ляжки.

— Чепчик, — ответила она, еле сдерживая нараставшее раздражение. — Для будущего малыша Эвиты.

— Ах да, конечно! Эта девушка оказалась прямо-таки замечательной производительницей! У Алдо уже довольно большая семейка, надо сказать! Мы женатых мужчин в Гвардию не принимаем. У нас собралась отличная компания. Нет, вы непременно должны прийти посмотреть.

Люс сделала микроскопический узелок на нитке и ничего не ответила.

— Я тут уезжал осматривать свои владения… Потому и не приходил вчера.

— А я и не заметила, — сказала Люс.

— Выбирал, так сказать, земельную собственность. Присмотрел одну долину

— вниз по Мельничной Реке. Отличные там места, особенно когда их расчистят. Дом я построю на холме — уже и место для него выбрал. Дом

будет большой, похожий на этот, только побольше, двухэтажный, с верандами и балконами. Ну и разумеется, рядом всякие там амбары, кузня и так далее. А внизу, в долине, возле реки разместятся хижины крестьян, чтобы мне сверху их было видно. На болотистых местах будет отлично расти богарный рис, а на склонах холмов — фруктовые и шелковичные деревья. Леса я кое-где вырублю, а кое-где оставлю, чтобы охотиться там на кроликов. Это будет очень красивое поместье, настоящее маленькое королевство. Поедем со мной в следующий раз, а? Я пришлю экипаж из Каса Макмиллан. Эти места слишком далеко, чтобы девушке идти туда пешком, а вам следует непременно повидать их.

— Зачем?

— Вам там понравится, — уверенно заявил Герман. — И разве вам не хочется владеть таким поместьем? Владеть целым краем, что раскинулся перед тобой? Владеть большим домом, множеством слуг? Владеть собственным королевством?

— Женщины не бывают королями, — сказала Люс и склонила голову над вышиванием. Было уже действительно слишком темно для вышивания, однако работа давала ей повод совсем не

смотреть на Макмиллана. Он, однако, продолжал смотреть на нее, прямо-таки глаз не сводил; лицо его было напряженным, глаза какие-то пустые и почему-то темнее обычного. И улыбаться перестал.

— Ха-ха! — слишком короткий и жалкий смешок для такого великана. — Королями не бывают, зато умеют и без тоге получать желаемое. Разве не так, моя маленькая Люс?

Она продолжала вышивать и ему не ответила.

Герман приблизил к ней лицо и прошептал:

— Выпроводи эту старуху.

— Что вы сказали? — переспросила Люс спокойно и довольно громко.

— Выпроводи ее, — повторил Герман и мотнул головой в сторону Веры.

Люс аккуратно воткнула иглу в подушечку, свернула свое вышивание и встала.

— Извините меня, Дон Герман. Мне сейчас необходимо переговорить с поваром, — сказала она и вышла. Вторая женщина как ни в чем не бывало продолжала прясть. Герман, закусив губу, посидел еще минутку, потом улыбнулся, встал и медленно вразвалку пошел прочь, сунув большие пальцы за ремень.

Через четверть часа в дверь гостиной загляну-

ла Люс и, увидев, что Германа Макмиллана там больше нет, решительно вошла и заявила:

— Ну и дубина! — и сплюнула на пол.

— Он очень красивый молодой человек, — заметила Вера, вытягивая последний пучок шелкового волокна и свивая его в тонкую ровную нить. Затем уложила готовый клубок на колени.

— Очень! — сердито сказала Люс, взяла аккуратно сложенный детский чепчик, над которым трудилась все это время, посмотрела на него, скомкала и швырнула через всю комнату. — Черт бы его побрал, сволочь такую! — выругалась она.

— Тебя, видимо, рассердило то, как он с тобой разговаривал? — полувопросительно предположила Вера.

— Меня злит то, как он разговаривает, то, как он выглядит, то, как он сидит, то, что он вообще существует на свете… Тьфу! «Моя маленькая армия, мой большой дом, мои слуги, мои крестьяне, моя маленькая Люс…» Если бы я была мужчиной, я бы этого Германа так башкой об стенку приложила

— все бы его роскошные зубы повылетали!

Вера рассмеялась. Она смеялась нечасто, только в тех случаях, когда бывала чем-то озадачена.

— Да нет, ты бы этого делать не стала!

— Стала бы! Да я его убить готова!

— Ох нет! Нет. Конечно же, нет. К тому же если бы ты была мужчиной, то знала бы, что ничуть не слабее, чем он, а может, и сильнее, и доказывать это тебе не было бы никакой необходимости. Беда в том, что, будучи женщиной, да еще здесь, где тебе вечно твердят, что ты существо слабое, ты и сама начинаешь в это верить. Смешно слушать его речи о том, что Южная Долина — это слишком далеко для молодой девушки и пешком она туда не дойдет! Да там и пути-то километров десять — двенадцать!

— Я так далеко никогда не ходила. Даже и на пять километров от дома не уходила.

— Ну да, именно это я и имела в виду. Тебя уверяют, что ты слаба и беспомощна. И если ты сама в это поверишь, то не только лишишься разума, но и захочешь причинять людям зло.

— Да, правда, — сказала Люс, быстро поворачиваясь к Вере. — Я хочу причинять людям зло! Хочу и, возможно, стану причинять им зло.

Вера сидела неподвижно, не сводя с нее глаз.

— Разумеется. — Вера помрачнела. — Особенно если выйдешь замуж за человека вроде этого Макмиллана и станешь жить его жизнью. Ты ведь на самом деле вовсе не злая, однако, возможно, станешь причинять людям зло.

Люс уставилась на нее.

— Это отвратительно! — сказала она наконец. — Отвратительно! Говорить так. Словно у меня нет никакого выбора. Словно я непременно должна буду всем делать гадости. Словно не имеет значения, чего я на самом деле хочу.

— Ну конечно же, это имеет значение!

— Нет, не имеет. В том-то все и дело.

— Нет, имеет. И дело именно в этом. Ты всегда выбираешь сама. Ты сама решаешь: делать тебе выбор или нет.

Люс на минутку застыла, глядя на Веру во все глаза. От возбуждения щеки ее пылали, но брови уже не составляли одну сплошную черную линию над глазами; они взлетели вверх, точно в глубоком изумлении или испуге.

Потом она нерешительно двинулась прочь и вышла через открытую дверь в зеленый внутренний дворик.

Нежным было прикосновение редких капель дождя к ее разгоряченным щекам.

Капля, падая в круглый бассейн из серого камня, посреди которого был небольшой фонтан, рисовали на воде изящные пересекающиеся окружности, порождая непрекращающееся движение-дрожание расплывающихся кругов.

Стены дома и закрытые ставнями окна молчаливо со всех сторон смотрели в сад. Этот внутренний дворик был словно еще одной зеленой комнатой дома, закрытой, защищенной со всех сторон. Но только без крыши. И в этой комнате шел дождь.

Руки Люс стали мокрыми и холодными. Ее пробрала дрожь. Она повернулась и снова вошла в полутемную гостиную, где сидела Вера.

Остановилась перед ней в полосе падающего из открытой двери света и спросила тихо и хрипловато:

— Что за человек мой отец?

Вера ответила не сразу.

— А справедливо ли, что ты спрашиваешь это именно у меня? И что именно я отвечаю?.. Ну хорошо, предположим, справедливо. Но что я могу сказать тебе? Он, безусловно, сильная личность. Король. Настоящий король.

— Для меня это просто слово. Я даже не знаю толком, что оно означает.

— У нас есть старинная легенда… о королевском сыне, который ездил верхом на тигре… Ну, я хочу сказать, что твой отец силен духом, что он велик сердцем и душою. Но когда человек заперт внутри стен, которые он сам постоянно, всю свою

жизнь делает прочнее и выше, то, возможно, никакой душевной силы не хватит. Он не может выйти наружу.

Люс прошла на другой конец комнаты и подняла из-под стула детский чепчик, который от злости зашвырнула туда, потом выпрямилась и осталась стоять спиной к Вере, разглаживая крошечный кусочек вышитого полотна.

— И я тоже не могу, — проговорила она.

— О нет, нет, — энергично замотала головой Вера. — Ты вовсе не внутри возведенных им стен! И не он защищает тебя — это ты его защищаешь. Когда дует здешний ветер, он дует не на него, а на крышу и стены Столицы, построенной его предками как крепость, как защита от неведомого. А ты — частица этой крепости, этих стен, этого дома — часть его дома, часть Каса Фалько. Такая же, как и его титул: Сеньор, Советник, Хозяин, Босс. Как и все его слуги, как его охрана, как все те, кому он может приказывать. Все это — частицы его дома, те самые стены, что укрывают его от ветра. Ты понимаешь, о чем я? Я, наверное, говорю непонятно, а может, и глупо. Просто не знаю, как это выразить. Но самое важное, с моей точки зрения, вот что: твой отец — человек, которому судьбой предначертано было стать великим, но

он совершил грубую ошибку: он ни разу не вышел из своей крепости наружу, под дождь. — Вера принялась сматывать только что спряденную нить в клубок, внимательно следя за ней в сумеречном свете гостиной. — И, боясь причинить боль и горе себе, он поступает неправильно с теми, кого любит больше всего. Но затем понимает это и все-таки сам же себе причиняет боль.

— Так он сам себе причиняет боль? — возмутилась Люс. — Не другим?

— О, это мы начинаем понимать в наших родителях позже всего. В самую последнюю очередь. И когда мы это поймем, они перестают быть нашими родителями и становятся просто людьми, такими же, как мы сами…

Люс снова уселась на плетеный диванчик, надела детский чепчик на коленку и стала осторожно двумя пальцами разглаживать его. Она довольно долго молчала, потом сказала:

— Хорошо, что вы оказались здесь. Вера.

Вера улыбнулась, продолжая сматывать нить.

— Давайте, я вам помогу. — Люс опустилась на колени и стала направлять нить с веретена так, чтобы Вера могла смотать ее как можно ровнее. Потом вдруг у нее вырвалось: — Какие глупости я говорю! Вы, конечно же, хотите вернуться к своей

семье, здесь для вас тюрьма.

— Очень приятная тюрьма! А семьи у меня нет. Но, конечно же, я хочу вернуться. Я люблю приходить и уходить, когда захочу.

— Вы никогда не были замужем?

— Да вот все как-то времени не хватало… — безмятежно улыбаясь, ответила Вера.

— Времени не хватало? А нам его больше и тратить не на что!

— Неужели?

— Не выйдешь замуж — останешься старой девой. Так и будешь шить чепчики для чужих детишек. Да приказывать повару сварить рыбный суп. И будешь выслушивать чужие насмешки…

— А ты что, боишься чужих насмешек?

— Да. Очень. — Люс примолкла, распутывая зацепившуюся за выбоину на веретене нить. — Мне наплевать, когда смеются глупцы, — сказала она уже гораздо спокойнее. — Но неприятно, когда тебя все презирают. А в таком случае презрение будет заслуженным. По-моему, требуется немало мужества, чтобы стать настоящей женщиной; не меньше, чем для того, чтобы стать настоящим мужчиной. Мужество требуется и для настоящего брака, и для рождения детей, и для того, чтобы их вырастить.

Вера внимательно посмотрела на нее:

— Да. Это верно. Великое мужество. Однако же, спрошу снова: неужели таков твой единственный выбор? Замужество и материнство или ничего?

— А разве что-то еще есть в этой жизни для женщины? Что-то действительно стоящее?

Вера чуть повернулась и посмотрела через открытую дверь в серый от дождя сад. И вздохнула — судорожно, глубоко, словно не сумев сдержаться.

— Я очень хотела ребенка, — сказала она. — Но, видишь ли, были и другие вещи… действительно стоящие. — Она слабо улыбнулась. — О да, это действительно серьезный выбор. Но не единственно возможный. Один из вариантов — стать хорошей матерью. Но кроме него существует и еще множество различных вариантов. Человек может за свою жизнь успеть сделать не одно дело, а гораздо больше. Если проявит волю, если повезет… Мне не очень-то повезло, а может быть, я сама неправильно решила и сделала неверный выбор. Видишь ли, я не люблю компромиссов. Я отдала свое сердце мужчине, который… свое сердце отдал другой женщине. Это Саша… Александр Шульц, отец Льва. Но, конечно, все это было давным-давно, до того как вы родились. Итак, он

женился, а я продолжала работать в той области, которая меня интересовала, причем интересовала всегда. Вот только мужчины, который бы меня заинтересовал так же, как Саша, что-то больше не встретилось. Но даже если бы я и вышла замуж, то неужели должна была бы просидеть в задней комнатке — с детьми или без детей — всю свою жизнь? Понимаешь, если мы так и будем сидеть в дальней комнатке и все остальное в мире оставлять на усмотрение мужчин, тогда они, разумеется, станут делать все что угодно и полностью заберут власть в свои руки. А с какой стати? Они ведь составляют только половину человеческой расы. Это несправедливо — оставлять им все интересные дела, которые нужно еще переделать. Несправедливо как по отношению к ним, так и к нам. А потом, — улыбка Веры стала шире, — хотя я очень люблю мужчин, но порой… они бывают удивительно глупыми! Они ведь до ушей напичканы разными теориями… Пойдут по одной прямой и не желают остановиться. Нет, это просто опасно — предоставлять мужчинам вершить все на свете. Кстати, вот одна из причин того, что мне очень хочется вернуться домой. Хотя бы на время. Нужно узнать, какие там планы строят Илия со своими бесконечными теориями и

мой дорогой Лев со своими высокими идеалами. Я давно опасаюсь, что они могут начать торопиться, изберут слишком прямой путь и в итоге заведут нас всех в ловушку. По-моему, ты должна понимать: самое опасное в мужчинах, самая их большая слабость — это мужское тщеславие. Женщине всегда присущи центростремительные силы, она сама является центром в семье. А вот у мужчины нет ощущения центра, он подвержен центробежным влияниям. Ну и достигает того, к чему стремится — там, вовне, жадно все хватая, складывая вокруг себя в кучи и утверждая: ах, какой я молодец, какой умный, какой храбрый! Это все я сделал, и я еще докажу, что я это я! И, пытаясь доказать это, мужчина может испортить множество вещей. Вот это-то я и хотела сказать, когда ты спросила меня об отце. Если бы твой отец оставался только Луисом Фалько, этого было бы вполне достаточно. Но нет, он должен быть Хозяином, Боссом, Советником, Отцом народа и так далее. Какая жалость! И Лев тоже… Он ведь тоже страшно тщеславен; может быть, в этом они с твоим отцом даже похожи. Великое сердце, но совсем не представляющее, где золотая середина. О, как бы мне хотелось сейчас поговорить с ним — хотя бы минут десять — и убедиться… — Вера

давно уже забыла о шелковой нити; она печально качала головой и смотрела на лежавший у нее на коленях клубок невидящими глазами.

— Ну так идите, — тихонько проговорила Люс.

Вера озадаченно посмотрела на нее.

— Возвращайтесь в Шанти. Прямо сегодня вечером. Я вас выпущу. А завтра скажу отцу, что отпустила вас. Я тоже могу кое-что сделать — не только сидеть здесь, как последняя дура, вышивать, ругаться про себя и слушать этого осла Макмиллана!

Гибкая, крепкая, решительная, Люс вскочила на ноги и теперь возвышалась над Верой, которая продолжала сидеть спокойно и казалась словно бы уменьшившейся в размерах.

— Я дала слово, Люс Марина.

— Какое это имеет значение?

— Если я сама не буду говорить правду, то нечего мне ее и искать, — тяжело уронила Вера.

Обе с застывшими лицами уставились друг на друга.

— У меня нет детей, — сказала Вера. — А у тебя, Люс, нет матери. Если я могу помочь тебе, девочка, то сделаю все, что в моих силах. Но только не таким способом. Я свое слово привыкла держать.

— А я никаких слов никому не даю, — заявила

Люс.

Однако покорно наклонилась, отцепила запутавшуюся нить, и Вера смотала ее в клубок.

6

В дверь стучали кнутовищем. Слышались громкие мужские голоса; где-то возле Речной Фермы кто-то жалобно кричал или плакал. Жители деревни сбились в кучку, окутанные холодным, пахнущим гарью туманом; еще не рассвело, дома и лица были едва различимы в еще не растаявшей тьме. В хижинах плакали дети, испуганные тем, что их родителями овладело смущение и страх. Люди судорожно пытались зажечь лампу, отыскать одежду, успокоить детей. Охранники из Столицы, возбужденные своей властью вооруженных среди безоружных, одетых среди раздетых, настежь распахивали двери домов, врывались в их темное теплое нутро, выкрикивали приказания крестьянам, перекликались друг с другом, грубо отталкивали мужчин от женщин, разгоняя их в разные стороны. Возможно, командовавший охранниками офицер совершенно утратил над ними контроль, поскольку они, рассыпавшись меж домов в темноте, действовали как придется. Толпа на единственной улице деревни все росла, и лишь покорность и

послушание жителей не давали возбуждению и дикости превратиться в настоящий праздник насилия. Шантийцы, конечно, тоже не молчали — они громко протестовали, возмущенно спорили, задавали вопросы, но это был исключительно словесный протест. Поскольку большинство считали, что их арестовали — а в Доме Собраний все единодушно решили не сопротивляться арестам, — то люди подчинялись приказам охранников быстро и с готовностью, если, конечно, могли понять эти бестолковые приказания: взрослые мужчины выходили на улицу, женщины и дети оставались в домах; так что ошалевший офицер с изумлением обнаружил, что пленники сами собираются возле него в кружок. Когда набралось около двадцати, офицер велел четырем охранникам, один из которых был вооружен мушкетом, увести первую группу. До этого они уже отправили две такие группы из другой деревни; и как раз сколачивали четвертую в Южной Деревне, когда появился Лев. Жена Лиона Роза прибежала в Шанти и, задыхаясь, совершенно измученная, забарабанила в дверь Шульцев с криком: «Охранники уводят мужчин! Они уводят всех наших мужчин!» Лев тут же бросился в деревню, предоставив Саше поднимать

остальных жителей города. Когда он влетел на деревенскую улицу, запыхавшись после трехкилометровой пробежки, туман уже слегка начинал рассеиваться; фигуры крестьян и охранников на Южной Дороге выглядели странно большими и неуклюжими в утренних сумерках. Лев напрямик, через поле бросился к голове колонны и остановился перед тем, кто ее вел. Колонна была чрезвычайно неровной, кто-то шел бодро, кто-то отставал, и в целом это напоминало довольно беспорядочную толпу.

— Что здесь происходит?

— Собираем трудовой отряд. Вставай в строй вместе со всеми.

Лев знал этого охранника, высокого парня по имени Ангел; они примерно год проучились вместе в школе. Южный Ветер и другие девочки из Шанти тогда очень боялись Ангела, потому что он вечно старался загнать девочку в угол и потискать.

— Вставай в строй, — повторил Ангел и, взмахнув мушкетом, приставил конец ствола к груди Льва. Он дышал почти так же тяжело, как и Лев; взгляд был совершенно безумный. Он как-то странно, с придыханием, рассмеялся, глядя, как мушкет, прижатый к груди Льва, ходит вверх-

вниз. — Ты, парень, когда-нибудь слышал, как такая штука стреляет? Громко-громко, как плод дерева-кольца… — Он сильнее ткнул дулом ему в грудь, потом вдруг дернул ствол вверх и выстрелил в небеса.

Ошарашенный, оглушенный. Лев отшатнулся и изумленно уставился на него. Лицо Ангела покрылось мертвенной бледностью; он с тупым видом постоял немного, потрясенный грохотом и сильной отдачей грубо сработанного ружья.

Деревенские жители в задних рядах, решив, что Лев убит, ринулись вперед; охранники, вопя и ругаясь, попытались их остановить; в воздух со скрипом и свистом взметнулись плетки, блестя в тумане отделанными металлом ручками.

— Со мной все в порядке! — крикнул Лев. Собственный голос отдавался у него в голове, казался слабым и каким-то далеким. — Со мной все в порядке!

— повторил он как можно громче. Потом услышал, что Ангел тоже что-то кричит, увидел, как одного из крестьян с размаху ударили плеткой по лицу…

— Немедленно всем снова встать в строй!

Лев присоединился к крестьянам, которые сперва сбились в кучу, а потом, подчиняясь

охранникам, выстроились по-двое — по-трое и двинулись дальше на юг.

— Почему мы идем на юг? Эта дорога ведет не в Столицу, так почему же мы идем по ней, а? — прерывающимся шепотом спросил один из соседей Льва, юноша лет восемнадцати.

— Они создают трудовую армию, — пояснил Лев. — Для выполнения каких-то особых работ. Скольких они взяли? — Он все время тряс головой, стараясь избавиться от надоевшего шума в ушах и головокружения.

— Всех мужчин в нашей долине. Почему мы должны туда идти?

— Чтобы привести назад тех, кого взяли первыми. Если мы воссоединимся с ними, то действовать сможем все вместе. Все будет хорошо, вот увидишь. Никто не ранен?

— Не знаю.

— Все будет хорошо. Крепись, — прошептал Лев, сам не отдавая себе отчета, и начал потихоньку пробираться в задние ряды, пока не очутился рядом с тем человеком, которого ударили плетью. Тот шел, прикрыв рукой глаза; другой крестьянин поддерживал его за плечи, помогая идти; они были последними в колонне, едва видимой в стлавшемся по земле тумане; следом за ними

шел охранник.

— Ты видеть можешь?

— Не знаю, — сказал раненый, прижимая руку к лицу. Его седые волосы стояли дыбом, взлохмаченные и перепачканные кровью; он был в ночной рубахе и штанах, босой; его широкие обнаженные ступни выглядели странно детскими и беззащитными, когда шаркал и спотыкался о каждый камень и комок грязи.

— Убери-ка ты руку, Памплона, — встревоженно сказал ему сосед. — Мы хоть посмотрим, что у тебя там.

Охранник, шедший сзади, прикрикнул на них — то ли угрожал, то ли приказывал идти быстрее.

Памплона опустил руку. Оба его глаза были закрыты; один был невредим, второй залит кровью, струившейся из раны, пересекавшей глаз от края брови до переносицы.

— Больно очень, — пожаловался он. — Что это такое было? Я почему-то ничего не вижу. Наверное, что-то мне в глаз попало. Лион? Это ты? Я хочу домой.

Из деревень и с ферм, находившихся к югу и западу от Шанти, забрали больше сотни мужчин, чтобы начать работы в новых поместьях

Южной Долины. Отряд Льва достиг цели ближе к полудню, когда туман уже поднялся и плыл извивающимися полосами над Мельничной рекой. На Южной Дороге кое-где были выставлены посты из охранников, которые должны были помешать возмутителям спокойствия присоединиться к отрядам, отправленным на принудительные работы.

Прибывшим роздали орудия труда — мотыги, кирки, мачете — и, распределив их на группы по четыре-пять человек, тут же заставили приступить к работе. Каждая из таких групп находилась под надзором охранника, вооруженного плеткой или мушкетом. Ни для работников, ни для тридцати человек охраны не было построено даже шалашей. Когда наступила ночь, они с трудом разожгли костры из мокрых сучьев и улеглись спать прямо на пропитанную водой землю. Еду им, правда, дали, но хлеб настолько размок, что превратился не то в глинистую массу, не то в кашу. Охранники, собравшись кучкой, что-то злобно ворчали. Жители деревень тоже не умолкали. Сперва ответственный за проведение всей операции офицер, капитан Иден, пытался запретить разговоры, опасаясь нарушить конспирацию; затем, обнаружив, что одна группа спорит со вто-

рой, члены которой стояли за ночной побег, он оставил их в покое. У него не было ни малейшей возможности помешать шантийцам исчезнуть в ночи по-одному — по-двое; разумеется, он всюду расставил посты, охранники были вооружены мушкетами, однако видеть во тьме они не могли, и в такой дождь не было никакой возможности развести костры поярче. И они не успели создать «огороженную территорию» для рабочих, как им было приказано. Крестьяне хорошо справились с тяжелой работой по расчистке участка, однако проявили поразительную тупость, когда от них потребовали построить хоть какую-нибудь ограду из срубленных ветвей, а охранники ни за что не согласились бы отложить оружие, чтобы выполнить подобную задачу.

Капитан Иден велел своим людям сторожить в оба глаза; сам он в ту ночь вообще не ложился.

Утром все, и охранники, и крестьяне, как будто были на месте, хотя двигались еле-еле в промозглой туманной сырости, и потребовалось несколько часов, чтобы костры наконец разгорелись и был приготовлен жалкий завтрак. Затем снова были розданы орудия труда — мотыги с длинными ручками, мачете из дрянной стали, кирки и тому подобное. Их получили сто два-

дцать человек, а остальные тридцать взяли в руки свои плетки и мушкеты. Неужели они не понимают, что могут сделать и притом без особого труда? Капитан Иден был потрясен. Под его изумленным взглядом крестьяне цепочкой проследовали мимо кучи инструментов, в точности как и вчера, взяв что кому требовалось, и снова принялись за расчистку склона холма у реки от кустарника и подлеска. Они работали хорошо, не жалея сил; они хорошо умели делать эту работу и не обращали особого внимания на окрики и команды охранников. Они сами разделились на удобные им группы, выполняя это тяжелейшее задание. Большинство охранников выглядели злыми, продрогшими и совершенно ненужными здесь; настроены они были мрачно с тех пор, как испытали и какое-то неполное удовлетворение, поднимая жителей среди ночи, отсеивая мужчин, но не получая никакого отпора.

Лишь ближе к полудню появилось наконец солнце, однако уже к середине дня облака вновь сгустились и стал накрапывать дождь. Капитан Иден велел устроить перерыв на обед — еще одна пайка совершенно размокшего хлеба — и, когда к нему подошел Лев, как раз наставлял двух охранников, которых намеревался отослать в Столицу

за свежим запасом продовольствия и парусиной для палаток и матрасов.

— Одному из наших людей срочно нужен врач, а двое слишком стары для подобной работы. — Он указал на Памплону, который сидел, беседуя с Лионом, и на двух совершенно седых старцев; голова Памплоны была перевязана куском материи, оторванной от рубашки. — Этих троих необходимо отправить назад, в деревню.

Лев вел себя не только не подобострастно, хоть и разговаривал с офицером, но совершенно светски, очень вежливо и спокойно. Капитан смотрел на него оценивающе, однако без предубеждения. Ангел уже указал ему вчера на этого маленького курчавого парнишку, одного из вожаков Шанти-тауна; было совершенно очевидно, что крестьяне тоже в первую очередь смотрят на Льва — какие бы приказы им ни отдавали, как бы им ни угрожали, — ожидая, что именно скажет он. Получили ли они от него какие-то указания и как это могло произойти, капитан Иден не знал, потому что не заметил, чтобы Лев сам отдавал какие бы то ни было приказы; но если этот мальчишка все же является их лидером, то и капитану Идену лучше иметь дело именно с ним. Более всего во всей этой ситуации капитана Идена раз-

дражало полное отсутствие какой бы то ни было структуры. Он отвечал здесь за все и тем не менее как бы не имел права распоряжаться свыше тех пределов, которые как работники-шантийцы, так и его собственные подчиненные установили для него. Охранники в лучшем случае выполняли его приказы, а теперь к тому же были глубоко разочарованы и считали, что их неправильно используют. Количество жителей Шанти-тауна вообще никому не известно. Окончательно проанализировав ситуацию, капитан пришел к выводу, что полагаться он может только на свой мушкет; с другой стороны, еще девять человек из его отряда были вооружены такими же мушкетами.

Так что лучше было не выбирать — тридцать против ста двадцати или один против ста сорока девяти; самое разумное в данной ситуации, очевидно, — проявить должную твердость, но без особого нажима; и ни в коем случае не лезть напролом.

— Это всего лишь рубец от плетки, — тихо ответил он молодому человеку.

— Разрешаю ему пару дней не работать и полежать. А старики вполне могут присматривать за готовящейся пищей; пусть высушат этот хлеб

и поддерживают в кострах огонь. Уйти нельзя никому, пока вся работа не будет выполнена.

— Рана достаточно глубокая. Он потеряет глаз, если не позаботиться вовремя. И у него сильные боли. Его совершенно необходимо отправить домой.

Капитан размышлял.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Если он не может работать, пусть идет домой. Но один.

— Это слишком далеко, чтобы он смог добраться в одиночку, без помощи.

— В таком случае он останется здесь.

— Нет, нужно его отнести на носилках. Для этого потребуются четверо.

Капитан Иден только пожал плечами и отвернулся.

— Сеньор, мы решили не работать до тех пор, пока о Памплоне соответствующим образом не позаботятся.

Капитан снова повернулся к юноше лицом, однако нетерпения не проявил, лишь внимательно посмотрел на него:

— Вы решили?..

— Как только Памплону и этих стариков отправят домой, мы тут же снова приступим к работе.

— У меня приказ Совета, — сказал капитан, — а

вы обязаны подчиняться моим приказам. Ты должен как следует объяснить это своим людям.

— Послушайте, — сказал Лев вполне дружелюбно и без малейшего раздражения, — мы пока решили продолжать эту работу, потому что она действительно необходима: наше сообщество нуждается в новых земледельческих территориях, а здесь очень хорошее место для деревни. Но ничьим приказам мы не подчиняемся. Мы подчинились вашему насилию, желая избежать телесных повреждений и смертей у обеих сторон. Но в данный момент жизнь этого человека, Памплоны, под угрозой, и если вы ничего не сделаете, чтобы спасти его, тогда это придется сделать нам. То же самое и по поводу двоих стариков; они не могут оставаться в дождь под открытым небом. Здешнее старое солнце больно артритом. Так что пока всех троих не отошлют домой, мы к работе приступить не сможем.

Круглое смуглое лицо капитана Идена сильно побледнело. Его Босс, молодой Макмиллан велел ему: «Возьми пару сотен крестьян и заставь их расчищать участок на западном берегу Мельничной реки, ниже брода». И это был настоящий приказ, а дело предстояло нелегкое, однако вполне достойное настоящего мужчины и

заслуживающее определенного вознаграждения. Но, похоже, ответственность за порученное дело лежала на нем одном. Охранники еле подчинялись ему, а жителей Шанти-тауна вообще понять было невозможно. Сперва они были напуганы и невероятно покорны, теперь же пытались приказывать ему самому. Если они действительно не боятся его вооруженных людей, то какого черта теряют время на пустые разговоры? Если бы он сам был одним из них, он бы дослал все это подальше и постарался раздобыть мачете! Их же в четыре раза больше, и охранники успеют убить самое большее человек десять, прежде чем их оденут на вилы и отберут все мушкеты. Иден воспринимал поведение шантийцев как совершенно бессмысленное и даже постыдное, не достойное мужчин. Да откуда тут, в этом диком краю взяться самоуважению? Серая, дымящаяся от дождя и тумана река, заросшая спутанными травами болотистая долина, жидкая каша, которую полагается считать хлебом, ледяная спина, к которой прилип промокший насквозь мундир, надутые злобные физиономии охранников, спокойный голос этого странного мальчишки, который указывает ему, капитану Идену, что нужно делать — нет, это уж чересчур. Он передер-

нул плечом, и мушкет оказался у него в руках.

— Послушай-ка, — сказал он. — Ты и все остальные немедленно приступите к работе. Немедленно. Иначе я прикажу тебя связать и отправить в Столицу, в тюрьму. Выбирай.

Он говорил негромко, но все остальные, и охранники, и крестьяне, тут же обратили на них внимание. Многие шантийцы встали, отошли от костров и собрались в кучки — все в черной болотной грязи, мокрые волосы прилипли ко лбам. Прошло несколько мгновений, наверное, всего несколько секунд, не больше полминуты, но и этот срок показался ему очень долгим; в воцарившейся тишине слышался лишь стук дождя по сырой земле вокруг, по ветвям срубленных кустов на крутом берегу реки и по листьям хлопковых деревьев у самой воды — дробное, негромкое постукивание капель.

Глаза капитана Идена, пытаясь охватить все разом — охранников, крестьян, груду рабочего инструмента, — встретились со взглядом Льва и замерли.

— Мы решили твердо, сеньор, — сказал юноша почти шепотом. — Что же теперь?

— Скажи им, чтоб начинали работу.

— Хорошо! — Лев обернулся. — Рольф, Ади, не

могли бы вы быстренько сделать носилки? А потом вы двое и двое жителей Столицы понесете Памплону назад в Шанти. Томас и Солнце тоже пойдут с вами. Ну а все остальные пусть приступают к работе, хорошо? — И он следом за крестьянами направился к куче мотыг и мачете. Шантийцы разобрали инструмент и неспешно двинулись вновь по склону холма, врубаясь в гущу травы и кустов, корчуя особенно упорные растения.

Капитан Иден, ощущая под ложечкой холодок, повернулся к своим людям. Те двое, которым он прежде велел отправиться в Столицу, стояли ближе всего.

— Сперва вы будете сопровождать этих больных в деревню. А к вечеру вернетесь сюда и приведете с собой столько же здоровых. Понятно? — Он заметил Ангела с мушкетом в руках; Ангел смотрел прямо на него. — Вы пойдете с ними, лейтенант, — сухо велел он. Оба охранника с тупым видом отдали честь; Ангел продолжал смотреть на него откровенно нагло, насмешливо.

В тот вечер у костра, где готовилась пища, к капитану снова подошли Лев и трое других крестьян.

— Сеньор, — сказал старший из них, — мы решили, что будем работать здесь ровно одну неделю; это будет нашим вкладом в общее дело. Но и столичные жители тоже должны работать с нами вместе. Сами понимаете, куда это годится, когда двадцать или тридцать здоровых мужчин стоят рядом без дела, пока мы вкалываем.

— Отведите этих людей туда, где им полагается быть, Мартин! — обратился капитан к охраннику, стоявшему на посту. Тот выдвинулся вперед, выразительно взявшись за ручку плетки; крестьяне переглянулись, пожали плечами и вернулись к своему костру. Самое главное, подумал капитан Иден, не разговаривать с ними и не позволять им разговаривать с тобой. Спустилась ночь, черная, с проливным дождем. В Столице дождь никогда не лил с такой силой; да и вообще там были крыши. В темноте шум дождя был поистине ужасен, он, казалось, слышался отовсюду; на многие мили вокруг, по всему этому дикому краю лил проливной дождь. Костры удавалось поддерживать с трудом, огонь отплевывался, но буквально тонул в потоках дождя. Охранники, жалкими кучками сгрудившись поддеревьями и уронив свои мушкеты прямо в хлюпающую грязь, ругались и дрожали от холода. А когда наступил

рассвет, жителей Шанти рядом не оказалось; они растворились в ночи и в этом дожде. Не хватало также четырнадцати охранников.

С белым лицом, охрипнув, побежденный, поверженный, ошеломленный, капитан Иден собрал остатки своего продрогшего и до костей промокшего войска и отправился обратно в Столицу. Да, капитанского чина он, конечно, лишится; возможно, его даже высекут кнутом или подвергнут пытке в наказание за эту неудачу, но сейчас ему это было безразлично. Пусть они сделают с ним что угодно, только не отправляют в ссылку. Ну должны же они понять, что это не его вина! Никто, никто не смог бы справиться с подобным заданием! Ссылка была очень редким наказанием, только для самых отпетых преступников — предателей, убийц. Отправляли в ссылку следующим образом: сажали человека в лодку и отвозили далеко на побережье, высаживали там в диком краю, где не было ни души, и оставляли. Если бы сосланный осмелился когда-либо вернуться в Столицу, его подвергли бы пыткам, а потом расстреляли. Но никто ни разу из ссылки не вернулся. Они умирали в одиночестве, гибли в ужасной равнодушной пустоте и тишине. Капитан Иден задохнулся, но продолжал шагать; глаза

его неустанно смотрели вперед в надежде издали увидеть первые крыши домов Столицы.

В темноте и под проливным дождем шантийцы решили держаться Южной Дороги

— они бы тут же заблудились, если бы попытались группами разбрестись по окрестным холмам, чтобы сбить со следа преследователей. И дороги-то придерживаться оказалось достаточно трудно — собственно, это была даже не дорога, а широкая тропа, протоптанная рыбаками и пробитая груженными тележками с лесом. Они вынуждены были идти очень медленно, буквально нащупывая путь, пока дождь не стал чуть слабее и не забрезжил рассвет. Большая часть шантийцев ушли из лагеря вскоре после полуночи, но к рассвету даже они преодолели чуть менее половины пути до дома. Несмотря на опасность погони, люди предпочитали оставаться на дороге, чтобы идти быстрее. Лев ушел с самой последней группой и сейчас тоже намеренно держался в хвосте, чтобы в случае чего громким криком предупредить остальных, и тогда те успели бы спрятаться в густом кустарнике. Особой нужды в этом, собственно, не было: не только Лев, все держали ушки на макушке и постоянно оглядывались; но для него это служило пред-

логом побыть в одиночестве. Ему не хотелось сейчас быть среди людей, с кем-то разговаривать. Хотелось одному встретить рассвет, когда восточный край неба засверкает над холмами влажным серебром. Лев хотел пройти этот путь наедине со своей победой.

Да, они победили. Его идеи оказались верны. Шантийцы одержали победу в этой битве, не применяя насилия. Ни одной смерти; одно ранение. «Рабы» освободились, никому не угрожая, не поднимая восстания, не размахивая мачете. А их «хозяева» бросились к своим Хозяевам — докладывать о провале, и, возможно, теперь у них будет время поудивляться этой неудаче и начать думать и видеть правду… И ведь вполне приличные люди — например, этот капитан да и другие тоже… Когда они наконец хотя бы задумаются над тем, что такое истинная свобода, то и сами в итоге придут к ней. И тогда Столица присоединится к Шанти. А когда охранники перестанут служить им, и Боссы непременно тоже откажутся от своей жалкой игры в правительство, от своих претензий на власть над другими людьми. Они тоже непременно придут к пониманию свободы — медленнее, чем рабочий люд, но тоже обязательно придут: для того чтобы стать

действительно свободными, они должны сложить оружие, перестать от кого-то обороняться, выйти из-за своих крепостных стен, стать равными среди равных, стать братьями других людей. И тогда солнце свободы взойдет над миром Людей — жителей планеты Виктория — вспыхнет, как сейчас, ясным серебристым светом из-под тяжелой массы облаков. В лучах восходящего солнца каждая тень черной отчетливой полосой ложилась поперек узкой дороги и каждая лужица, оставленная вчерашним ливнем, сверкала, точно веселая улыбка ребенка.

И ведь именно я, думал Лев с восторгом, именно я говорил от их имени, именно ко мне они обратили свои взоры, и я не дал им испытать разочарование. Мы оказались стойкими! О Господи, когда он выстрелил из своего ружья в воздух, я ведь решил сперва, что он меня убил, а потом — что оглох! Но вчера при разговоре с этим капитаном мне даже в голову ни разу не пришло: «А что, если он выстрелит?», потому что я знал: он никогда не сможет поднять ружье и выстрелить в меня, и он понимал это, и ружье для него было совершенно бесполезным… Если тебе что-то непременно нужно, то это всегда возможно. Можно выстоять. Мне выстоять удалось, нам всем

удалось. О Господи, как я их всех люблю, всех, всех! Я и не знал, понятия не имел, что можно быть таким счастливым!

Он спешил в светлеющем воздухе утра к своему дому, а пролившийся ночью дождь под его босыми ногами взлетал ледяными брызгами, словно короткий холодный смешок.

7

— Нам нужно больше заложников, особенно хорошо бы захватить их вожаков, их лидеров. Надо разозлить их, вызвать на бой, но только не испугать, иначе они будут бояться действовать, понимаешь? Их сила именно в пассивности и в разговорах, разговорах, разговорах. Мы хотим, чтобы они нанесли ответный удар, если их лидеры окажутся у нас в руках, и тогда попытка открытого неповиновения с их стороны потерпит полный крах, а сами они будут деморализованы настолько, что можно будет делать с ними что угодно. Ты должен попытаться непременно захватить этого мальчишку — как там его? — Шульца. И еще этого Илию. И вообще всех, кто особенно любит митинговать. А ты уверен, что твои люди остановятся, если ты скажешь им «Стоп!»?

Люс не расслышала ответа Германа Макмиллана. Ей почудилось вместо слов какое-то монотонное злобное ворчание — ему явно не нравилось, что его поучают да еще спрашивают, понял ли он.

— Итак, постарайся взять этого Льва Шульца.

Его дед считается у них одним из великих вождей. Мы можем пригрозить смертной казнью. И даже осуществить ее, если возникнет необходимость. Но лучше бы она не возникла. Если их слишком сильно напугать, они снова возьмутся за свои теории и станут претворять их в жизнь — ничего другого-то у них ведь нет. А нам нужно — но это потребует от нас терпения и одержимости, — чтобы они предали собственные идеалы, утратили веру в своих лидеров, в их аргументы, в их мирные теории.

Люс стояла у стены дома, под окном отцовского кабинета. Окно было настежь открыто; стояло полное безветрие, воздух был пропитан дождем. Несколько минут назад Герман Макмиллан с топотом ворвался в их дом. Он принес тревожные новости, и вскоре она услышала его гневные обвиняющие выкрики:

— …с самого начала надо было использовать только моих людей! Я же говорил вам!

Ей очень хотелось узнать, что случилось, и было интересно послушать, как это Герман осмеливается говорить с ее отцом подобным тоном. Однако бешеная тирада Германа оказалась краткой. К тому времени как она, выбежав из дому, спряталась под окном отцовского кабинета и

стала подслушивать, Фалько уже полностью взял себя в руки, и теперь Герман только злобно ворчал себе под нос: «Да-да, конечно». Так ему и надо, этому горластому Макмиллану! Получил урок? Понял, кто командует в Каса Фалько и в Столице? Однако сейчас приказания ее отца…

Люс схватилась руками за щеки, мокрые от мелкого дождя, и тут же быстро отряхнула руки, словно коснулась чего-то покрытого слизью. Ее серебряные браслеты звякнули, и она застыла, как кролик, плотно прижавшись к стене дома, чтобы Герман или отец, выглянув наружу, не заметили ее. Один раз, говоря что-то, Фалько подошел к окну и оперся руками о подоконник; его голос звучал прямо у Люс над головой, ей казалось, что она даже чувствует тепло его тела, так близко он был. Она испытывала огромное желание выскочить и громко крикнуть: «Буу!», и в то же время судорожно подыскивала предлоги, извинения, объяснения… «Я искала наперсток… я его где-то тут обронила…» Ей хотелось громко рассмеяться, и в то же время слезы закипали у нее на глазах и комок стоял в горле, в такой растерянности она была от того, что слышала. Неужели это ее отец? Ее отец говорит такие ужасные вещи? Вера сказала тогда, что у него великая душа.

Неужели человек с великой душой станет вести разговоры о том, как обмануть людей, испугать их, убить? Как их ИСПОЛЬЗОВАТЬ?

Вот именно это он и делает с Германом Макмилланом, подумала Люс. ИСПОЛЬЗУЕТ его.

А почему бы, собственно, и нет? На что еще годится Герман Макмиллан?

А на что годится она сама? На то, чтобы ее использовать. И отец ее тоже использовал — во имя собственного тщеславия, собственного комфорта, как используют любимого ручного зверька. Всю жизнь он использовал ее и теперь использует — для того, чтобы Герман Макмиллан оставался ручным. Вчера вечером он приказал ей развлекать Германа любезными разговорами, если тому захочется поговорить с ней. Герман без сомнения нажаловался — ведь она тогда от него просто сбежала. Здоровенный, жалобно ноющий бык. Да оба они быки, все они такие! С широкой грудью, с вечной похвальбой, с желанием приказывать другим и мошенническими планами.

Люс больше уже не слушала этих двоих. Она отступила от стены и стояла выпрямившись, словно ей было безразлично, увидит ее кто-нибудь или нет. Потом обошла дом кругом и через черный ход, через мирные грязные кухни и кла-

довые, где царила сиеста, направилась прямо в комнату Веры Адельсон.

Вера тоже прилегла отдохнуть: вид у нее был заспанный.

— Я подслушала разговор моего отца с Германом Макмилланом, — заявила Люс, остановившись посреди комнаты, а Вера сидела на кровати и изумленно смотрела на нее. — Они планируют налет на Шанти. Они намерены захватить Льва и других ваших лидеров, посадить их в тюрьму и попробовать этим разозлить шантийцев, заставить их драться, а потом справиться с ними с помощью силы и оружия и в качестве наказания отослать большую часть мужчин на принудительные работы в новые поместья. Они уже некоторых туда отправили, но только все убежали, а может, это охранники убежали — я не очень ясно расслышала. Так что теперь Макмиллан берет «свою маленькую армию» и направляется туда, а мой отец внушает ему, что нужно заставить жителей Шанти ответить ударом на удар — тогда они предадут свои идеалы и можно будет ИСПОЛЬЗОВАТЬ их как угодно.

Вера по-прежнему сидела молча и смотрела на Люс во все глаза.

— Вы ведь понимаете, что он имел в виду? Ну,

во всяком случае, Герман-то понимал его отлично! Ведь в случае победы люди Германа получат свободный доступ к вашим женщинам. — Голос Люс звучал холодно, хотя говорила она очень быстро. — Вы должны пойти и предупредить их.

Вера так ничего и не сказала в ответ. Она как-то отрешенно посмотрела на свои босые ступни — не то еще в тумане сна, не то соображая что-то с такой же лихорадочной скоростью, с какой Люс говорила.

— Неужели вы даже теперь отказываетесь пойти? Неужели ваше слово все еще держит вас? После такого?

— Да, держит, — слабым голосом, словно в забытьи сказала Вера. Потом прибавила более твердо: — Да.

— В таком случае пойду я.

— Куда ты пойдешь?

Она все прекрасно поняла и спросила, только чтобы выиграть время.

— Предупредить их, — сказала Люс.

— Когда планируется налет?

— Завтра ночью, по-моему. Ночью — это я слышала, — но вот не совсем поняла, какой именно.

Обе молчали. Потом Люс снова заговорила:

— Возможно, даже сегодня ночью. Они еще

сказали: «Лучше застать их прямо в постелях».

Это сказал ее отец, а Герман Макмиллан в ответ рассмеялся.

— А если ты пойдешь, то… как ты поступишь?

Вера все еще говорила как бы во сне — очень тихо, часто делая паузы.

— Я все расскажу им и сразу вернусь назад.

— Сюда?

— Никто ничего не узнает. Я оставлю записку, что пошла к Эве. Впрочем, это неважно. А если я все расскажу жителям города — что они будут делать?

— Не знаю.

— Но им ведь поможет, если они будут знать о налете заранее и успеют как-то подготовиться? Вы же говорили мне, как четко вам приходится все планировать, чтобы…

— Да. Это им поможет. Но…

— Тогда я пойду. Сейчас же.

— Люс, послушай. Подумай, что ты делаешь. Разве ты можешь уйти из Столицы среди бела дня, чтобы никто не заметил? Да и сможешь ли ты вернуться назад? Подумай…

— Мне все равно, смогу ли я вернуться назад. Этот дом переполнен ложью,

— быстро и холодно ответила девушка и ушла.

Уйти было легко. Трудно оказалось заставить себя идти дальше. — Легко было взять старую черную шаль, висевшую у двери, завернуться в нее как в плащ, спрятав лицо, и выскользнуть через черный ход, а потом по боковой улочке быстро отбежать подальше, притворившись служанкой, которая торопится домой. Легко было оставить позади Каса Фалько, оставить позади Столицу — это даже возбуждало. Она не боялась того, что ее могут остановить. Если ее остановят, нужно лишь сказать: «Я дочь Советника Фалько!», и больше у нее не осмелятся спросить ни слова. Но никто ее не остановил. И она была совершенно уверена, что никто ее не узнал; она пробиралась боковыми улочками и переулками, самым коротким путем, ведущим из Столицы мимо школы. Она была с головой укутана в большую черную шаль, а морской ветер с дождем, который готов был, казалось, унести ее, дул в глаза и всем тем, кто попадался ей навстречу. Уже через несколько минут она очутилась на окраине Столицы, пробежала задами принадлежащего Макмилланам огромного склада пиломатериалов, мимо штабелей бревен и досок; потом поднялась на окружавшие Столицу холмы и вышла на дорогу, ведущую в Шанти-таун.

Вот тут-то и начались первые трудности. По этой дороге она ходила лишь однажды, с группой своих приятелей и в сопровождении множества тетушек, дуэний и охранников, на праздник Танца в Доме Собраний. Это было летом, они всю дорогу болтали и смеялись, тетушка Эвы Катерина ехала на велорикше, у коляски отвалилось колесо, и тетушка шлепнулась прямо в пыль, а потом весь день у нее на заднице, обтянутой черным платьем, красовалось огромное белое пятно, так что во время выступления танцоров Люс и ее подружки все время хихикали и никак не могли остановиться… Но тогда они даже по городу не прошлись. На что он, интересно, похож? Какие у них там порядки? Кого ей следует спросить? И что она им вообще скажет? Что, интересно, они ответят ей? Да и пустят ли ее в дом, если она явилась из Столицы? Не будут ли пялить на нее глаза, насмехаться, дразнить? Нет, они вроде бы никому зла не причиняют. Но, возможно, они просто не станут с ней разговаривать. Теперь она наконец ощутила, какой холодный ветер дует ей в спину. Дождь насквозь промочил и шаль, и платье у нее на спине, а подол юбки был не только мокрым, но и тяжелым от прилипшей грязи. Вдоль дороги тянулись пустые, серые, осенние

поля. Когда она оглянулась, позади ничего уже не было видно, кроме Памятника — бледной унылой спицы, бессмысленно указывающей в небеса. Весь знакомый ей мир теперь лежал где-то там, за этой отметиной. Слева порой поблескивала серая река; дождь и ветер морщили ее поверхность широкими полосами.

Она скажет, что хотела, первому же встречному и тут же повернет обратно, а они пусть делают с этим, что хотят. Она будет дома самое большее через час, задолго до ужина.

Люс увидела слева от дороги среди садовых деревьев маленький крестьянский домик, какую-то женщину во дворе и несколько убавила скорость. Вот сейчас она свернет к дому, все расскажет этой женщине, и та уж сама передаст новости жителям Шанти-тауна, а она, Люс, сможет прямо отсюда вернуться домой. Люс колебалась. Потом все-таки двинулась к ферме, но вдруг остановилась, развернулась и бегом припустила прямо по мокрой траве на дорогу. «Я все-таки дойду куда надо, все сделаю сама и тогда вернусь, — шептала она. — Ну давай же, давай, иди скорее — и домой!» Она пошла еще быстрее, она почти бежала. Щеки ее пылали, она задыхалась. Она уже многие месяцы, несколько лет не ходила так

далеко и так быстро. Нет, нельзя появляться среди незнакомых людей в таком виде — красной, запыхавшейся. Она заставила себя умерить шаг, идти спокойно, выпрямившись. Во рту и в горле пересохло. Ей хотелось напиться дождевой воды, слизывая ее прямо с листьев — свернуть язык трубочкой и втягивать холодные капли влаги, что висели на каждой травинке. Но это было бы слишком по-детски. Да, дорога оказалась куда длиннее, чем она воображала. А действительно ли этот путь ведет в Шанти-таун? Вдруг она что-то перепутала и попала на одну из тех дорог, по которым лесорубы привозят в Столицу лес? Или на какую-нибудь тропу, не имеющую конца и ведущую прямо в дикие края?

Эти слова — дикие края — окатили ее холодной волной ужаса, и она застыла, словно споткнувшись.

Она оглянулась назад, надеясь увидеть Столицу, дорогую низенькую теплую, забитую народом, прекрасную Столицу, всю состоящую из стен, крыш и улиц, из лиц и голосов, свой дом, свой родной дом, свою жизнь, но позади ничего не было, теперь даже Памятник скрылся за пологим холмом, исчез из виду. Поля и холмы вокруг были безлюдны. Сильный теплый ветер дул со стороны

пустынного моря.

Здесь же нечего бояться, уверяла себя Люс. Ну почему ты такая трусиха? Ты никак не можешь заблудиться, ведь ты идешь по дороге, а если эта дорога ведет не в Шанти, тебе нужно будет всего лишь повернуть назад, и ты так или иначе попадешь домой. Тебе не придется карабкаться по скалам, так что на горного скорпиона ты не наткнешься; тебе не придется идти через лес, так что ты не уколешься о ядовитую розу — чего же ты боишься? Здесь ничто тебе не угрожает. Здесь, на дороге, ты в полной безопасности.

Однако она шла, по-прежнему цепенея от ужаса, вглядываясь в каждый камень и кустик, в каждую купу деревьев, пока наконец, поднявшись на каменистый холм, не разглядела впереди крытые красными пальмовыми листьями крыши домов и не почувствовала в воздухе запах очага. Перед ней был Шанти-таун. Лицо ее тут же исполнилось решимости, спина гордо выпрямилась, но в шаль она куталась по-прежнему плотно.

Домишки были разбросаны среди деревьев и огородов. Домов было довольно много, однако они стояли как-то чересчур свободно, не имели вокруг ни стен, ни заборов и казались незащищенными, в отличие от столичных. Под проливным дождем

вид у них был какой-то жалкий. Никого из людей поблизости не было видно. Люс медленно прошла по извилистой улочке, пытаясь решить, что лучше — окликнуть вон того мужчину или постучать в эту дверь?

Как бы ниоткуда вдруг появился какой-то малыш и уставился на нее. Кожа у него была светлой, но ноги вымазаны в коричневой грязи до колен, а руки

— до локтей, да и весь он был заляпан той же коричневой грязью, так что казался пестрым или пегим. Его жалкая одежонка тоже была покрыта самыми различными грязными пятнами весьма занятной расцветки.

— Привет, — сказал он, немного помолчав. — Ты кто?

— Люс Марина. А ты кто?

— Мариус, — сказал он и начал бочком отодвигаться от нее.

— А ты не знаешь, где… где живет Лев Шульц? — Ей не хотелось спрашивать про Льва, она бы предпочла скорее встретиться с незнакомым человеком; однако не сумела припомнить больше ни одного имени. Вера рассказывала ей о многих, да и отец не раз упоминал имена их вожаков, но сейчас она ничего не могла вспомнить.

— Какой это Лев? — спросил Мариус и почесал за ухом, добавив туда изрядное количество грязи. Она знала, что жители Шанти-тауна почти никогда не называют друг друга по фамилиям — только в Столице.

— Ну, он такой молодой и… он… — Она не знала, кем считается здесь Лев. Вожаком? Капитаном? Боссом?

— Сашин дом вон там, — сказал ей пятнистый мальчик, указывая пальцем в конец грязной, заросшей травой улочки, и на этот раз так ловко скользнул куда-то в сторону, что, казалось, растворился в тумане и дожде.

Люс, сжав зубы, пошла к указанному ей дому. Бояться здесь нечего. Это всего-навсего маленькая грязная улочка, уверяла она себя. Дети все как один перепачканы грязью, а взрослые кажутся самыми обыкновенными крестьянами. Она только сообщит новости первому, кто откроет дверь, и все будет кончено. И тогда она сможет вернуться домой, в высокие чистые комнаты Каса Фалько.

Она постучала. Дверь открыл Лев.

Она сразу узнала его, хотя не видела года два. Он был полуодет, волосы всклокочены — видимо, спал и она разбудила его. Он смотрел на нее, сияя глупейшей детской улыбкой и еще не совсем

проснувшись.

— Ага, сейчас, — сказал он. — А где Андре?

— Я Люс Марина Фалько. Из Столицы.

Его сияющий взгляд стал более сосредоточенным: он наконец начал просыпаться.

— Люс Марина Фалько? — переспросил он. Его смуглое тонкое лицо вспыхнуло и ожило; он посмотрел на нее, потом куда-то мимо нее, ища ее спутников, снова на нее. В его глазах мелькали самые различные чувства — тревога, настороженность, восторг, недоверие. — Так ты здесь… с…

— Я пришла одна. Я должна… Я должна кое-что рассказать тебе…

— О Вере? — Улыбка с его взволнованного лица тут же исчезла. Теперь он был точно натянутая стрела.

— С Верой все в порядке. И со всеми остальными тоже. Но мои новости касаются тебя и вашего города. Что-то случилось вчера ночью… я не знаю что… а ты знаешь?..

Он кивнул, внимательно на нее глядя.

— Они очень разозлились и намерены явиться сюда — завтра ночью, по-моему. Это люди, которых специально натаскивал молодой Макмиллан. Это бандиты, и они хотят арестовать

тебя и других ваших лидеров, а потом… разозлить всех шантийцев настолько, чтобы они ответили ударом на удар, и тогда шайка Макмиллана легко одержит победу, а потом заставит мужчин работать на своих латифундиях в качестве наказания за неповиновение. Они придут, когда стемнеет; я думаю, скорее всего завтра. Впрочем, я не уверена. У Макмиллана человек сорок этих бандитов, и все они вооружены мушкетами.

Лев по-прежнему внимательно смотрел на нее. Но ничего не говорил. И лишь некоторое время спустя в этом его молчании Люс услышала тот вопрос, на который сама так и не ответила.

И этот его незаданный вопрос застал ее настолько врасплох, она была настолько не готова хоть что-то сказать на сей счет, что тоже застыла, уставившись на него и мучительно краснея от растерянности и страха, но больше не могла выдавить ни слова.

— Кто послал тебя, Люс? — мягко спросил в конце концов Лев.

Совершенно естественно, что он сказал именно так: он и должен думать, что она скорее всего лжет или это Фалько использует ее для какого-нибудь своего мошенничества. Совершенно естественно предположить, что она служит свое-

му отцу; вряд ли Льву могло бы прийти в голову, что она своего отца предает. Люс смогла лишь покачать головой. Руки и ноги у нее дрожали, перед глазами мелькали вспышки света; она чувствовала, что сейчас упадет в обморок.

— Мне пора возвращаться, — сказала она, но с места не двинулась: ноги ее не слушались.

— Тебе плохо? Да входи же, присядь. Ну хоть на минутку.

— У меня голова очень кружится, — сказала она тоненьким жалобным голосом. Ей даже стало стыдно за себя. Лев провел ее в дом, и она уселась на плетеный стул возле стола в темной, с низким потолком комнате. Потом раскрутила шаль на голове — стало полегче и не так жарко; щеки перестали гореть, и пятна света уже не вспыхивали перед глазами. Она постепенно приходила в себя. Лев стоял рядом, у стола, и не шевелился. Он был босиком, в одних штанах; она не могла поднять на него глаза, однако не ощущала ни малейшей угрозы ни в его напряженной позе, ни в его молчании. И никакого гнева или презрения она тоже с его стороны не ощущала.

— Я очень спешила, — пояснила она. — Я хотела побыстрее вернуться назад, а идти пришлось долго, вот у меня голова и закружилась. — Вскоре

она взяла себя в руки и обнаружила, что под волнением и страхом где-то в глубине ее души есть местечко, тихий уголок, и там ее внутреннее «я» может свернуться клубочком и подумать. Она помолчала, подумала и наконец снова заговорила:

— Вера все это время жила у нас, в Каса Фалько. Ты об этом знал? Мы с ней виделись каждый день. И много разговаривали. Я рассказала ей о том, что слышала и что происходит вокруг. Она рассказывала… обо всем… Я пыталась уговорить ее вернуться сюда. Предупредить вас. Она не согласилась

— сказала, что дала слово не совершать побега и должна свое слово сдержать. Так что пришла я. Я подслушала их разговор — Германа Макмиллана и моего отца. Да, я подслушивала! Я стояла прямо под окном специально, чтобы подслушивать! Их речи привели меня в ярость. Просто тошно было слушать. И когда Вера наотрез отказалась пойти, я пошла сама. Ты знаешь об этих новых охранниках, о гвардии Макмиллана?

Лев покачал головой, внимательно и напряженно глядя на нее.

— Я ничего не выдумываю, — холодно сказала она. — Никто меня не использует. Никто, кроме Веры, даже не знает, что я ушла из дому. Я при-

шла как раз потому… мне осточертело, что мной все время пользуются! И мне отвратительна эта постоянная ложь! И меня тошнит от ничегонеделания. Можешь мне не верить. Мне это безразлично.

Лев снова покачал головой и захлопал глазами, словно в лицо ему вдруг ударило солнце.

— Нет, я не… Но рассказывай немножко помедленнее, ладно?

— Времени нет. Я должна вернуться, прежде чем кто-нибудь заметит. Ну ладно. Мой отец велел молодому Макмиллану подготовить специальный отряд, состоящий из сыновей Боссов. Этот отряд они хотят использовать против вашего народа. Уже недели две они только об этом и говорят. Они намерены явиться сюда, потому что что-то у них там случилось — не знаю уж, что именно, — в Южной Долине, и схватить тебя и других ваших лидеров, чтобы заставить жителей Шанти ответить насилием на насилие, предать идеалы мирного сосуществования или — как вы это называете? — ненасилия. И когда вы вступите с гвардией Макмиллана в бой, то непременно проиграете, потому что у них бойцы куда лучше обучены и вооружены к тому же. Ты знаешь Германа Макмиллана?

— Чисто внешне, по-моему, — сказал Лев. Сам он настолько сильно отличался от того человека, чье имя Люс только что произнесла и чье лицо все время мерещилось ей — прекрасное лицо, и мускулистое тело, и широкая грудь, и длинные ноги, и сильные руки, и тяжелый мундир, и заправленные в высокие ботинки штаны, и широкий ремень, и плащ, и ружье, и плетка, и нож… А этот стоял перед ней босой, и она видела, как под его смуглой гладкой кожей проступают ребра и кости грудины.

— Я ненавижу Германа Макмиллана, — проговорила Люс гораздо медленнее, чем прежде, словно сейчас она разговаривала со Львом из того маленького прохладного спокойного местечка внутри нее, где можно было подумать. — У него душа не больше ногтя. А тебе, по-моему, следует его опасаться. Я вот его просто боюсь. Ему нравится причинять людям боль. И не пытайся с ним разговаривать, как это у вас тут принято: он слушать не станет. Для него в мире существует только он сам. Таких людей можно только бить. Или бежать от них прочь. Я, например, убежала… Ты мне веришь? — Теперь она уже могла наконец это спросить.

Лев кивнул.

Она посмотрела на его руки, крепко сжимавшие деревянную спинку стула; руки у него под смуглой кожей словно состояли из одних только нервов и костей; они были сильные и одновременно хрупкие.

— Хорошо. Тогда я должна идти, — сказала она и встала.

— Погоди. Ты должна рассказать это остальным.

— Я не могу. Ты сам им расскажешь.

— Но ты же сказала, что убежала от Макмиллана. Неужели теперь ты к нему возвращаешься?

— Нет! Я возвращаюсь к своему отцу… к себе домой!

Однако Лев сказал правду: это было одно и то же.

— Я пришла предупредить тебя, — холодно сказала она. — Макмиллан собирается подло вас обмануть и вполне заслуживает, чтобы его самого провели. Вот и все.

Но это было далеко не все.

Она выглянула в раскрытую дверь и увидела переулок, по которому ей придется идти, за ним улицу, потом представила себе обратный путь, Столицу, ее улицы, свой дом, своего отца…

— Я ничего не понимаю, — сказала она. И снова

вдруг села: ее опять всю затрясло, хотя теперь уже не от страха — скорее от гнева. — Я не думала об этом… Вера говорила…

— Что же она сказала?

— Она сказала, чтобы я прежде всего остановилась и подумала.

— А она…

— Погоди. Я должна подумать. Тогда я не подумала, так что должна сделать это хотя бы теперь.

Несколько минут Люс сидела неподвижно, стиснув руки на коленях.

— Ну хорошо, — сказала она наконец. — Это война, говорила Вера. И, видимо… я предала отца и его союзников. Вера — заложница в Столице. Раз так, я должна стать заложницей в Шанти-тауне. Если она не имеет права уходить и приходить, когда захочет, то и я не имею. Я ДОЛЖНА через это пройти… — Воздух вдруг застрял у нее в горле, и голос в конце фразы сорвался.

— Мы не берем заложников и никого не сажаем в тюрьму, Люс…

— Я и не говорила, что вы это сделаете. Я сказала, что должна остаться здесь. Я РЕШИЛА остаться здесь. Ты мне позволишь?

Лев умчался куда-то в глубь комнаты, машинально нагибаясь, когда на пути его попадалась

очередная низкая балка. На ходу он надел свою рубашку, которая сохла на стуле перед очагом; потом исчез в дальней комнате и появился оттуда с ботинками в руках. Потом сел на стул возле стола и стал обуваться.

— Смотри сама, — сказал он, топая ногой, чтобы ботинок наделся скорее.

— Ты, разумеется, можешь остаться здесь. Любой человек может здесь остаться. Мы никого не прогоняем и никого насильно здесь не удерживаем. — Он выпрямился и смотрел прямо на нее. — Но что подумает твой отец? Даже если он поверит, что ты осталась здесь по собственному выбору…

— Он ни за что этого не позволит. И непременно явится, чтобы забрать меня.

— Силой?

— Да, силой. И притом, конечно же, вместе с Макмилланом и его «маленькой армией».

— В таком случае ты сама окажешься тем предлогом для применения насилия, который им так нужен. Ты должна вернуться домой, Люс.

— Ради вас? — спросила она, вернее, подумала вслух, представляя в том числе и неизбежные последствия совершенного ею поступка, но Лев вдруг застыл с ботинком в руке — грязным,

разбитым, самым обыкновенным, как она уже заметила раньше.

— Да, — подтвердил он. — Ради нас. Ты же пришла сюда ради нас? А теперь ради нас ступай обратно. Но если они обнаружат, что ты была здесь… — он не договорил. — Нет. Ты не можешь вернуться туда. Ты обязательно запутаешься во лжи — или своей собственной, или их. Ты ведь пришла именно сюда. Из-за Веры, из-за нас. Ты — с нами!

— Нет, я не с вами! — сердито сказала Люс; но свет и тепло, исходившие от лица Льва, смутили ее душу. Он говорил так просто, так уверенно! Теперь вот он улыбался.

— Люс, — сказал он, — помнишь, когда мы учились в школе, ты всегда была… мне всегда хотелось поговорить с тобой, но у меня не хватало смелости… И все-таки мы однажды поговорили по-настоящему — солнце садилось, помнишь, и ты еще спросила, почему я не хочу драться с Ангелом и его дружками. Ты всегда была непохожа на других столичных девчонок, ты как-то не подходила к их компании, словно вообще была не из их числа. Ты наша. Тебе тоже больше всего важна истина. А помнишь, как ты однажды разозлилась на учителя, когда он сказал, что

кролики якобы не впадают в зимнюю спячку, а Тиммо попытался его переубедить и рассказал, как отыскал зимой целую пещеру с кроликами, погруженными в спячку, и тогда учитель хотел выпороть Тиммо плеткой за то, что он «возражает учителю», помнишь?

— Я тогда пообещала, что все расскажу отцу, — тихо проговорила Люс. Она очень побледнела.

— Да, ты встала и на весь класс заявила, что учитель сам ничего об этом не знает, а Тиммо собирается выпороть только потому, что тот доказал свою правоту — тебе было всего четырнадцать, не больше. Люс, послушай, пойдем сейчас со мной, а? Пойдем к Илие, и ты сможешь рассказать всем то, что рассказала мне, и тогда мы сможем решить, как нам быть дальше. Домой тебе сейчас нельзя — там тебя накажут, опозорят! Послушай, ты можешь пожить пока у Южного Ветра — она живет за городом, там спокойнее. А сейчас, пожалуйста, пойдем со мной! Нам нельзя терять времени. — Он протянул к ней руку через стол — тонкую, теплую, полную жизни; она взяла ее, посмотрела ему в лицо и вдруг расплакалась.

— Я не знаю, что мне делать, — сказала она с отчаянием; слезы текли у нее по щекам. — Ты надел только один ботинок, Лев.

8

Времени оставалось мало. Нужно было побыстрее собрать всех членов общины, чтобы в полной готовности плечом к плечу встретить опасность. Спешка оказалась даже на пользу — без всякого нажима трусливые и нерешительные могли отсеяться сами; однако под угрозой возможного налета всем хотелось держаться центральной, самой сильной группы.

И такой сильный центр у них действительно был, он сам, Лев, был в нем вместе с Андре, Южным Ветром, Мартином, Италией, Сантой и другими, молодыми и решительными шантийцами. Вот Веры с ними, к сожалению, не было, и все-таки она тоже участвовала во всех принятых ими решениях, они постоянно ощущали ее тихий голос и неколебимую твердость. Илия остался в стороне, как и Сокровище, и еще несколько человек — главным образом людей старшего поколения, — потому что таковы были их взгляды. Илия никогда не был особенно горячим сторонником переселения на новое место; он и теперь продолжал спорить и уверял, что они зашли

слишком далеко и девушку немедленно следует отослать назад, к отцу, причем в сопровождении целой делегации, которая «села бы за стол переговоров с членами Совета». Он считал, что стоит как следует поговорить с представителями Столицы, и сразу исчезнет проблема недоверия и неповиновения…

— Вооруженные люди не садятся за стол переговоров, Илия, — устало заметил старый Лион.

И большинство шантийцев примкнули не к Илии, а к «Вериным ребятам», к молодежи. Лев чувствовал силу своих друзей и всего города, выразившуюся в полной поддержке их решения. У него было ощущение, словно он, оставаясь самим собой, невероятно, беспредельно расширился, его «я» слилось с тысячью других «я» и обрело такую свободу, какой ни один человек в одиночку обрести никогда не смог бы.

Вряд ли стоило специально совещаться, объяснять людям, что и как нужно делать, чтобы противопоставить мощное пассивное сопротивление Шанти вооруженному насилию Столицы. Все и так все понимали, словно их мысли были его мыслями и наоборот; словно, когда говорил он, его устами говорили они.

А присутствие в Шанти этой девушки, Люс, жи-

тельницы Столицы, которая сама себя отправила в изгнание, как бы обострило ощущение абсолютной общности шантийцев — прежде всего, благодаря состраданию к Люс. Они знали, почему она пришла сюда, и старались быть к ней добры. Среди них она казалась одинокой, напуганной, недоверчивой, куталась в плащ собственной гордости и высокомерия, как истинная дочь Босса, особенно если чего-то не понимала. Но на самом-то деле она все понимает, думал Лев, несмотря на то что понимание это для нее мучительно; она все понимает сердцем, ибо пришла к ним с доверием.

Когда он сказал ей об этом — что она всегда в душе была одной из них, всегда принадлежала Народу Мира, — она тут же сделала презрительное лицо и заявила:

— Я и представления не имею об этих ваших идеях! — Это была неправда: она уже довольно много успела узнать от Веры, да и Лев в эти странные напряженные и одновременно бездеятельные дни ожидания, когда все обычные работы были приостановлены и «Верины ребята» по большей части держались вместе, разговаривал с ней очень часто, используя каждую свободную минуту и страстно желая окончательно привлечь

ее на свою сторону, на сторону мирных сил, на сторону таких людей, среди которых никто никогда не чувствовал себя одиноким.

— На самом деле, если начать рассказывать теорию, то это довольно скучно. Нет, правда, как в школе, — говорил Лев. — Заучиваешь нечто вроде длинного списка — сперва нужно делать это, потом то. Сперва всегда переговоры и мирное обсуждение проблемы, какой бы она ни была. Обязательно мирное, с помощью любых средств и социальных институтов. Так сказать, попытка решить проблему с помощью слов. Так у нас любит говорить Илия. Именно этот шаг и предприняла группа Веры, отправившись на переговоры с Советом. Но у них ничего не вышло. Если первая попытка потерпела неудачу, следует перейти ко второму шагу: прекращению сотрудничества. Это должно сопровождаться соблюдением полного спокойствия и отсутствием каких-либо активных действий, чтобы противоположная сторона поняла, что намерения ваши достаточно тверды. В сущности, это и есть наше теперешнее состояние. Затем предполагается третий шаг, к которому мы сейчас готовимся: предъявление ультиматума, то есть предложение конструктивного решения и ясное изложение того, каковы будут послед-

ствия в случае отказа противоположной стороны принять ультиматум.

— Ну и каковы могут быть эти последствия? — спросила Люс.

— На этот случай предусмотрен четвертый шаг: социальный протест.

— А в чем он выражается?

— В отказе подчиняться любым приказам или законам властей, представляющих враждебную сторону. В противовес мы должны выдвинуть собственные законы и приказы, создать параллельное и независимое правительство и следовать собственным политическим курсом.

— Так-таки уж и собственное правительство?

— Так-таки, — и он улыбнулся. — А знаешь, на Земле это срабатывало не один раз, снова и снова. Причем против любой угрозы — арестов, пыток, вооруженных провокаций. Можешь сама прочитать об этом, я дам тебе одну книгу. Ее автор — Мировская, она называется «История…»

— Я не могу читать книги! — прервала его Люс. Лицо ее выражало презрение. — Я один раз попробовала… Но если все эти теории применялись и действовали так успешно, то почему же вы позволили отослать ваш народ с Земли?

— Нас было еще недостаточно много. А пра-

вительства, представлявшие враждебные нам силы, были многочисленны и сильны. Впрочем, они вряд ли стали бы отправлять нас в ссылку, если бы не боялись нас, верно?

— Именно это говорит мой отец и о своих предках, — заметила Люс. Ее брови слились в сплошную черную линию; глаза скрылись в их тени. Лев наблюдал за ней, очарованный ее необычностью. Ибо, несмотря на его настойчивые уверения в том, что она «одна из них», одной из них она не была; она не была похожа ни на Веру, ни на Южный Ветер, ни на одну из тех женщин, которых он знал. Она была другой — чужой ему. Как та серая цапля на пруду у Дома Собраний. И еще в ней была некая странная тишина, и эта тишина влекла его куда-то в сторону, к какому-то другому центру…

Он был так заворожен, так поглощен созерцанием этой необычной девушки, что не расслышал, когда Южный Ветер что-то сказала ему, он не расслышал, а когда снова заговорила сама Люс, вздрогнул от неожиданности, встрепенулся, и на какое-то время знакомая комната в домике Южного Ветра показалась ему совершенно чужой.

— Хорошо бы мы смогли забыть обо всем, что было на Земле, — сказала Люс. — Земля — это сто

лет назад, там совсем другой мир, другое солнце, какое имеет это значение для нас теперь, здесь? Почему мы не делаем здесь все по-своему? Я родилась не на Земле. Ты тоже. Наш мир — здесь… Он должен иметь свое собственное имя. «Виктория» звучит просто глупо, это же абсолютно земное слово. Мы должны дать нашему миру настоящее имя, его собственное!

— Какое же?

— Хотя бы такое, которое на Земле ничего не значит. Бубу, или Баба, или, например. Грязь. Тут кругом грязь, и если Земля называется «землей», то почему другую планету нельзя назвать «грязью»? — Голос Люс звучал сердито, с ней это часто бывало, но, когда Лев рассмеялся, она тоже рассмеялась. Южный Ветер только улыбнулась, однако сказала своим тихим голосом:

— Да, Люс права. Мы действительно смогли бы создать свой собственный мир, вместо того чтобы вечно подражать тем, кто остался на Земле. Кроме того, если бы на Земле не существовало насилия, то и движения нашего не возникло бы…

— Итак, начнем с грязи и построим новый мир? — сказал Лев. — По-моему, мы как раз этим и занимаемся, разве нет?

— Пока что лепим из грязи пирожки, — сказала

Люс.

— Нет, строим новый мир.

— Из осколков старого?

— Если люди позабудут о своем прошлом, то непременно повторят все ошибки снова и снова; без прошлого нельзя достичь будущего. Именно по этой причине люди на Земле продолжают развязывать войны: они уже забыли, какова была последняя воина. Мы же здесь действительно начинаем все сначала. Потому что помним старые ошибки и не станем их повторять.

— Иногда мне кажется, — сказал Андре, сидевший у самого очага и мастеривший сандалии для Южного Ветра — он всегда подрабатывал как сапожник, — ты уж извини, Люс, что я так говорю, но в Столице, похоже, действительно помнят все старые ошибки исключительно для того, чтобы снова и снова их повторять.

— Не знаю, — как-то равнодушно откликнулась Люс, встала и подошла к окну. Окно было закрыто: дождь так и не перестал да еще и похолодало, с востока дул ледяной ветер. Неяркий огонь очага делал комнату уютной и теплой, но Люс, повернувшись спиной к этому уюту и теплу, смотрела в маленькое запотевшее окошко на темные поля и несомые ветром тучи.

Наутро после своего прихода в Шанти и разговора со Львом и остальными Люс написала письмо отцу. Коротенькое письмецо — однако ей потребовалось все утро, чтобы его написать. Сперва она показала письмо Южному Ветру, потом Льву. И сейчас, глядя на нее, прямую, сильную, четким черным силуэтом вырисовывавшуюся на фоне окна, Лев снова увидел перед собой строки этого письма, прямые, тесно стоящие черные буквы:

Уважаемый сэр!

Я навсегда ушла из вашего дома и останусь в Шанти-тауне, потому что не одобряю ваших планов. Я сама так решила. Никто меня здесь не удерживает — ни в качестве пленницы, ни в качестве заложницы. Для этих людей я гостья. Если вы что-либо сделаете против них, меня на вашей стороне не будет. Я должна принять чью-то сторону, и мой выбор таков. Сеньора Адельсон не имеет к моему уходу ни малейшего отношения. Повторяю, это мой собственный выбор.

С глубоким почтением, ваша дочь Люс Марина Фалько Купер

И ни слова любви; ни единой просьбы о прощении.

И никакого ответа. Юный гонец, самый быстрый в Шанти, тут же отнес письмо; это был

Желанный. Он подсунул письмо под дверь Каса Фалько и сразу убежал прочь. Стоило ему невредимым вернуться в Шанти, как Люс начала ждать ответа от отца; она страшилась этого ответа, но явно ожидала его с нетерпением. С тех пор прошло двое суток. Но ответа так и не последовало; как и ночного налета на Шанти — вообще ничего. Все шантийцы без конца обсуждали, какие перемены в планах Фалько могло вызвать бегство Люс, однако старались вести подобные разговоры не в присутствии девушки, пока она сама первой не заговорила с ними об этом.

— Теперь, — сказала она, — я совсем перестала вас понимать, правда, перестала. К чему все эти бесконечные шаги и правила, и эти бессмысленные разговоры?

— Это наше оружие, — ответил ей Лев.

— Но зачем вам вообще вступать в борьбу?

— Другого выхода у нас нет.

— Нет, есть! Можно уйти.

— Уйти?

— Да! Уйдите на север, в ту долину, которую вы нашли. Просто уйдите. Оставьте все это. Я-то, между прочим, как раз так и поступила, — добавила она, высокомерно поглядев на него, когда он замешкался с ответом. — Я просто ушла.

— Но они придут за тобой, — мягко возразил он.

Она пожала плечами:

— Они же не пришли. Им все равно. Они не придут.

Южный Ветер издала какой-то легкий звук — то ли предупреждая, то ли протестуя, то ли сочувствуя; все понятно было и без слов, однако Лев «перевел» для Люс:

— Да нет, им не все равно, и они придут. Твой отец…

— Если он придет за мной, я убегу. Я пойду еще дальше.

— Куда?

Она снова отвернулась и умолкла. И все одновременно подумали об одном и том же: о диких краях. Им вдруг показалось, будто дикие края вошли в эту хижину, заполнили ее, и стены домика пали под их натиском, и убежища у них больше нет. Лев уже не раз бывал там, и Андре тоже; они прожили несколько месяцев в этом безмолвии и одиночестве, и оно осталось в их душах, поселилось в них навсегда. Южный Ветер в диких краях никогда не была, но там была похоронена ее любовь. Даже Люс, которая никогда не видела диких краев, рожденная теми, кто в течение целых

ста лет отгораживался от жизни этой планеты крепкими и высокими стенами, делая эти стены все выше и крепче и не желая признавать, что со всех сторон их окружают дикие края, — даже Люс знала о них, и боялась, и понимала, как глупы ее слова о том, чтобы в одиночку уйти из колонии. Лев молча наблюдал за ней. Он испытывал к ней жалость, острую жалость, словно она была упрямым ребенком, который поранился и отказывается от утешения, ото всех отворачивается и старается во что бы то ни стало не заплакать. Однако Люс ребенком не была. Она была женщиной, и он видел в ней женщину — особенно когда она стояла у окна — и представлял ее в тех местах, в той долине без помощи, без убежища, одинокую женщину в диком краю; и жалость в его душе сменилась восхищением и страхом. Он боялся ее. В ней чувствовалась сила, источником которой была не любовь, не доверие и не чувство единения с остальными; нет, эта сила не имела истоков в понятных и известных ему отношениях. Он боялся этой силы Люс и страстно жаждал приобщения к ней. Эти три дня он почти целиком провел в обществе девушки; он постоянно думал о ней, всех сопоставляя с нею, на все старался смотреть ее глазами — как если бы даже их борь-

ба имела смысл только в том случае, если в ее необходимости можно было убедить Люс, словно ее выбор оказался для него вдруг весомее всех их общих планов и идеалов, которыми они до сих пор жили. Она вызывала в нем сострадание и восхищение, она была для него драгоценна, как, впрочем, была для него драгоценна всякая человеческая душа. Однако он не должен допустить, чтобы она полностью овладела его разумом. Она должна стать одной из них, действовать с ним вместе, поддерживать его, но не смущая его душу и не заполняя ее целиком, как сейчас. Потом, позже у него еще будет время думать о ней сколько угодно и постараться понять ее — потом, когда противостояние закончится, когда они одержат победу, когда установится долгожданный мир. Потом, позже…

— Мы не можем сейчас отправиться на север, — терпеливо сказал он, и в голосе его послышался холодок. — Если хотя бы одна группа сейчас уйдет, это ослабит единство тех, кто должен будет остаться. И столичные охранники все равно выследят поселенцев. Нет, сперва мы должны завоевать свою свободу здесь — чтобы иметь возможность уйти. А потом мы уйдем.

— Зачем вы отдали им карты, показали путь

туда! — горячо и нетерпеливо воскликнула Люс. — Как это глупо! Вы же могли просто взять и исчезнуть.

— Мы представляем собой сообщество людей на этой планете, — сказал Лев.

— Столица и город. — И больше не сказал ни слова.

Однако вмешался Андре, чуть все не испортив:

— Да нельзя же просто взять и удрать потихоньку! Кроме того, слишком большое количество людей при передвижении всегда оставляет очень много следов, так что по следу нас будет легко отыскать.

— Ну и что? Если бы они даже действительно выследили вас и следом за вами явились на север, к этим вашим горам… вы бы ведь уже были там, и вы могли бы сказать: ах как нехорошо, это ведь наше, ступайте и ищите себе другую долину, тут таких долин более чем достаточно!

— И тогда-то они уж точно применили бы силу. Сперва всегда должен восторжествовать принцип равенства и свободного выбора. По крайней мере здесь.

— Но они-то и здесь применяют силу! Вера уже узница, другие тоже сидят в тюрьме, и старик этот потерял глаз, а бандиты Макмиллана

вот-вот появятся и станут бить и расстреливать людей — и все это лишь во имя торжества некоего «принципа»? Вы только после этого сможете уйти отсюда свободными?

— На пути к свободе жертвы неизбежны, — тихо сказала Южный Ветер. Лев посмотрел на нее, потом — быстро — на Люс; он не был уверен, что Люс знает о гибели Тиммо. Возможно, конечно, за эти три ночи, проведенные с Южным Ветром, она уже все узнала. Так или иначе, но она стала говорить спокойнее:

— Я понимаю. Вы должны пойти на риск. Но жертвы… Мне ненавистна даже сама идея о жертвах!

Лев невольно улыбнулся:

— И что же сделала бы ты?

— Уж во всяком случае не жертвовала бы собой во имя идеала! Я просто убежала бы — разве ты не понял? И вы все тоже должны убежать! — Люс говорила вызывающе, немного свысока, словно защищала себя, а не свои убеждения; однако куда больше озадачил Льва ответ Южного Ветра.

— Возможно, ты и права, — сказала она. — Оставаясь здесь и ведя с ними борьбу — даже мирными средствами, — мы будем продолжать участвовать в затеянной ими войне.

Ничего себе! Люс Фалько здесь — аутсайдер, чужак; она, возможно, понятия не имеет о мыслях и чувствах жителей Шанти, но чтобы Южный Ветер сделала столь безответственное заявление? Это просто невероятно! Это настоящий вызов их безупречному единству.

— Удрать и прятаться в лесу — это что ж, выбор? — возмутился Лев. — Для кроликов — пожалуй, да. Но не для людей. Разве можно жить в одиночку, когда нужно все время прятаться, ползать по земле, выискивая себе пищу, трусить и ненавидеть каждого… — Лев заикался, он чувствовал, как горит у него лицо. Вдруг он увидел глаза Люс и стал заикаться еще сильнее, а потом и вовсе умолк. В ее взгляде было такое восхищение, какое он и не надеялся, даже не мечтал когда-либо заслужить; восхищение и радость были в ее глазах, и он понял: она его поддерживает! Именно тогда, когда ссора казалась неизбежной, он понял, что она его поддерживает, целиком и полностью, поддерживает его мысли, его слова, дело его жизни.

Вот теперь все правильно, и мы никуда не отклонились от центра, подумал он. Эта мысль промелькнула быстро и ясно, и он больше о ней не вспоминал, но отныне все вокруг него и впе-

реди было иначе, чем прежде. Он уже преодолел их, эти горы.

Его правая рука так и повисла в воздухе, протянутая к Люс в требовательно-умоляющем жесте. Они оба заметили этот его незаконченный жест. Но он уже овладел собой и уронил руку как ни в чем не бывало. Но память о том незавершенном жесте осталась. Люс резко отвернулась и заговорила с гневом и отчаянием:

— Ах, я ничего не понимаю! Все это так странно. Я, наверное, никогда не пойму! Ты вот знаешь все, а я даже никогда ни о чем как следует не задумывалась… — Сейчас она выглядела значительно меньше ростом — маленькая, сердитая, покорившаяся. — Я только хотела бы… — Она вдруг умолкла.

— Это все придет, Люс, — сказал Лев. — Не нужно чересчур спешить. Все придет к тебе само, обязательно. И я обещаю тебе…

Она не стала спрашивать, что именно он обещает. Как и он не смог бы сейчас это выговорить.

Когда Лев вышел из дома, ветер с дождем так ударил ему прямо в лицо, что у него перехватило дыхание и на глазах выступили слезы. Впрочем, слезы были не только от ветра. Он вспомнил о том ярком светлом утре, о том серебряном рас-

свете на мокрой дороге, о той великой радости, которую испытывал всего три дня назад. Сегодня все было серо, неба не видно, света совсем мало, кругом бесконечный дождь, грязь… Грязь — вот подходящее название для этого мира, Люс права. Ему захотелось рассмеяться, но глаза его все еще были полны слез. Она уже переименовала для него этот мир. Тогда утром, на дороге, все вокруг было наполнено счастьем, но теперь… и у него не нашлось подходящих слов — только ее имя. Люс. Все теперь заключалось для него в этом имени — и тот серебряный рассвет на дороге, и тот великолепный пылающий закат над Столицей много лет назад… но все это в прошлом, и самое главное еще только должно случиться. И вся работа им теперь только предстоит, и разговоры, и планы, и конфронтация со Столицей, и несомненная победа, их победа, победа света. «И я обещаю, обещаю тебе, — шептал он ветру, — всю мою жизнь, каждый ее день и год».

Ему хотелось пойти помедленней, остановиться, удержать, продлить этот миг, но уже сам ветер, дувший прямо ему в лицо, заставлял скорее идти вперед. Еще так много нужно сделать, так мало осталось времени! Потом, позже… Возможно, сегодня ночью заявится банда Макмиллана; хотя

пока что ничего не известно. Очевидно, догадавшись, что Люс выдала их планы, они перенесли сроки. Ничего не оставалось делать — только ждать и быть готовыми. Быть готовыми сейчас означало все. Не должно возникнуть никакой паники. Вне зависимости от того, кто, Шанти или Столица, сделает первый шаг. Люди Мира в любом случае обязаны знать, что им делать и как вести себя. Он пошел еще быстрее, он почти бежал по направлению к городу. Вкус дождя на губах казался ему сладким.

Лев был дома, когда — уже в сумерках — отец принес ему из Дома Собраний ту записку.

— Какой-то охранник со шрамом через всю физиономию примчался на всех парах и спросил Шульца, — рассказывал Саша своим тихим ироничным голосом.

— По-моему, ему был нужен ты, а не я.

Записка была написана на плотной шершавой бумаге, которую делали в Столице. На мгновение Льву показалось, что эти тесные черные буквы написаны рукой Люс…

«Шульц, я приду к Вонючему Кольцу сегодня на закате. Можешь привести с собой сколько угодно людей. Я приду один.

Луис Бурнье Фалько».

Обман, явный обман. А не слишком ли явный? Времени как раз хватило, чтобы сбегать в домик Южного Ветра и показать записку Люс.

— Если он говорит, что придет один, значит, он будет один, — сказала она твердо.

— Ты же сама слышала, как он договаривался с этим Макмилланом, рассчитывая обмануть нас, — вмешался Андре.

Она презрительно посмотрела куда-то мимо него.

— Это его имя, — сказала она. — Он бы не стал подписываться собственным именем под ложью или фальшивкой. Он будет там один.

— Почему ты так уверена?

Она пожала плечами.

— Хорошо, я пойду, — сказал Лев. — Но вместе с тобой, Андре, и, если хочешь, пусть пойдет еще столько людей, сколько ты сочтешь нужным. Поторопитесь: до заката осталось не более часа.

— Ты ведь знаешь, что они именно тебя хотят получить в заложники, — упрекнул его Андре. — И все-таки намерен идти? Прямо им в руки?

Лев решительно кивнул.

— Я — как уотсит, — сказал он и засмеялся. — Сел на ладошку — и нет его! Пошли, пора. Давай-ка лучше вместе соберем людей, Андре.

Люс… А ты хочешь пойти?

Она стояла в нерешительности.

— Нет, — ответила она и нахмурилась. — Я не могу; я боюсь.

— Это естественно.

— И все же я, наверное, должна пойти. И должна сама сказать ему, что вы не держите меня здесь силой, что это мое собственное решение. Он не верит…

— Что ты там решила и верит он в это или нет, в общем-то, для них значения не имеет, — заявил Андре. — Ты для них всего лишь предлог; ты их собственность. Лучше не ходи, Люс. Если ты там будешь, они, возможно, все-таки попытаются вернуть тебя назад силой.

Она кивнула, но все еще колебалась. Потом с отчаянной решимостью сказала:

— Я должна пойти!

— Нет!.. — вырвалось у Льва, но она продолжала:

— Я должна. Обязана. Я не желаю оставаться в стороне, когда кто-то решает мою судьбу; я не желаю, чтобы из-за меня дрались и тянули туда-сюда.

— Никто тебя обратно не отдаст, — сказал Лев. — И вообще — ты принадлежишь сама себе.

Хорошо, мы пойдем вместе, если ты так решила.

Она молча кивнула.

Вонючим Кольцом называлось древнее кольцевое дерево с южной стороны дороги, примерно на середине пути от Столицы до города; оно было, наверное, на несколько веков старше всех остальных кольцевых деревьев в этой местности. Собственно, сами деревья в кольце давным-давно рухнули и сгнили, остался только круглый пруд в центре. Именно здесь были построены первые плавильные печи Столицы. Они тоже уже разрушились, поскольку позже, лет сорок назад, была обнаружена более богатая руда в Южных Холмах. Оборудование отсюда увезли, и старые сараи со сгнившими стенами, поросшие вьюнком и ядовитой розой, безобразной осевшей кучей торчали на плоском берегу пруда.

Андре и Лев успели собрать человек двадцать, и Андре повел их в обход, чтобы убедиться, что ни в старых сараях, ни за ними не прячутся охранники. Сараи были пусты, а другого места, чтобы спрятаться, на расстоянии по крайней мере нескольких сотен метров не было — местность казалась плоской как блин, лишенной растительности, пустынной и довольно неприятной, особенно в сумеречном вечернем свете.

Мелкий дождь покрывал рябью серую гладь круглого пруда, который тоже выглядел каким-то неприкрытым, беззащитным, точно слепой, вечно разверстый глаз. На противоположном берегу пруда стоял ожидавший их Фалько. Они видели, как он вылез из-под куста, где пытался хоть как-то укрыться от дождя, и пошел по берегу к ним. Один.

Лев отделился от остальных и пошел ему навстречу. Андре, позволив ему отойти достаточно далеко, двинулся следом, держась метрах в сорока. С ним вместе пошли Саша, Мартин, Люс и кое-кто еще. Остальные, охраняя подходы, рассыпались по берегу серого пруда и на склоне холма у тропы, что вела к дороге.

Фалько и Лев остановились лицом друг к другу на самом берегу пруда, где проходила тропа. Их разделяла небольшая грязная бухточка — место впадения в пруд ручейка; это был заливчик не шире полуметра, с берегами из чистого песочка, точно специально созданный для игрушечной детской лодочки. Чрезвычайно обостренное восприятие Льва тут же отметило и этот заливчик, и этот чистый песок, и то, как хорошо мог бы здесь играть какой-нибудь малыш, хотя он глаз не сводил с прямой напряженной фигуры Фалько, его

красивого лица, очень похожего на лицо Люс и все же совсем иного, с его подпоясанного ремнем плаща, потемневшего от дождя на плечах…

Фалько явно заметил дочь в той группе, что следовала за Львом, но, казалось, даже не посмотрел на нее и не стал говорить с нею. Он заговорил со Львом — тихим сухим голосом, который было трудновато расслышать из-за бесконечного шелеста и шепота дождя.

— Как видишь, я один и без оружия. И говорю только от себя лично. Не как Советник Фалько.

Лев кивнул. Ему вдруг очень захотелось назвать этого человека по имени

— не Сеньор и не Фалько, а по имени: Луис. Он не понял, откуда взялось это желание, и промолчал.

— Я бы хотел, чтобы моя дочь вернулась домой.

Лев, легко повернувшись, указал ему на Люс.

— Поговорите с ней сами, сеньор Фалько, если хотите, — сказал он.

— Я пришел, чтобы поговорить с тобой, если тебе дано право говорить от имени восставших.

— Восставших? Вы снова за свое, сеньор Фалько? И я, и любой другой имеем право говорить от имени Шанти, если угодно. Но Люс Марина тоже

имеет полное право сама говорить за себя.

— Я пришел не для того, чтобы спорить, — сказал Фалько. Он держался исключительно корректно, вежливо, однако лицо его было суровым. За этим спокойствием и сдержанностью чувствовалась внутренняя мука. — Послушай. На ваш город будет совершена атака. Теперь ты это знаешь. А я теперь уже не могу предотвратить ее, даже если б захотел. Хотя мне удалось ее отсрочить. Но я не желаю, чтобы во всем этом была замешана моя дочь. Она должна быть в безопасности. Если вы сейчас отошлете ее домой со мной вместе, то я этой же ночью пришлю сюда сеньору Адельсон и остальных заложников в сопровождении моей охраны. И сам приду с ними вместе, если хочешь. Или же отпусти мою дочь после того, как я приведу заложников. И пусть все это будет исключительно между нами. Остальное же — впрочем, вы сами начали проявлять неповиновение — мне уже неподвластно, и я не могу помешать противостоянию Столицы и города, как не можешь этого и ты, по крайней мере теперь. Единственное, что мы можем еще сделать, — *это обменяться заложниками и таким образом спасти их*.

— Сеньор, я ценю вашу искренность, но я не

отнимал у вас Люс Марину и не могу вернуть ее вам.

И тут Люс подошла и встала с ним рядом, кутаясь в свою черную шаль.

— Отец, — сказала она внятно и твердо, совсем не так, как только что разговаривали мужчины, — ты, конечно же, можешь остановить бандитов Макмиллана, если захочешь!

Лицо Фалько не дрогнуло; видимо, все его спокойствие могло разлететься на куски, дай он себе хоть чуточку воли. Повисла тишина, нарушаемая лишь шумом дождя. Сгустились сумерки; свет пробивался лишь у самого горизонта далеко на западе.

— Я не могу, Люс, — сказал он, как и прежде, тихо, полным боли голосом.

— Герман… решительно настроен во что бы то ни стало забрать тебя обратно.

— А если я вернусь с тобой? Ведь тогда у него не будет никакого предлога, чтобы атаковать Шанти. Тогда ты прикажешь ему отменить атаку?

Фалько застыл, с трудом глотая слюну, словно горло у него совершенно пересохло. Лев стиснул руки: ему было мучительно видеть перед собой человека, столь сильного и гордого, что любое унижение было для него физически неперено-

симо, но все же терпевшего унижения и свое вынужденное бессилие.

— Я не могу. Все это зашло слишком далеко. — Фалько снова сглотнул и предпринял еще одну попытку уговорить дочь. — Вернись домой, Люс Марина, и я тут же отошлю назад Веру и остальных заложников. Даю слово. — Он быстро глянул на Льва, и по его побелевшему лицу юноша понял то, что словами Фалько выговорить не мог: он просил помощи.

— Отошли их! — сказала Люс. — Ты не имеешь никакого права держать их в тюрьме.

— И ты придешь… — Это был даже не вопрос.

Она покачала головой:

— И меня ты не имеешь права держать в тюрьме.

— Не в тюрьме, Люс! Ты же моя дочь… — Он сделал шаг вперед. Она отступила назад.

— Нет! — крикнула она. — Ни за что! Ведь я просто ставка в твоей игре. Я никогда к тебе не вернусь — ты нападаешь на невинных людей, ты п-преследуешь их! — Она заикалась и с трудом подбирала слова. — И я никогда не выйду замуж за Германа Макмиллана! Я видеть его не могу, я его н-ненавижу! Я вернусь, когда буду вольна приходить и уходить, и вообще — делать, что мне

захочется. Но пока Герман Макмиллан вхож в Каса Фалько, ноги моей там не будет!

— Макмиллан? — трепеща, воскликнул ее отец. — Но, Люс, тебе вовсе не обязательно выходить замуж за Макмиллана… — Он умолк и перевел растерянный взгляд на Льва. — Пожалуйста, пойдем домой, — сказал он дрогнувшим голосом, но тут же взял себя в руки. — Я постараюсь предотвратить нападение на Шанти, если смогу. Мы… мы договоримся, — сказал он, обращаясь ко Льву, — мы непременно договоримся…

— Да, с удовольствием — сейчас, позже, когда вам будет угодно, — сказал Лев. — Мы, собственно, больше ни о чем никогда и не просили, сеньор. Но и вы не должны просить вашу дочь торговать собственной свободой — даже во имя освобождения Веры, или во имя вашей доброй воли, или во имя нашей безопасности. Это недопустимо, неправильно. Вы не можете так поступать; да и мы этого никогда не примем.

И снова Фалько застыл в неподвижности, но то была уже иная неподвижность: Лев не сразу понял, что она означает — поражение или же окончательный отказ выполнить поставленные условия. Лицо Фалько, совершенно белое и мокрое то ли от дождя, то ли от испарины, было

мертвым, лишенным всякого выражения.

— Значит, вы ее не отпустите, — проговорил он.

— Я сама не пойду с тобой, — ответила Люс.

Фалько коротко кивнул и медленно пошел прочь по берегу пруда, мимо густых кустов, совершенно растрепанных и утративших всякую форму, а потом стал подниматься по пологому склону к дороге, что вела в Столицу. Его прямая невысокая темная фигура быстро растворилась в сумерках.

9

Служанка Тереза, постучав в дверь Вериной комнаты, приоткрыла ее и сказала полунаглым-полузастенчивым тоном, каким обычно пользуется прислуга, выполняя приказания господ:

— Сеньора Вера, Дон Луис хотел бы поговорить с вами. Он в большой гостиной, пройдите туда, пожалуйста!

— Ах ты Господи, — вздохнула Вера. — Он все еще в дурном настроении?

— В отвратительном! — тут же охотно откликнулась Тереза, забыв про господский наказ и про наглый тон. Она опустила голову и почесала мозоль на загрубевшей босой подошве. К Вере теперь все слуги в доме относились как к подруге, доброй тетушке или старшей сестре; даже суровая пожилая повариха Сильвия на следующий день после исчезновения Люс пришла к Вере, чтобы поговорить с ней об этом и явно ничуть не задумываясь, что ищет поддержки у «врага».

— Вы разве не видели, что у Микаэла с лицом? — продолжала между тем Тереза. — Дон Луис вчера

выбил ему два зуба, потому что Микаэл слишком медленно снимал с него ботинки да еще и что-то там бормотал и ворчал по своему обыкновению — ну вы же знаете, как он все делает, — и Дон Луис вдруг вышел из себя и с размаху ударил его в лицо той ногой, с которой ботинок еще не сняли. У Микаэла все распухло, и он стал похож на сумчатую летучую мышь. Линда говорит, что Дон Луис вчера вечером ходил в Шанти-таун. Совсем один. Томас, слуга Маркесов, видел его — он шел прямо по дороге в город. Как вы думаете, что случилось? Может, он пытался выкрасть бедненькую сеньориту Люс и вернуть домой, а?

— О Господи, — снова вздохнула Вера. — Ну что ж, не стоит заставлять его ждать. — Она пригладила волосы, поправила одежду и сказала Терезе: — Какие хорошенькие у тебя сережки. Ну пошли! — И последовала за девушкой в гостиную Каса Фалько.

Луис Фалько сидел в глубоком кресле у окна и смотрел куда-то вдаль на Залив Мечты. По морю пробегали беспокойные блики утреннего солнца; пышные кучевые облака словно кипели; их вершины сверкали ослепительной белизной, а низ был темным и мрачным, особенно когда эти несомые ветром облачные горы закрывали

солнечный свет. Фалько, увидев входящую Веру, встал ей навстречу. Лицо его было жестким и страшно усталым. Он не смотрел на нее, когда сказал:

— Сеньора, если у вас здесь есть какие-то вещи, которые вы хотели бы взять с собой, соберите их, пожалуйста.

— У меня здесь ничего нет, — медленно ответила Вера. Фалько никогда так не пугал ее прежде своим видом; и за месяц, проведенный у него в доме, она действительно стала испытывать к нему искреннюю симпатию и уважение. Но сейчас он сильно переменился, и на лице его были написаны не боль и не гнев, как раньше и все время с тех пор, как убежала Люс; это было бы понятно; нет, в нем самом словно произошла некая перемена, тяжкий внутренний надлом, как если бы этот человек был смертельно болен или тяжело ранен. Вере хотелось что-нибудь сказать ему, но она не знала, как к нему подступиться.

— Вы дали мне разную одежду, Дон Луис. И еще кое-какие вещи, — осторожно сказала она. Та одежда, которую она носила сейчас, принадлежала его жене, это она знала; он давно уже велел перенести в ее комнату сундук, полный красивых тонкотканых юбок, блузок и шалей; все это

бережно хранилось, аккуратно переложенное лепестками сухой лаванды, хотя ее запах давно выветрился. — Мне, наверное, следует пойти и переодеться в мою одежду? — спросила она.

— Нет… Да, если хотите. Впрочем, как угодно… Возвращайтесь сюда как можно скорее, пожалуйста.

Когда она через пять минут вернулась в своем костюме из белого шелка-сырца, он снова сидел неподвижно у окна и смотрел на огромный залив, над которым висели серебристые облака.

И снова встал ей навстречу, и снова заговорил, не глядя на нее:

— А теперь, сеньора, пойдемте, пожалуйста, со мной.

— Куда вы хотите пойти? — спросила Вера, не двигаясь с места.

— В Шанти. — Он сказал это так, словно забыл упомянуть название города прежде, словно думая о чем-то совершенно ином. — Надеюсь, что это будет возможным… и вы воссоединитесь со своим народом.

— Я тоже надеюсь. А почему это может стать невозможным, Дон Луис?

Он не ответил. Она чувствовала, что он вовсе не избегает ответа на ее вопрос — ответить на

него выше его сил. Он чуть отступил в сторону, пропуская ее вперед. Она оглядела большую гостиную, поневоле ставшую ей так хорошо знакомой, потом взглянула ему в лицо.

— Я бы хотела поблагодарить вас за доброе отношение ко мне, Дон Луис, — сказала она с холодноватой вежливостью. — Мне никогда не забыть того гостеприимства, благодаря которому узник становится гостем.

Его усталое лицо ничуть не переменилось; он только молча покачал головой и выждал, когда она пройдет в дверь.

Она шла впереди, а он последовал за нею — через вестибюль и на улицу. Она не переступала порога этого дома с тех пор, как ее сюда привели.

Она надеялась, что на улице ее, возможно, ждут Ян, Хари и все остальные, но их что-то видно не было. Там стояли человек десять — она узнала личную охрану Фалько и его слуг, — которые чего-то ждали, собравшись кучкой. Чуть поодаль беседовали несколько пожилых мужчин и среди них Советник Маркес, зять Фалько Купер и кое-кто из их свиты, всего, наверно, человек тридцать. Фалько быстро окинул собравшихся взглядом, затем по-прежнему вежливо пропустил Веру вперед и двинулся следом за нею по

ступеням крыльца и дальше — по крутой улице, сделав знак остальным следовать за ними.

На ходу Вера услышала, как старый Маркес что-то говорит Фалько, но слов не разобрала. Охранник со шрамом на лице, Анибал, осторожно подмигнул ей, ловко подобравшись поближе вместе со своим братом. Сила ветра и яркость солнечного света ошеломили ее после столь долгого пребывания в доме или в окруженном со всех сторон стенами садике, и она чувствовала, что ступает неуверенно, словно после долгой болезни.

Перед Капитолием их поджидало гораздо больше людей — не меньше сорока, а то и пятидесяти мужчин, молодых и одетых в одинаковые мундиры темно-коричневого цвета из грубой толстой материи; ткацкие фабрики, должно быть, работали сверхурочно, подумала Вера. Мундиры были перетянуты ремнями и украшены большими металлическими пуговицами. В таком виде эти люди казались чуть ли не близнецами. Мужчины в мундирах были вооружены плетками и мушкетами. Да они же в точности как те, на картине в Капитолии, вспомнила Вера. Среди них был и Герман Макмиллан, высокий, широкоплечий, улыбающийся. Он вышел вперед и поклонился:

— К вашим услугам. Дон Луис!

— Доброе утро, Дон Герман. Все готово? — Фалько по-прежнему говорил каким-то мертвым, задушенным голосом.

— Все готово, сеньор. Эй, парни, идем в город! — И он, не дожидаясь Фалько, развернул свой отряд и повел его вверх по Морской улице. Фалько схватил Веру за руку и поспешил с нею, проталкиваясь среди одетых в темные мундиры молодых людей, в голову отряда, к Макмиллану. Его группа попыталась протиснуться за ним следом, но тщетно. Веру чуть не раздавили эти молодые здоровенные парни с ружьями, плетками и с жесткими мощными руками. Они враждебно смотрели на нее сверху вниз. Улица была узкой, и Фалько с трудом пробивался вперед, таща Веру за собой. Однако стоило ему поравняться с Макмилланом, как он отпустил ее руку и пошел спокойно и уверенно, словно с самого начала шагал здесь, во главе вооруженной колонны.

Макмиллан глянул на него и удовлетворенно усмехнулся. Зато потом изобразил целую пантомиму, заметив идущую рядом Веру.

— Кто это, Дон Луис? Вы что, с собой дуэнью взяли?

— Были ли какие-нибудь еще донесения из

Шанти за последние часы? — не обращая на его гримасы внимания, спросил Фалько.

— Они все еще собирают силы; согласно последнему донесению, марш еще не начат.

— Охранники ждут нас у Памятника?

Макмиллан кивнул:

— Ангел позаботился о дополнительном подкреплении. Самое время выступать! Моих людей заставили слишком долго ждать.

— Я надеюсь, вы сможете управлять своими людьми и сохранять порядок? — сухо спросил Фалько.

— Парни прямо-таки рвутся в бой, — ответил Макмиллан с фальшивой доверительностью, и Вера заметила, как Фалько быстро глянул на него своими пронзительными черными глазами.

— Послушайте, Дон Герман, если ваши люди не станут подчиняться вашим же приказам — и если вы не станете подчиняться моим приказам, — тогда давайте лучше остановимся прямо здесь, сейчас. — Фалько резко остановился, и таково было воздействие его личности на окружающих, что и Вера, и Макмиллан, и все, кто шел за ними, остановились тоже, словно связанные одной веревочкой.

Улыбка с лица Макмиллана исчезла.

— Командующий здесь вы, Советник, — сказал он льстиво, не скрывая, однако, своего недовольства.

Фалько кивнул и двинулся дальше. Теперь уже он задавал темп марша, заметила Вера.

Когда они приблизились к окружавшим Столицу холмам, то возле Памятника к ним присоединился еще больший отряд, который двинулся за ними следом — позади сторонников Фалько и одетых в коричневые мундиры молодцов Макмиллана, так что, когда они вышли на дорогу, ведущую в Шанти, в войске было уже не меньше двухсот человек.

Но что они намерены предпринять? — тревожилась Вера. Неужели напасть на Шанти? Но зачем в таком случае им я? Что у них на уме? Этот обезумевший от горя Фалько и этот Макмиллан, бешеный от ревности, да еще целая толпа вооруженных мужчин, здоровенных, злобных, в дурацких мундирах и так бодро вышагивающих по дороге, что я за ними просто не успеваю… Ах если бы Хари и остальные были здесь и я могла бы видеть хоть одно нормальное человеческое лицо! Почему они взяли с собой только меня? Где остальные заложники? Неужели они их убили? Они все сумасшедшие, от них прямо-таки разит

безумием, этот запах похож на запах крови… А там, в Шанти, знают, что они идут? Господи, знают ли они? И что они собираются делать? Илия! Андре! Лев, дорогой мой мальчик! Как вы там? Как вы поступите? Сможете ли устоять? Нет, я не могу поспеть за ними, они вдут слишком быстро, я не могу поспеть за ними…

Хотя жители Шанти и деревень уже давно, еще с раннего утра начали собираться для Короткого Марша, как без улыбки назвал его Саша, они успели подойти к дороге лишь где-то около полудня; и стояли большой хаотичной толпой вместе с детьми. Все время прибывали новые люди, они начинали искать в толпе приятелей и друзей, так что продвигались к Столице шантийцы очень медленно.

Фалько и Макмиллан со своим войском, напротив, шли очень быстро и к полудню продвинулись уже далеко, когда им сообщили об огромной толпе жителей Шанти-тауна, собравшейся на дороге.

Итак, обе армии встретились на холме Роктоп, ближе к Шанти, чем к Столице. Авангард шантийцев, поднявшись на невысокую вершину холма, увидел, что столичный отряд как раз начал подъем по направлению к ним. Шантийцы сразу же

остановились. У них было преимущество — они успели занять высоту, что, однако же, было и недостатком их положения, ибо большинство участников Марша все еще находились у подножия холма с восточной стороны и не только не могли видеть, что происходит, но и сами тоже видны не были. Илия предложил Андре и Льву отступить вниз метров на сто, чтобы встретить столичный отряд примерно посредине склона; и хотя это отступление могло быть расценено противником как трусость или слабость, они все же решили, что так будет лучше. Стоило сделать этот шаг назад хотя бы для того, чтобы полюбоваться физиономией Германа Макмиллана, когда он с важным видом взобрался на вершину холма и впервые увидел то, с чем ему предстояло столкнуться: перед ним было море из четырех тысяч людей, сгрудившихся вдоль дороги, затопивших все подножие холма, его склон и близлежащую равнину — дети, женщины, мужчины, самое большое скопление людей, когда-либо наблюдавшееся в этом мире. И все они пели. Багровое лицо Макмиллана побелело. Он отдал какой-то приказ своим людям в коричневых мундирах, и те молча взяли ружья на изготовку. Зато многие из охранников и большинство добровольцев

начали галдеть, стараясь заглушить это мощное пение, и потребовались определенные усилия, чтобы заставить их замолчать, ибо предводители обеих групп готовились говорить.

Первым начал Фалько, однако шум все еще продолжался и его суховатый голос оказался почти не слышен. Тогда вперед вышел Лев и перехватил инициативу. Его звонкий голос заставил всех замолчать и торжествующе разлетался с вершины холма в наполненном ветром и серебристым светом пространстве.

— Люди Мира дружески приветствуют представителей Столицы! Мы пришли, чтобы рассказать о своих планах и намерениях и о том, что просим сделать вас, а также о том, каковы будут последствия, если вы наши решения отвергнете. Послушайте же нас, люди Виктории, ибо мы возлагаем на эту встречу большие надежды! Во-первых, наши люди, находящиеся у вас в заложниках, должны быть немедленно освобождены. Во-вторых, больше не будет никаких облав и принудительных работ. В-третьих, представители города и Столицы встретятся, чтобы обсудить дальнейшее сотрудничество и выработать более справедливое торгово-экономическое соглашение. И наконец, планы Шанти о том,

чтобы основать новую колонию на севере, будут претворены в жизнь без вмешательства Столицы, как и планы Столицы относительно новых поселений в Южной Долине вдоль Мельничной реки — без вмешательства со стороны Шанти. Эти четыре пункта были всесторонне обсуждены и единодушно приняты жителями нашего города, так что дальнейшему обсуждению они не подлежат. Если они неприемлемы для Совета, то население Шанти вынуждено предупредить Столицу, что всякое сотрудничество, в том числе — торговля, снабжение продовольствием, топливом, лесом, одеждой, рудой и прочим, немедленно прекратится и не возобновится до тех пор, пока эти четыре условия не будут выполнены. Данное решение не терпит никаких компромиссов. Мы ни при каких условиях не станем применять против вас силу, однако, пока вы не пойдете навстречу нашим требованиям, сотрудничать с вами мы не станем. Повторяю: на компромисс мы не пойдем. Я говорю от имени всего моего народа. Мы намерены твердо держаться принятых решений.

Со всех сторон окруженная широкими темно-коричневыми спинами и плечами вооруженных мужчин, так что ей ничего не было видно, Вера

стояла, все еще не отдышавшись после этого мучительного для нее марш-броска, и смаргивала набегающие слезы. Ее била дрожь. В ясном, мужественном, сильном, молодом голосе Льва не слышалось ни гнева, ни какой-либо неуверенности, он словно выпевал слова Истины и Мира, рвавшиеся из его прекрасной души, из ее души, из души их народа, бросающего вызов и одновременно взывающего к надежде…

— Даже вопрос не может стоять, — прозвучал тусклый сухой голос Фалько,

— о заключении каких-либо сделок или компромиссов. С этим мы согласны. Ваша демонстрация численного превосходства также весьма впечатляюща. Но имейте в виду: именно мы стоим на страже закона, и мы вооружены. Я бы не хотел применять силу. Пока в этом нет необходимости. Однако вы сами вынуждаете нас к этому, собрав такое количество народа и рассчитывая силой заставить нас принять ваши требования. С этим мы мириться не намерены. Если ваши люди сделают еще хотя бы шаг по направлению к Столице, я отдам приказ остановить их. Ответственность за нанесенные увечья или смерти ляжет целиком на вас. Вы вынуждаете нас пойти на крайние меры в целях защиты сообщества людей на пла-

нете Виктория, и мы не колеблясь прибегнем к этим мерам. А сейчас я требую, чтобы эта толпа немедленно разошлась по домам. Если этого не произойдет, я прикажу своим людям применить оружие. Но прежде я бы хотел обменяться заложниками, как мы договорились. Здесь ли Вера Адельсон и Люс Марина Фалько? Тогда пусть без опаски перейдут разделяющую нас границу.

— Мы ни о каком обмене не договаривались! — сказал Лев, и теперь в его голосе отчетливо слышался гнев.

Герман Макмиллан протолкался сквозь стену бандитов в темно-коричневых мундирах и схватил Веру за руку, не то желая помешать ей сбежать, не то, наоборот, отвести ее к несуществующей, но ощутимой границе. Его тяжелая жесткая хватка возмутила и рассердила ее; она снова задрожала, однако не вырвалась и ничего Макмиллану не сказала. Теперь она хорошо видела их обоих — Льва и Фалько — и вела себя совершенно спокойно.

Лев стоял лицом к ней, метрах в десяти, на самой вершине холма. Его ясное лицо странно светилось в беспокойном мелькании облаков и солнечных лучах. Рядом с ним стоял Илия и что-то быстро говорил ему. Лев, выслушав его,

покачал головой и снова посмотрел на Фалько.

— Мы ни о каком обмене не договаривались, — повторил он, — и никакого обмена не будет. Отпустите Веру и остальных заложников. Ваша же дочь и без того совершенно свободна. Мы в торги не вступаем, разве вы этого не поняли? И угроз не боимся.

Ни звука не доносилось из многотысячной толпы, что разлилась у Льва за спиной вдоль дороги по склону холма. Хотя не всем было хорошо слышно, молчание волной захватило и задние ряды, и только там, в задних рядах, возникал порой тихий шепот или плач малыша, протестующего против слишком крепких объятий матери. Ветер тяжело вздохнул на вершине холма и улегся. Облака над Заливом Мечты становились все гуще, однако пока еще не совсем закрыли стоявшее в зените солнце.

Фалько по-прежнему молчал, не отвечая Льву.

Наконец он резко обернулся. Вера увидела его лицо — совершенно застывшее, словно отлитая из металла маска. Он сделал ей знак рукой — да, именно ей, ошибки быть не могло, — приказывая подойти к нему. Еще шаг, и она могла оказаться на свободе. Макмиллан отпустил наконец ее плечо. Сама себе не веря, она шагнула вперед, потом

еще. Ее глаза нашли глаза Льва; он улыбался. Неужели победа действительно дается так легко? Неужели это возможно?

Грохот ружья в руках Макмиллана возле самого ее уха заставил ее дернуться всем телом назад, словно отдача от выстрела ударила в плечо именно ее. Она пошатнулась и тут же была сбита с ног ринувшимися вперед молодыми мужчинами в коричневых мундирах. Потом она лежала ничком на земле, тщетно пытаясь подняться хотя бы на четвереньки. Что-то вокруг трещало, свистело, ревело, визжало тонко и высоко, словно огромный пожар, но только где-то далеко-далеко, а рядом были лишь эти бандиты в тяжелых ботинках, которые спотыкались об нее, наступали, круша все на своем пути… Она проползла немного вперед и вжалась в землю, пытаясь как-то укрыться от них, но укрыться было негде, ничего вокруг не осталось, только шипение того страшного пожара, топот ног, глухой стук падающих тел и насквозь промокшая каменистая земля.

Наступила тишина, но не настоящая, а какая-то глупая, бессмысленная, возникшая внутри ее головы, где-то возле правого уха. Она потрясла головой, чтобы вытряхнуть эту тишину. Не хватало света. Солнце зашло. Стало холодно, дул

ледяной ветер, но почему-то дул совершенно беззвучно. Вера, дрожа от холода, села, держась руками за живот. Что за дурацкое место она выбрала, чтобы лежать, да еще ничком; она даже рассердилась на себя. Ее красивый белый костюм из шелка-сырца был весь в грязи и крови, прилип к груди и к рукам. Рядом с ней лицом вниз лежал какой-то человек в коричневом мундире. Совсем небольшой. Все они выглядели такими огромными, когда стояли вокруг нее толпой, но вот, лежа без движения, этот человек казался невысоким и очень худым. Он был буквально втоптан в землю, словно сам пытался стать ее частью, воссоединиться с нею; собственно, он уже наполовину погрузился в жидкую грязь. Да и вообще это был уже не человек — просто грязь; торчали только волосы и грязный коричневый мундир. Да, это был уже больше не человек. Никто не ушел. Она совсем замерзла. Ну что за дурацкое место она все-таки выбрала и теперь сидит здесь и никуда не идет. Она попробовала немножко проползти. Вокруг никого не осталось, и некому было сбить ее с ног, впрочем, она и сама не могла встать и пойти. Теперь ей, наверно, всегда придется только ползать. Теперь уже никто больше не сможет стоять в полный рост. Не за что теперь держаться.

Никто больше не сможет нормально ходить по земле. Больше никогда. Они все лежат на земле — те немногие, что остались. Она еще немного проползла вперед и нашла Льва. Мальчик не был так втоптан в грязь, как тот человек в коричневом мундире; лицо его было цело, темные глаза открыты и смотрели в небо; но ничего не видели. Света было так мало. Вообще почти не было, да и ветер затих совсем. Скоро должен пойти дождь, вон тучи собираются над головой, тяжелые, точно свинцовая крыша. Одна из рук Льва раздроблена, растоптана тяжелыми ботинками, все кости переломаны и торчат белыми осколками сквозь кожу. Она еще немного протащилась по земле, чтобы не видеть этого, и взяла Льва за вторую, неповрежденную руку. Рука его была очень холодной. «Ну вот, — сказала она, пытаясь хоть немного его утешить, — ну вот, Лев, мальчик мой дорогой. — Она сама едва слышала слова, которые произносила, они тонули в окружающей их тишине. — Скоро все будет хорошо, мальчик».

10

— Все хорошо, — сказала Люс. — Все в порядке. Не волнуйтесь. — Она вынуждена была говорить очень громко и чувствовала, как это глупо — все время повторять одно и то же; но ее слова каждый раз помогали, хотя и ненадолго. Вера сразу ложилась и затихала. Но вскоре снова порывалась сесть и начинала спрашивать, что происходит, встревоженная и испуганная. И обязательно спрашивала про Льва: «А как там Лев? У него же рука была сломана». Потом она начинала говорить, что должна вернуться в Столицу, в Каса Фалько, и ей, конечно же, ни в коем случае не следовало приходить сюда с этими вооруженными людьми, это все ее вина, слишком уж ей хотелось вернуться домой, а вот если бы она сразу вернулась назад и продолжала оставаться заложницей, ничего страшного не случилось бы, верно? — Все в порядке, не волнуйтесь, — громко повторила Люс, потому что слышала Вера теперь очень плохо. — Все хорошо.

И действительно, люди ночью ложились спать, а утром вставали, что-то делали, готовили еду,

ели, разговаривали друг с другом; жизнь продолжалась. И Люс продолжала жить. А ночью она ложилась спать, хотя заснуть было очень трудно. Но она все-таки засыпала и просыпалась среди ночи, в полной темноте от того, что ужасная толпа толкающихся, орущих людей наступала на нее, наступала… На самом деле все это уже произошло. В комнате было темно и тихо. Все уже в прошлом, все кончено — и все продолжается.

Похороны семнадцати погибших шантийцев состоялись через два дня после марша; кого-то хотели похоронить в родной деревне, однако общая панихида была в Доме Собраний. В эти дни Люс чувствовала себя совершенно чужой здесь; ей казалось, что Андре, Южному Ветру да и остальным тоже будет легче, если она не пойдет с ними вместе. Она сказала, что лучше останется с Верой, и они ушли без нее. Прошло довольно много времени; кругом стояла полная тишина — и в доме, и в исхлестанных дождями полях; Вера спала, и Люс, чтобы чем-нибудь занять руки, принялась выбирать семена из шелковичного волокна. Вдруг дверь отворилась, и в дом вошел невысокий стройный мужчина с седой головой. Сперва она его не узнала. «Я Александр Шульц, — сказал он. — Вера спит? Тогда пойдем. Они не

должны были оставлять тебя здесь одну». И он пришел с нею вместе в Дом Собраний, когда панихида уже подходила к концу, и был с нею рядом во время похорон, в молчаливой процессии, что следовала за семнадцатью гробами на городское кладбище. Так что Люс, завернувшись в черную шаль, стояла у могилы Льва рядом с его отцом. Она была очень благодарна Саше, хотя не сказала ему ни слова и он тоже все время молчал.

Днем они с Южным Ветром работали на картофельном поле; картошку необходимо было убрать — еще несколько дней, и она просто сгнила бы в этой размокшей земле. Они трудились вместе, пока Вера спала, а когда она просыпалась, сменяли друг друга в доме и на поле, потому что за больной требовался постоянный уход. Часто приходили мать Южного Ветра и крупная, молчаливая, спокойная Италиа; и Андре тоже забегал по крайней мере раз в день» хотя у него тоже было полно работы в поле да еще приходилось каждый вечер проводить в Доме Собраний, решая разные вопросы вместе с Илией и другими активистами. Теперь главным у них был Илия; именно он вел переговоры с представителями Столицы. Андре подробно рассказывал Люс и Южному Ветру, что уже сделано, однако никаких оценок не давал;

Люс так и не знала, одобряет ли он действия Илии. Все мнения, упования, теории и принципы точно ветром унесло; все это было теперь мертво. Тяжкое горе огромной толпы, собравшейся на панихиду, тучей висело в воздухе, заполняло все вокруг. Они потерпели поражение, Там, на дороге погибли семнадцать человек из Шанти и еще восемь из Столицы. Да, эти шантийцы умерли во имя мира, но во имя мира они и убивали. И вот все распалось. Глаза Андре были черны как уголь. Он шутил, стараясь как-то развеселить девушек (и Люс видела — теперь она видела все ясно и бесстрастно, — что он давно уже любит Южный Ветер), и обе они улыбались его шуткам и старались, чтобы он хоть капельку отдохнул у них, рядом с Верой. А днем Люс и Южный Ветер снова выходили в поле. Картофелины были маленькие, твердые и чистые; выкопанные из земли, они висели на целом пучке тонких длинных корней. Люс нравилась эта работа; все остальное было ей почти безразлично.

Порой Люс думала, что ничего на самом деле не происходило и не происходит, что все это понарошку, словно в театре теней, когда настоящие актеры прячутся за ширмой, словно в кукольном театре. И, в конце концов, даже с ней самой

происходит нечто странное. Что, например, она делает в чужом поле целый день под тучами, под моросящим дождем, одетая в грязные штаны, заляпанные глиной до бедер, с перепачканными до локтей руками? Зачем она копает эту картошку для жителей Шанти-тауна? Ей и нужно-то всего-навсего проснуться и пойти домой. Любимая синяя юбка и вышитая блузка, конечно, уже висят в шкафу, чистые и отглаженные; Тереза принесет горячей воды, можно будет принять ванну… В камине, у западной стены гостиной Каса Фалько будут гореть крупные поленья, в такую промозглую погоду огонь будет особенно жарким… За толстыми стеклами окон, над заливом сгустится синева вечерних сумерек. Может быть, зайдет доктор со своим приятелем Валерой — поболтать; или забредет старый Советник Ди Джулио, надеясь на партию в шахматы с ее отцом…

Нет. Вот там-то как раз и живут марионетки; маленькие яркие одушевленные куклы. Там пустота, ничто; настоящее — здесь: эти картофелины, поскрипывание соломенного тюфяка на чердаке хижины в ночной тьме и тишине. Да, все это странно, может быть, даже неправильно, но только это и осталось в ее жизни.

Вера поправлялась. Ее лечила Сокровище, ко-

торая была врачом и считала, что, хотя тяжелое сотрясение мозга еще дает себя знать и Вера должна по крайней мере неделю провести в постели, она непременно вскоре встанет на ноги. Она уже просила, чтобы ей дали какую-нибудь работу. Южный Ветер поставила возле нее большую корзину хлопка, собранного с хлопковых деревьев в далекой Красной Долине, и Вера его потихоньку пряла.

В тот день они втроем как раз пообедали, и Южный Ветер мыла посуду, а Люс убирала со стола, когда в комнату вошел Илия. Вера сидела в кровати с подложенной под спину подушкой и тихо вращала веретено. Илия показался Люс похожим на те маленькие картофелины — таким же чистым и твердым, с решительными голубыми глазами на круглом лице. Голос его оказался неожиданно низким, но звучал очень мягко. Илия сел, смахнул со стола крошки и заговорил, обращаясь главным образом к Вере.

— Все идет хорошо, — сообщил он ей. — Все в порядке.

Вера вообще теперь говорила мало. Левая сторона ее лица, по которой ударили ногой или дубинкой, все еще была опухшей, с заметными до сих пор синяками и ссадинами, однако она

поворачивалась к собеседнику именно этой стороной, чтобы хоть что-то расслышать: в правом ухе у нее от удара лопнула барабанная перепонка. Она сидела, не выпуская из рук веретено, и кивала в такт словам Илии. Люс к нему не очень-то прислушивалась. Андре давно уже все рассказал им: заложники освобождены; условия сотрудничества со Столицей согласованы, обещан более справедливый обмен продуктов, производимых Шанти-тауном, на запчасти и рыбу; теперь обсуждается некий план совместного поселения в Южной Долине — сперва столичные отряды расчистят участки и подготовят землю, а потом переехавшие туда добровольцы из Шанти станут эту землю возделывать.

— А как же северная колония? — тихим слабым голосом спросила Вера.

Илия опустил голову и погрузился в изучение собственных ладоней. Потом наконец проговорил:

— Это была мечта, сон.

— А может, и все случившееся было сном, Илия?

Голос Веры изменился; Люс отставила в сторону кастрюли и прислушалась.

— Нет, конечно, нет! — воскликнул он. — Но мы

хотели слишком многого и слишком скоро… да, слишком скоро. И нам не следовало делать такую ставку на этот марш, это ведь был акт открытого неповиновения…

— А что, скрытое неповиновение было бы лучше?

— Нет. Но конфронтация — путь ошибочный. Сотрудничество, совместные переговоры… разъяснения, аргументация… разумные аргументы… Я говорил Льву… Все время я пытался ему доказать…

Люс заметила слезы в голубых глазах Илии. Она тихонько сунула кастрюли и миски в кухонный шкаф и присела у очага.

— Советник Маркес — человек, в общем, разумный. Если бы тогда он был во главе Совета… — Илия не договорил. Вера молчала.

— Андре говорил, что ты главным образом общаешься теперь именно с Маркесом, — сказала Люс. — Так теперь он возглавляет Совет?

— Да.

— А мой отец в тюрьме?

— Под домашним арестом, как они выражаются, — ответил Илия, страшно смущенный. Люс молча кивнула, но Вера смотрела на них во все глаза.

— Дон Луис? Так он жив? А я думала… Он арестован? За что же?

Илия еще больше смутился, просто больно было на него смотреть. Вере ответила Люс:

— За то, что он убил Германа Макмиллана.

Вера изумленно вскинула брови, чувствуя, как в висках, особенно в том, опухшем, израненном, болезненно пульсирует кровь.

— Я сама этого не видела, — продолжала Люс сухо и спокойно. — Мы с Южным Ветром стояли далеко, в задних рядах. Зато Андре был впереди, вместе со Львом и Илией, и все видел. Он и рассказал мне. Это случилось сразу после того, как Макмиллан застрелил Льва; когда наши еще не поняли, что происходит, а люди Макмиллана как раз начали стрелять по толпе шантийцев. Мой отец выхватил у одного из них ружье и ударил Макмиллана прикладом. Во всяком случае, по словам Андре, из ружья отец не стрелял. Я думаю, потом трудно было определить, отчего именно умер Макмиллан, ведь люди метались туда-сюда прямо по телам, но Андре считает, что тот удар Макмиллана и прикончил. Так или иначе, он был мертв, когда они туда вернулись.

— Я тоже это видел, — с трудом выговорил Илия своим густым басом. — Это было… Я думаю,

именно его удар… удержал тех людей из Столицы, и они перестали стрелять, они были сбиты с толку…

— Никакого приказа отдать так и не успели, — сказала Люс, — и участники марша первыми бросились в атаку. Андре думает, что если бы мой отец не ударил Макмиллана, то никакого сражения бы не получилось: столичные просто стреляли бы, а шантийцы бежали бы от них.

— И мы не предали бы свои идеалы, — сказала Южный Ветер ясно и твердо.

— Если бы наши не набросились на столичных первыми, те, возможно, вообще больше не стали бы стрелять. Ведь они стреляли в целях самообороны.

— И тогда был бы убит только один Лев? — так же громко и ясно спросила Люс. — Нет, Южный Ветер, Герман Макмиллан непременно отдал бы приказ стрелять! Он, собственно, уже его отдал. Если бы участники марша бросились бежать раньше, да, тогда, возможно, убито было бы меньше людей. И не погиб бы ни один из столичных. Но Лев-то все равно был бы мертв. А Макмиллан был бы жив.

Илия смотрел на нее, и в его глазах она увидела то, чего никогда не замечала прежде; она не мог-

ла бы точно определить это чувство — возможно, ненависть или даже страх.

— Почему он сделал это? — прошелестел сухой, исполненный боли и сожаления шепот Веры.

— Не знаю! — воскликнула Люс. Она испытывала несказанное облегчение: наконец-то она высказала все вслух, перестала таить свои чувства в себе и твердить, что все в порядке. Она чуть не рассмеялась. — Разве я способна понять, что и почему делает мой отец, что он думает, что он вообще такое? Может быть, он сошел с ума? Именно это старый Маркес сообщил Андре на прошлой неделе. Я знаю твердо: окажись я тогда на его месте, я бы тоже непременно убила Макмиллана. Но это вовсе не объясняет, почему так поступил он. У меня этому нет объяснения. Самое простое — сказать, что он сошел с ума. Видишь, Южный Ветер, вот тут-то и кроется ваша общая ошибка. Вы себя считаете кругом правыми, вы уверены, что насилием ничего не добьешься, что, убивая, ничего не завоюешь — только порой это «ничего» и есть то, что людям нужно. Смерти им нужно. И они ее получают.

Воцарилась полная тишина.

— Советник Фалько просто понимал, сколь безумен поступок Макмиллана, — начал было

Илия, — и хотел предупредить, предотвратить…

— Нет, — оборвала его Люс, — не хотел. Он вовсе не пытался предотвратить стрельбу или ненужные жертвы, и он отнюдь не был вашим сторонником. Неужели вам в голову ничего больше не приходит, сеньор Илия, кроме ваших «разумных аргументов»? Вам непременно нужна «обоснованная причина»? Ну так вот, мой отец убил Макмиллана по той же самой «причине», по которой Лев стоял перед этими вооруженными людьми и открыто презирал их, и был за это убит… Потому что он был настоящим мужчиной, и настоящие мужчины ведут себя именно так. А «причины» и «аргументы» отыскиваются потом.

Илия стиснул руки; лицо его настолько побледнело, что светлые голубые глаза казались неестественно яркими. Он смотрел прямо на Люс. Потом сказал, впрочем, довольно миролюбиво:

— Почему ты живешь здесь, Люс Марина?

— Куда же еще мне идти? — спросила она почти насмешливо.

— К своему отцу.

— Да, именно так обычно и поступают женщины…

— Пойми, он в отчаянии, он унижен; ты нужна ему.

— А вам нет.

— Неправда, нам ты нужна! — с отчаянием проговорила Вера. — Илия, неужели ты тоже с ума сошел? Ты что, пытаешься выгнать ее отсюда?

— Это все из-за нее… Если бы она сюда не явилась, Лев… Это ее вина!.. — Илия больше не в силах был справляться со своими чувствами, голос его звенел, широко раскрытые глаза сверкали. — Это ее вина!

— Что ты такое говоришь? — прошептала Вера, и Южный Ветер закричала яростно:

— Нет! Ничего подобного!

Люс молчала.

Илия, весь дрожа, закрыл руками лицо. Долгое время никто не проронил ни слова.

— Простите, — сказал он наконец, поднимая голову. Глаза его были сухими и блестящими, рот странно кривился, он с трудом выговаривал слова. — Прости меня, Люс Марина. Я сам себя не помнил, нес какой-то бред… Ты пришла к нам, и мы, конечно же, тебе рады. Просто я… я, видимо, очень устал. Я все пытался понять, как следует поступить, как действовать правильно… А это так трудно — понять, что правильно…

Все три женщины хранили молчание.

— Говорят, я иду на компромиссы… Да, я иду

на компромиссы, а что еще мне остается делать? И снова возникают разговоры: Илия предает наши идеалы, продает нас Маркесу, навечно привязывает нас к Столице, мы теряем все, за что боролись. Но чего же вы хотите? Еще смертей? Или новой конфронтации? Хотите видеть, как Народ Мира снова пойдет под пули? Как наших людей будут бить, убивать… и снова люди будут гибнуть… а мы, которые… которые верили в мир, в ненасилие…

— Никто ничего подобного о тебе не говорит, Илия, — медленно проговорила Вера.

— Нам нельзя торопиться. Нужно быть благоразумными. Ведь невозможно сделать все сразу. Мы не должны действовать второпях, используя насилие. Конечно, это нелегко… это очень трудно!

— Да, — подтвердила Вера, — это трудно.

— Мы собрались со всего света, — рассказывал старик. — Из больших городов и совсем крохотных деревень. Люди приходили отовсюду. В начале Марша, в Москве, в нем участвовало четыре тысячи, а у западных границ страны под названием Россия — уже семь тысяч. Они прошли через всю Европу, и каждый день сотни и сотни людей присоединялись к участникам Марша — семьями и поодиночке, молодые и старые. Они

приходили пешком из близлежащих селений, они приезжали издалека, из-за морей и океанов, из Индии, из Африки. Все старались принести с собой хоть что-нибудь — прежде всего нужна была еда и деньги, чтобы покупать еду, ибо такому большому количеству людей еды все время не хватало. Жители городов выстраивались вдоль дорог, чтобы посмотреть, как идут участники Марша, и порой дети подбегали к ним и дарили им еду и драгоценные монетки. Множество солдат из армий великих держав тоже стояли вдоль дорог и как могли защищали участников Марша, а также следили за тем, чтобы те не нанесли вреда полям, деревьям и постройкам, ведь людей собралось такое множество. Участники Марша пели, и иногда солдаты пели с ними вместе, а порой бросали свое оружие и ночью, в темноте убегали и присоединялись к Маршу. Люди все шли и шли. Когда по ночам они разбивали лагерь, то казалось, будто целый огромный город вдруг вырастал в чистом поле. Люди все шли, и шли, и шли — по полям Франции, по полям Германии, по высоким горам Испании, неделями, месяцами, и пели песни Мира. И вот наконец они добрались до берега моря — десять тысяч самых сильных. Здесь суша кончалась, здесь был город Лиссабон,

где им были обещаны корабли. И корабли действительно оказались в гавани.

Таков был Долгий Марш. Но путешествие этих людей еще не закончилось, нет! Они сели на корабли, чтобы плыть к Свободной Земле, где, как они надеялись, их будут радостно встречать, однако участников Марша теперь оказалось чересчур много. На кораблях могло уплыть не более двух тысяч, а их, как я уже говорил, было целых десять тысяч, и толпа на берегу все росла. Что же они стали делать? Они делали раскладные кровати, они набивались по десять человек в каюту, рассчитанную на двоих, и капитаны этих больших кораблей сказали: остановитесь, нельзя перегружать суда, к тому же у нас не хватит запасов воды, ведь плавание предстоит долгое. И, поскольку все сесть на корабли не могли, люди начали покупать лодки, рыбачьи баркасы, яхты; и знатные богатые владельцы собственных яхт часто сами приходили к ним и говорили: «Возьмите мое судно, я могу отвезти пятьдесят человек на Свободную Землю». И часто приплывали рыбаки из одного города, который назывался Англия, и предлагали: «Вот мой баркас, я могу отвезти пятьдесят человек». Кое-кто боялся плыть на маленьких суденышках через

такое громадное море; кое-кто решил вернуться домой. Но все время приходили новые и новые люди, желавшие присоединиться к участникам Марша, и число их росло. И вот наконец все суда вышли из гавани Лиссабона, играла музыка, на ветру развевались ленты и флаги, и люди — на больших кораблях и на маленьких, на лодках и на рыбачьих баркасах — пели.

Но в открытом море суда не могли держаться вместе. Большие корабли шли быстро, маленькие медленно. Через восемь дней большие корабли уже приплыли в город Монтраль, в страну Кан-Америку. Потом стали приплывать и другие суд а, их караван растянулся по всему океану, некоторые приплыли на несколько дней позже, некоторые — на несколько недель. Мои родители были на одном из маленьких судов, на красивой белой яхте под названием «Анита», которую одна благородная дама одолжила участникам Марша, чтобы люди смогли переправиться через океан на Свободную Землю. На этой яхте плыли сорок человек. Моя мать рассказывала, какие это были хорошие деньки. Погода стояла прекрасная, люди сидели на палубе» грелись на солнышке и строили планы, как создадут Столицу Мира на той земле, которую им обещали, — в одной горной

долине на севере Кан-Америки.

Но когда они приплыли в Монтраль, их встретили люди с ружьями, арестовали и посадили в тюрьму; в тюрьмах оказались и все остальные участники Марша, в том числе и с больших кораблей.

Правительство Кан-Америки заявило, что их, к сожалению, оказалось слишком много, не две тысячи, как здесь рассчитывали, а целых десять, и в стране не найдется места для стольких людей. Кроме того, в таком количестве участники Марша казались правительству опасными. Тем более что люди продолжали прибывать отовсюду и присоединяться к ним, устраивали лагеря вокруг города Монтраля и вокруг тюрем и лагерей для заключенных и пели песни Мира. Даже из Бразилии стали приходить люди, которые начали свой собственный Долгий Марш, продвигаясь на север вдоль всего континента. Правители Кан-Америки испугались и заявили, что не в состоянии поддерживать порядок в такой орде и обеспечивать ее пищей. Они назвали это Нашествием. Они говорили, что идеи Мира — сплошная ложь; просто потому, что не понимали их и не хотели понять. Они видели, что жители их собственной страны присоединяются к Народу Мира и переходят на

его сторону, и понимали, что этого допустить нельзя, ведь все их население должно было участвовать в Войне с Республикой, которая длилась уже двадцать лет и не думала кончаться, она продолжается до сих пор. И тогда они сказали, что все Люди Мира — предатели и шпионы Республики, и поместили их в специальные лагеря вместо обещанной горной долины на севере страны. Там я и родился, в лагере для заключенных, в Монтрале.

Наконец правители Кан-Америки додумались; хорошо, сказали они, мы выполним свое обещание и дадим вам хорошую землю, но на Земле для вас места нет, и мы предоставим вам космический корабль, специально построенный в Бразилии, чтобы вывозить с Земли воров и убийц. Таких кораблей у них было построено три, два они уже отослали на планету Виктория, а третьим так и не воспользовались, потому что законы у них переменились. И никому этот корабль не был нужен — ведь он мог совершить только один перелет, с Земли на Викторию, а вернуться назад уже не мог. Так вот, они сказали, что Бразилия отдает этот космический корабль Народу Мира. На нем могли улететь две тысячи человек, больше он не вмещал. Остальные участники Марша должны были либо самостоя-

тельно возвращаться к себе на родину, за океан, в Россию и другие страны, либо жить в лагерях для заключенных и делать оружие для Войны с Республикой. Они потребовали также, чтобы все вожди Народа Мира улетели на корабле — Мехта, Адельсон, Каминская, Вичевска, Шульц… Нам здесь, на Земле, такие люди не нужны, заявили правители Кан-Америки, потому что они не любят Войну. Вот и пусть везут свой Мир на другую планету.

Итак, две тысячи были выбраны с помощью жребия. И тяжким был тот выбор; то был самый горький из самых горьких дней нашей жизни. Для тех, кто улетал, еще оставалась надежда, но какой ценой! Ведь они должны были лететь в бескрайнем космическом пространстве даже без пилота, их ждал неведомый мир, откуда нет ни малейшей возможности когда-либо вернуться назад! Но для тех, кто должен был остаться, надежда погасла совсем. Ибо на Земле больше не было места для Мира.

И вот выбор был сделан, и все слезы выплаканы, и корабль улетел. И для тех двух тысяч, и для их детей, и для детей их детей Долгий Марш завершился. Здесь, в долине, на планете Виктория мы построили город и назвали его Шанти.

Но мы не забываем тот Долгий Марш, и великое путешествие через океан, и тех, кто остался на Земле, их протянутые к нам руки… Мы никогда не забываем Землю.

Дети слушали: светлокожие и темнокожие лица; черные и каштановые волосы; у многих взгляды напряжены, полны боли; а кому-то просто интересно, кто-то тронут до глубины души, кому-то уже наскучило без конца слушать одно и то же… Все они уже слышали раньше эту историю, хотя многие из них были совсем малышами. Эта история была одной из непременных составляющих их мира. И только Люс слушала все это впервые.

В мозгу у нее роились сотни вопросов, их было, пожалуй, чересчур много, так что она предоставила возможность спрашивать детям.

— А почему Дружба такая черная? Потому что ее бабушка родом из Черной России?

— Расскажи о космическом корабле! О том, как они там все спали!

— Расскажи, какие на Земле животные!

Некоторые из вопросов задавались специально для Люс; дети хотели, чтобы она, чужая здесь и уже такая взрослая, хотя ничего толком не понимает, услышала их любимые места из саги о

Народе Мира.

— Расскажи Люс о самолетах! — крикнула страшно возбужденная девочка и, обернувшись к Люс, сама начала рассказывать: когда отец и мать старого Хари плыли на лодке через океан, над ними пролетел самолет, это такая летающая машина, потом раздался грохот, самолет упал в море и взорвался. Это был самолет Республики, и они увидели в воде людей, попытались подобрать их, но никого не нашли, а вода оказалась ядовитой, и они вынуждены были плыть дальше.

— Расскажи о тех людях, которые приходили из Аферки! — потребовал какой-то малыш. Но Хари уже устал.

— Хватит на сегодня, — сказал он. — Давайте лучше споем одну из песен Долгого Марша. А ну-ка Мария!

Девочка лет двенадцати встала, улыбнулась и повернулась к остальным лицом.

— О, когда придем, — начала она нежным звенящим голоском, и остальные подхватили:

Когда дойдем до Лиссабона, Нас будут ждать На рейде белые суда…

О, когда придем…

Облака уплывали прочь. Тяжелые, с растрепанными краями, они плыли над рекой и северными

холмами. Далеко на юге виднелась серебристая полоска залива. Капли последнего ливня все еще падали время от времени с листьев огромных хлопковых деревьев на холме, высившемся к востоку от домика Южного Ветра. Больше не было слышно ни звука. Молчаливый мир, серый мир. Люс в одиночестве стояла под деревьями и смотрела на раскинувшуюся перед ней пустынную землю. Она уже очень давно не была одна. Она понятия не имела, отправившись на этот холм, куда идет, что ищет. Наверное, место, где можно побыть в тишине и одиночестве. Ноги сами повели ее сюда, и она оказалась наедине с самой собой.

Земля промокла насквозь и была скользкой; травы тяжело склонились, пропитанные влагой, зато теплое пончо, которое дала ей Италиа, оказалось достаточно толстым и уютным. Люс, завернувшись в него, села на пружинящую кучу листьев под деревом и сидела неподвижно, обхватив руками колени и глядя на запад, за излучину реки. Она долго сидела так, видя перед собой лишь безлюдные неподвижные просторы, медленно плывущие облака и реку.

Одна, одна. Она осталась одна. Раньше у нее как-то не хватало времени, чтобы понять это.

Она работала вместе с Южным Ветром в поле, ухаживала за Верой, беседовала с Андре, потихоньку-помаленьку участвовала в жизни Шанти, помогая устраивать новую школу, ибо теперь двери в столичную школу для жителей Шанти были закрыты. Она ходила в гости то в один дом, то в другой; ее приглашала то одна семья, то другая, ей были рады, старались угодить — это были добрые люди, не привыкшие отталкивать кого-то или кому-то не доверять. И только по ночам, на своем соломенном тюфяке в темноте чердака, оно приходило к ней, ее одиночество, и у него было белое и горькое лицо. И она пугалась его, и кричала в душе: что же мне теперь делать? И пряталась в подушку, чтобы не видеть этого горького лица, и спасалась от него в своей усталости, во сне.

И сейчас оно снова возникло перед ней, тихонько подкравшись по серым склонам холма. Теперь лицо одиночества было лицом Льва. И ей уже не хотелось отворачиваться.

Настала пора увидеть, что же она потеряла. Увидеть все целиком. Тот закат над крышами Столицы много лет назад, его лицо, освещенное этим великолепным заревом… «Ты ведь можешь увидеть — можешь понять, как это должно быть и что есть на самом деле…» Вечерние сумерки,

домик Южного Ветра и его глаза… «…жить и умирать ради чего-то, во имя каких-то духовных ценностей…» Тот ветер и свет на холме Роктоп и его звонкий голос… И все остальное — все те дни, и весь солнечный свет, и все те ветра, и годы, которые они должны были бы прожить вместе и никогда уже не проживут вместе, дни, которые должны были бы наступить, но не наступят, потому что он умер. Застрелен на той дороге, на ветру, в двадцать один год. Он так и не взобрался на свои горы и никогда уже не взберется.

Если его душа сейчас здесь, в этом мире, подумала Люс, то она улетела туда, на север, в ту долину, которую он нашел, в те горы, о которых он ей столько рассказывал в ту последнюю ночь перед маршем в Столицу — рассказывал с такой радостью, с таким восторгом… «Они куда выше, чем ты можешь себе вообразить, Люс, выше и белее. Ты смотришь, смотришь вверх, без конца задираешь голову, а видишь только белоснежные вершины — одну над другой».

Да, он, конечно же, сейчас там, не здесь. Это всего лишь ее собственное одиночество — то, что явилось ей, то, что носило его лицо.

— Иди вперед. Лев, — прошептала она. — Иди вперед, не оглядывайся, иди к своим вершинам,

поднимайся все выше и выше…

Но куда же пойти мне? Куда пойти мне, такой одинокой?

У меня больше нет Льва и нет матери, хотя я никогда ее и не знала, и нет отца, ведь я никогда не смогу его понять, и нет дома, и Столицы, и друзей… впрочем, друзья у меня есть — Вера, Южный Ветер, Андре и все остальные тоже… Это очень милые добрые люди, но это не мой народ. Только Лев, один лишь Лев был мне близок, но он не мог остаться со мной, не захотел подождать — спешил, должен был взобраться на свою вершину и отложил жизнь на потом… Он был для меня единственной удачей, счастьем. И я для него — тоже. Но он не желал этого видеть, не желал остановиться и посмотреть. Он просто от этого отвернулся.

Что ж, постою здесь, над этими долинами, среди деревьев и как следует подумаю. И вот что мне осталось: Лев мертв, его надежды рухнули, мой отец стал убийцей и сошел с ума, а я предала Столицу и осталась чужой в Шанти-тауне.

Но может быть, есть что-то еще?

Да, конечно: весь остальной мир. Вон та река, и те холмы, и тот свет над заливом. Молчаливый, но живой мир, в котором нет людей. И только

я — одна.

Спустившись с холма, она увидела Андре, который выходил из домика Южного Ветра и в дверях обернулся, что-то говоря Вере. Она окликнула его, и они пошли друг другу навстречу через вспаханные поля. Он подождал ее на повороте тропинки, что вела в Шанти, и спросил:

— Ты где это была, Люс? — Спрашивал он как всегда озабоченно и смущенно. Он никогда, в отличие от остальных, не пытался во что-то втянуть ее, привлечь к какой-то работе, увлечь идеей; он просто всегда был рядом, такой надежный и спокойный. С тех пор как погиб Лев, Андре, казалось, больше не знал радости, зато знал много тревог. Он стоял перед ней — крепкий, чуть сутулый, терпеливо неся на своих плечах слишком тяжкое для него бремя.

— Нигде, — ответила она, и это была чистая правда. — Просто гуляла. Думала. Андре, скажи мне… Я ни за что не спрошу тебя об этом в присутствии Веры, не хочу ее расстраивать. Что за отношения теперь между Столицей и Шанти? Я знаю недостаточно, чтобы понять то, что говорит Илия. Неужели все будет как прежде… до того?

Андре довольно долго молчал, потом кивнул. Его смуглое лицо с высокими скулами, точно

вырезанное из дерева, казалось замкнутым.

— Или даже хуже, — сказал он. Потом прибавил, стараясь быть справедливым по отношению к Илие: — Кое-что, правда, стало лучше. Новое торговое соглашение, например… если, конечно, они станут выполнять условия. И строительство нового поселения в Южной Долине. Надеюсь, там теперь не будет ни принудительных работ, ни всяких там «частных владений» и тому подобного. Я очень на это надеюсь. Тогда, по крайней мере, мы могли бы поработать там вместе.

— Ты пойдешь туда?

— Я не знаю. Наверное, да. Я должен.

— А как же северная колония? Та долина, которую вы отыскали? И те горы?

Андре вскинул на нее глаза. И покачал головой.

— Это невозможно? — продолжила Люс.

— Только если мы отправимся туда как их слуги.

— Неужели Маркес не согласится, чтобы шантийцы отправились туда одни?

Он снова молча покачал головой.

— А что, если вы все-таки уйдете туда?

— Думаешь, я не об этом мечтаю ночи напролет? — вырвалось у него, и впервые в голосе

его отчетливо послышалась горечь. — Особенно после того, как мы с Илией, Сокровищем и Сэмом вместе с Маркесом и Советом обсуждаем всяческие компромиссы и наше с ними сотрудничество, и они учат нас, как нужно быть благоразумными… Но если мы уйдем туда, они отправятся следом.

— Тогда давайте пойдем в такие места, куда они последовать за нами не смогут.

— Это куда же? — Голос Андре снова звучал терпеливо, чуть иронично и вяло.

— Куда угодно! Далеко на восток, в леса. Или на юго-восток. Или на юг, на дальнее побережье, куда не добираются их люди — должны же быть и другие заливы, другие подходящие места для городов! Это ведь огромный континент, целый мир… Ну почему мы должны все время торчать здесь, тесниться, жить друг у друга на голове, уничтожать друг друга? Ты же не раз бывал в диком краю, и ты, и Лев, и другие, ты же знаешь, что это такое…

— Да. Знаю.

— Вот ты вернулся. А почему ты должен был возвращаться? Почему люди просто не могут взять и уйти? Пусть не все сразу, но какая-то группа — просто возьмет и уйдет ночью, и пойдет

все дальше и дальше. Может быть, несколько человек пойдут впереди нее, чтобы подготовить места для ночевок. Но нельзя оставлять после себя следов! Совсем! Нужно просто идти вперед как можно дальше. И когда пройдешь километров сто, или пятьсот, или тысячу, то непременно найдешь хорошее место. И тогда можно остановиться. И строить новый город. Свой. Без них.

— Это не… это же разрушит наше общество, Люс! — проговорил Андре. — И потом, это очень похоже… на бегство.

— Ах вот как! — воскликнула Люс, и глаза ее вспыхнули гневом. — На бегство? Вы сами заползаете в ловушку Маркеса, поставленную в Южной Долине, однако считаете, что стоите во весь рост! И вы еще говорите о свободе и выборе пути… Мир, целый мир перед вами — вы можете там жить и быть свободными! И это вы называете бегством? От чего? К чему? Может быть, мы действительно не способны стать абсолютно свободными, ведь от себя никуда не денешься, но хоть попробовать-то новую жизнь нужно! Иначе для чего был этот ваш Долгий Марш? И почему вы считаете, что он уже кончился?

11

Вера собиралась непременно проводить их и ни в коем случае не спать, однако все же уснула у очага, и даже тихий стук в дверь ее не разбудил. Южный Ветер и Люс вошли, посмотрели друг на друга, и Южный Ветер покачала головой. Тогда Люс опустилась на колени и ловко сунула еще один брикет торфа поглубже в очаг, за тлеющие угли, чтобы дом не выстыл за ночь, а Южный Ветер, ставшая неуклюжей в тяжелом плаще и с громадным рюкзаком за плечами, осторожно наклонилась и коснулась губами седых волос Веры; потом огляделась — взгляд у нее стал растерянным, торопливым — и вышла за порог. Люс последовала за ней.

Ночь была облачной, очень темной, но дождь не шел. Холод пробудил Люс от затянувшегося сонливого ожидания, и она вздохнула и поежилась. Рядом с ней в темноте слышались тихие голоса. «Обе здесь? Ну хорошо, пошли». И они двинулись в путь — мимо дома, через картофельное поле, к невысокой гряде холмов, что лежала за восточным краем этого поля. Когда глаза Люс

привыкли к темноте, она обнаружила, что рядом с ней шагает отец Льва, Саша. Почувствовав ее пристальный взгляд, он спросил:

— Ну как рюкзак? Не тяжело?

— Нормально, — прошептала она еле слышно. Говорить нельзя, нельзя вообще шуметь, думала Люс, во всяком случае, пока они не уйдут достаточно далеко от города, не минуют последнюю деревушку за Мельничной рекой, пока не окажутся как можно дальше от населенных мест. Нужно идти очень быстро и очень тихо, чтобы никто не смог остановить их. Господи, только-не допусти, чтобы они нас нагнали и остановили!

— А в мой, наверно, железок насовали или непрощенных грехов, — прошептал Саша; и они пошли дальше молча — двенадцать теней во мраке, окутавшем этот мир.

Было еще темно, когда они добрались до Мельничной реки, на несколько километров южнее того места, где она впадала в залив. Лодка была уже на месте. Рядом ждали Андре и Упорный. Хари перевез сперва первую шестерку, потом вторую. Люс была во второй. Когда они подплывали к восточному берегу, плотный ночной мрак начал редеть, легкий сумеречный свет окутал все вокруг, над водою сгустился туман. Дрожа, Люс

выбралась из лодки на берег. Когда Хари остался в лодке один, Андре и еще несколько мужчин оттолкнули ее подальше от берега.

— Счастливо вам, счастливо! Идите с миром! — прошелестел с воды тихий голос Хари, и лодка исчезла в тумане, точно призрак, а двенадцать путешественников остались стоять на песке, тоже призрачно расплывающемся под ногами в волнах тумана.

— Поднимайтесь сюда, — послышался голос Андре. — Они нам тут завтрак оставили.

Это была последняя и самая маленькая из трех групп, покинувших Шанти — уходили они ночью по очереди. Две первые группы ждали их дальше, где-то среди высоких холмов на восточном берегу Мельничной реки; в эти края заглядывали разве что трапперы, охотники на кроликов. Следуя гуськом за Андре и Упорным, путешественники углубились в просторы дикого края.

В течение многих часов, с трудом переставляя ноги, она только и думала о том, как рухнет на землю — прямо в грязь или на песок — рухнет и больше не двинется с места до утра. Но когда они остановились, она увидела перед собой Мартина и Андре, которые что-то обсуждали, и пошла вперед, к ним, и хотя по-прежнему едва

переставляла ноги, но почему-то на землю не рухнула, а продолжала стоять и слушать то, о чем они говорили.

— Мартин считает, что компас неправильно показывает направление, — сказал Андре. С сомнением во взоре он Протянул компас Люс, словно та с первого взгляда способна была определить, исправен ли инструмент. Однако ей в первую очередь бросилось в глаза лишь его изящество, красивый полированный деревянный корпус, золоченое кольцо, в котором держалось стекло, хрупкая блестящая полированная игла, что дрожала и колебалась между тонко вырезанными буквами; что за чудесная вещь, просто невероятно красивая вещь, думала она. Однако Мартин смотрел на компас с неодобрением.

— Я уверен, что стрелка отклоняется к востоку, — сказал он. — Там, в этих горах, наверное, залежи железной руды, они и влияют на показания компаса.

Уже полтора суток они шли через эту странную, поросшую низким кустарником местность, где не росло ни одного дерева-кольца, ни одного хлопкового дерева, только колючий спутанный кустарник не более двух метров высотой. Это невозможно было назвать ни лесом, ни полем;

и очень редко можно было разглядеть, что там дальше, впереди. Однако они знали, что на востоке, слева от них тянется гряда довольно высоких холмов или гор, которые они впервые увидели шесть дней назад. И каждый раз, поднимаясь хотя бы на небольшой бугорок среди этих бесконечных зарослей, они видели высоко в небесах слева темно-красные скалистые вершины.

— Ну и что, — сказала Люс, впервые за долгие часы услышав свой собственный голос, — разве это так уж важно?

Андре пожевал нижнюю губу. Выглядел он изможденным, скулы обтянуты, опухшие глаза потухли.

— Для того чтобы просто идти вперед, особого значения это, конечно, не имеет, — вымолвил он. — Можно ориентироваться по солнцу или по звездам, когда они видны. Но вот для составления карты…

— А что, если нам снова свернуть на восток? И прямо здесь перебраться через эти горы — они ведь, похоже, ниже не становятся, — сказал Мартин. Он был моложе Андре и казался значительно менее усталым. На Мартина всегда можно было положиться, он был надежной опорой для всей группы. Люс чувствовала себя с ним особенно лег-

ко: он был похож на жителя Столицы, плотный, темноволосый, мускулистый, немногословный и мрачноватый; даже его имя было одним из самых распространенных в Столице. Но, несмотря на несомненные достоинства Мартина и его силу, со своим вопросом Люс обратилась все-таки к Андре.

— Мы по-прежнему не должны оставлять никаких меток?

Стараясь замести след, они не оставляли никаких вех на своем пути и лишь тщательнейшим образом заносили маршрут на карту. Такую карту можно было бы отправить с посыльным в Шанти, и через пару лет вторая группа легко отыскала бы по ней поселение первых колонистов. Это было, собственно, главной причиной для составления карты, и они все время говорили об этом. На Андре, отвечавшего за карту во время предыдущего путешествия на север, эта ответственность была возложена и теперь, оказавшись довольно тяжким бременем, ибо идея последующей пересылки карты в Шанти не выходила у первопроходцев из головы. Им это казалось единственной ниточкой, связывающей их сейчас с друзьями, с прошлым, с представителями человечества на этой планете; единственным твердым доказательством того,

что они не просто скитаются без цели, затерявшись в диком краю, а выполняют конкретную задачу; но теперь, поскольку оставлять какие-либо вехи они не могли, надежда на возвращение таяла на глазах.

Временами Люс становилась горячей сторонницей составления карты, временами же идея эта ее раздражала. Мартин считал, что карту составлять обязательно нужно, однако куда больше его заботило то, чтобы после них не оставалось никаких следов; он хмурился, а Италиа делала замечание каждому, кто неосторожно наступал на ветку или ломал ее. Разумеется, за десять дней своего путешествия они оставили так мало следов, насколько это вообще было возможно при группе в шестьдесят семь человек.

Когда Люс задала свой вопрос, Мартин только покачал головой.

— Смотри, — сказал он, — и без того с самого начала любому ясно, в какую сторону мы ушли: это же самый легкий путь!

Андре улыбнулся. Это была даже не улыбка, а нечто, похожее на трещину в пересохшей жесткой коре дерева. Глаза его сузились настолько, что превратились в щелочки, тоже напоминавшие трещинки на стволе дерева. Вот потому-то

Люс и любила общество Андре: она черпала в нем силы, ей нравилась его добродушная терпеливая улыбка, похожая на улыбку дерева.

— Ты совсем не учитываешь того, что у нас было множество других возможностей выбрать направление, Мартин! — сказал он, и Люс явственно представила себе следующую картину: отряд бандитов Макмиллана с ружьями и плетками, в высоких ботинках и темно-коричневых мундирах стоит на крутом обрывистом берегу реки и смотрит — на север, на восток, на юг — и всюду видит лишь бескрайнюю, лишенную чьих-либо следов и голосов, темную от бесконечных дождей равнину и серо-ржавые скалы на горизонте, и тщетно пытается определить, какое из сотни возможных направлений избрали беглецы…

— Раз так, — сказала она, — тогда давайте начнем подниматься в горы прямо отсюда.

— Во всяком случае, лезть вверх будет не труднее, чем продираться через эти чертовы колючки, — сказал Андре.

Мартин согласно закивал.

— Значит, снова поворачиваем на восток?

— Ну да. В общем-то, все равно — здесь или чуть дальше, — и Андре вытащил свою грязноватую, с загнутыми от частого употребления уголками

карту, чтобы сделать на ней соответствующую пометку.

— Прямо сразу? — спросила Люс. — Или сначала разобьем лагерь?

Обычно они не устраивали стоянки до самого заката, однако сегодня они и так прошли уже очень много. Люс огляделась; вокруг были колючие, высотой ей по плечо, бронзового цвета густые кусты, росшие примерно в метре или двух друг от друга; миллионы чьих-то следов, кажущихся бессмысленными тропками, вились вокруг каждого куста, уходя в заросли. Сейчас она видела всего несколько человек изо всей группы; стоило объявить остановку, как большая часть людей сразу же уселась на землю, чтобы хоть немного отдохнуть. Над головой висели удивительно ровные серо-свинцовые тучи. Уже две ночи дождя не выпадало совсем, но с каждым часом становилось холоднее.

— Ну, если мы пройдем еще несколько километров, — сказал Андре, — то доберемся до подножия холмов, а там, возможно, найдем какое-нибудь убежище. И воду. — Он оценивающе посмотрел на Люс, ожидая ее решения. Он, Мартин, Италиа и другие, прокладывающие тропу, воспринимали Люс и нескольких пожилых жен-

щин как наиболее слабосильных, не способных выдержать тот темп, который могли бы задать лидеры. Она не возражала. К концу каждого дня ее физические силы бывали полностью исчерпаны и даже больше того. Первые три дня пути, когда они шли очень быстро, опасаясь погони, совершенно измотали ее, и хотя постепенно она становилась все более выносливой, восстановить первоначальную потерю сил так и не смогла. Она принимала жалостливое отношение к себе более сильных и все накапливавшееся раздражение изливала на проклятый рюкзак, ненавидя его, как чудовищное и непосильное бремя, из-за которого у нее подгибались колени и чуть ли не ломалась шея. Ах если б только им не нужно было тащить с собой буквально все необходимое! Но они не могли даже погрузить вещи на тележки — непременно остались бы хорошо заметные колеи. С другой стороны, шестьдесят семь человек просто не выжили бы в диком краю в течение столь длительного перехода, тем более что и для нового поселения нужно было множество различных вещей и инструментов, даже если бы сейчас было лето, а не поздняя осень, готовая вот-вот смениться зимой…

— Ну что ж, тогда пройдем еще несколько

километров, — бодро сказала Люс. Она всегда бывала поражена собственной храбростью, когда говорила что-либо подобное. «Еще несколько километров» — словно это сущий пустяк, а ведь последние часов шесть она только и мечтала о том, чтобы сесть, просто сесть на землю хотя бы на минуту, или на месяц, или на год! Но сейчас, после разговора о том, чтобы снова повернуть на восток, она почувствовала, что не менее сильно желает выбраться наконец из этого ужасного лабиринта и оказаться в горах, где по крайней мере можно будет хорошо видеть все вокруг.

— Но только сперва несколько минуток отдохнем, — прибавила она и тут же села, выскользнув из лямок рюкзака, и принялась растирать ноющие плечи. Андре тоже мгновенно опустился на землю рядом с нею. Мартин прошел дальше, чтобы поговорить с людьми и обсудить дальнейшее изменение маршрута. Никого из отряда видно не было, все люди словно растворились в море колючих ветвей, растянувшись на песчаной сероватой земле, покрытой слоем острых шипов, и стараясь полностью использовать те краткие мгновения, что были им отпущены на отдых. Люс даже Андре почти не видела — только краешек его рюкзака. Северо-западный ветер,

несильный, но очень холодный, слегка шуршал в суховатых ветках кустарника. Больше никаких звуков слышно не было.

Шестьдесят семь человек — и ни одного не видно, не слышно. Пропали. Исчезли, точно капля воды в реке, точно унесенное ветром слово. Словно только что по дикому краю двигались какие-то некрупные живые существа, шуршали в кустах, но далеко не ушли и вскоре двигаться перестали; дикому краю, как и колючим зарослям, продвижение этих существ было совершенно безразлично — во всяком случае, не более важно, чем еще один упавший на землю шип, присоединившийся к миллиону других шипов, или еще одна осыпавшаяся песчинка среди бесчисленного множества других песчинок.

Тот страх, который она узнала за эти десять дней пути, подбирался к ней, окутывая разум подобно негустому серому туману в полях, когда все вокруг будто застилает холодная пелена слепоты. Среди путешественников лишь ей одной был знаком этот страх, он достался ей по наследству, а также

— благодаря воспитанию; ведь именно для того, чтобы уберечься от этого страха, жители Столицы возводили свои дома с прочными стенами и

окружали их заборами, именно этот страх сделал улицы в Столице такими прямыми, а входы в дома такими узкими. Вряд ли Люс понимала это, живя за стенами родного дома, за закрытыми узкими и низкими дверями. Она тогда чувствовала себя в полной безопасности. Даже в Шанти она вскоре забыла об этом страхе, несмотря на то что чувствовала себя там чужой, ибо стены, окружавшие ее в этом городе, тоже были очень крепки, хотя и невидимы глазу: дружба, взаимопомощь, любовь — тесный круг человеческих отношений. Но она сама, по собственному выбору покинула этот круг, вышла за его пределы, отправилась в дикие края и наконец лицом к лицу встретилась с тем страхом, к которому ее готовили всю жизнь.

Это оказалось непросто, и она вынуждена была бороться, когда страх впервые стал овладевать ею, иначе он затмевал все вокруг и она совершенно теряла способность ориентироваться в собственных действиях и поступках, теряла способность выбора. Но она вынуждена была бороться с этим страхом вслепую, ибо разум ее противостоять ему не мог: страх был куда древнее и сильнее разума, сильнее любых разумных аргументов и идей…

Можно было бы, например, уцепиться за идею

существования Бога. Там, в Столице детям часто рассказывали о Боге. Он создал все миры, и он наказывал дурных людей, а хороших после смерти отправлял в Рай. Рай был прекрасным домом с золотой крышей, где добрая Мария, Матерь Божья и мать всех людей на свете, поджидала души умерших. Люс когда-то очень нравилась эта история. Когда она была маленькой, то молилась Богу, чтобы он устроил одно и не позволил случиться другому — ведь он мог сделать все на свете, если его попросить как следует; позже ей нравилось представлять себе Матерь Божью, и свою собственную мать, и то, как они вместе ведут хозяйство в Раю. Но когда она думала о Рае здесь, то он казался очень далеким и маленьким; и Столица тоже. Здесь никакого Бога существовать не могло; Бог принадлежал людям, а там, где не было людей, не было и Бога. На похоронах Льва и других погибших тоже говорили о Боге, но все это теперь осталось далеко позади. Здесь ничего подобного не было. Никто не создавал этот дикий край, и не было в нем ни зла, ни добра; он просто существовал.

Колючей сухой веточкой Люс нарисовала на песчаной земле возле своей ступни кружок, стараясь сделать его как можно ровнее. Этот

кружок изображал некий мир, или некую самостоятельную личность, или Бога — можно было назвать его как угодно. Больше никто и ничто в диком краю не могло бы ТАК подумать о каком-то нарисованном кружке — и она вдруг вспомнила изящное золотистое кольцо, которым было закреплено стекло компаса. Так думать об абстрактном кружке могла здесь только она — потому что она была человеком, обладала разумом, и глазами, и умелыми руками, и способна была что-то вообразить, а потом выразить возникший образ в рисунке, пусть даже в очень простом. Но ведь и любая капля росы, упавшая с листа в пруд, любая из капель здешнего вечного дождя могли создать окружность и притом куда более правильную — ровный, расходящийся от центра круг, — и если бы у этого пруда или лужицы не было берегов, то созданная каплей окружность могла бы расширяться до бесконечности, становясь все менее заметной, но все более широкой. Она, Люс, не могла сделать того, что могла сделать любая капля воды. И что, собственно, было там, внутри ее кружка? Песчинки, пыль, несколько крохотных камешков, полузасыпанная колючка, усталое лицо Андре, голос Южного Ветра, глаза Саши, так похожие на глаза Льва, непроходящая

боль в плечах, натруженных лямками тяжелого рюкзака, и еще ее страх. Этот кружок не мог удержать в своих границах ее страх. И она стерла его, разгладила песок рукой, и все стало как прежде, как было всегда и как будет всегда после того, как они уйдут отсюда и пойдут дальше.

— Сперва мне казалось, что я бросаю Тиммо, расстаюсь с ним навсегда, — говорила Южный Ветер, изучая самый большой из водяных пузырей на своей левой ступне. — Особенно когда мы ушли из нашего дома. Мы ведь с ним строили его вместе… ты знаешь. Мне казалось, что я ухожу прочь и оставляю его там одного. Но теперь мне так не кажется. Ведь он погиб где-то здесь, в этих краях. Я знаю, что не прямо здесь, а немного севернее и выше, но сейчас я чувствую, что он не так ужасно далеко от меня, как всю осень, пока я жила в нашем домике; наоборот, сейчас я почти уверена, что иду ему навстречу. Не для того, чтобы умереть — я вовсе не это имела в виду; просто там я все время думала, что он умер, а здесь, почти с самого начала путешествия, я думаю о нем, как о живом. Как если бы он сейчас был рядом со мной.

Они расположились лагерем в ложбине у подножия красных холмов, возле веселого ручейка

с каменистым руслом. Давно уже были разложены костры, приготовлена и съедена пища. Многие даже успели забраться в спальные мешки и уснуть. Еще не совсем стемнело, но было очень холодно, так что, если не двигаться, оставалось только жаться к огню или же как следует закутаться и лечь спать. В первые пять ночей путешествия они не разжигали костров, опасаясь погони, и эти ночи были поистине ужасны; Люс никогда прежде не знала столь простого и явственного наслаждения, какое она испытала, когда, после нескольких мучительных ночевок, на стоянке впервые разожгли большой костер — это произошло еще на пустошах южного склона, внутри большого дерева-кольца, и с тех пор каждый вечер она снова и снова с наслаждением приобщалась к этой роскоши: горячей пище и долгожданному теплу. Те три семьи, вместе с которыми они с Южным Ветром устраивались на ночлег и готовили еду, уже укладывались спать; младший из детей — и самый младший среди путешественников — мальчик одиннадцати лет уже свернулся в своем спальном мешке калачиком, как сумчатая летучая мышь, и крепко спал. Люс подбрасывала в костер топливо, пока Южный Ветер занималась своими стертыми в

кровь ногами. Вверх и вниз по берегу реки горели еще семь таких же костров, и самый дальний казался всего лишь пламенем свечи в серо-голубых сумерках, пятнышком золотистого неверного света. Говор ручейка заглушал людские голоса, звучавшие возле костров.

— Пойду соберу еще немного дров, — сказала Люс. Она вовсе не избегала ответа на то, что рассказала ей Южный Ветер. Просто никакого ответа не требовалось. Южный Ветер была человеком удивительно добрым и великодушным; она отдавала, как и рассказывала: не ожидая чего-то взамен или в ответ. В целом мире не нашлось бы лучшего друга, не требующего ничего, но всегда способного поддержать и ободрить.

Они много прошли в этот день, километров двадцать семь по подсчетам Мартина, и выбрались наконец из этого монотонного кошмарного лабиринта колючих кустарников. Они приготовили горячий ужин, костер горел жарко, и не было дождя. Когда она снова встала, то даже боль в плечах показалась Люс приятной (потому что рюкзак не оттягивал их назад). Именно эти мгновения в конце дня, у костра искупали для нее всю тяжесть мучительных голодных дней пути, когда шагаешь, шагаешь и шагаешь без конца

и только пытаешься ослабить врезающиеся в плечи лямки мешка, часами шлепая по грязи, под дождем, когда кажется, что идти дальше совершенно бессмысленно; эти вечера искупали и самое страшное — одинокие часы в черной ночной тиши, когда она просыпалась от одного и того же страшного сна: ей казалось, что их лагерь окружают какие-то неведомые существа, не понятно, живые или нет, но недоступные, невидимые в темноте; они стояли вокруг и наблюдали за ними.

— Вот здесь уже поджило, — сказала Южный Ветер, когда Люс вернулась к костру с «целой охапкой хвороста, набранного в зарослях на склоне, — а на пятке никак не заживает. Ты знаешь, сегодня весь день у меня было такое чувство, что нас больше никто не преследует.

— Не думаю, чтобы нас вообще кто-то пытался преследовать, — откликнулась Люс, подбрасывая ветки в костер. — Мне всегда казалось, что они не осмелятся пойти за нами, даже если б знали, куда идти. Там, в Столице, люди не хотят и думать о диких краях. Им хочется считать, будто ничего этого не существует.

— Надеюсь, что ты права. Отвратительное ощущение, когда от кого-то убегаешь. Ощущать

себя просто исследователями, первопроходцами куда лучше.

Люс добилась того, чтобы костер горел не слишком сильно, но ровно, и присела возле него на корточки, некоторое время прямо-таки всем своим существом впитывая идущее от огня тепло.

— Я соскучилась по Вере, — сказала она. Горло у нее пересохло, насквозь пропыленное за долгие дни пути, да и вообще в последние дни она не слишком часто пользовалась собственным голосом; он звучал хрипловато, сухо и был похож на голос ее отца.

— Она придет со второй группой, — сказала Южный Ветер с успокаивающей уверенностью, перебинтовывая лоскутом свою прелестную истертую в кровь ступню и крепко завязывая концы лоскутка на лодыжке. — Ну вот, так-то лучше. Я завтра обмотаю ноги тряпками, как это делает Упорный. Кстати, и теплее будет.

— Только бы дождь не пошел.

— Ночью дождя определенно не будет. — Жители Шанти куда лучше разбирались в погоде, чем Люс. В отличие от нее, они никогда не находились столько времени в закрытом помещении и понимали, что может принести тот или иной ветер, даже здесь, где все ветры были иными, чем на

Земле. — Но вот завтра, возможно, он и пойдет, — прибавила Южный Ветер, заползая в спальный мешок; голос ее уже звучал сонно и уютно.

— Завтра мы уже будем высоко в горах, — сказала Люс. Она посмотрела вверх, на восток, но ближний склон холма над ручьем и серо-голубые сумерки скрывали скалистые вершины совсем близких гор. Облака поредели; какое-то время высоко в небесах, на востоке сияла одинокая звездочка, маленькая и полускрытая дымкой, потом исчезла — видимо, ее закрыли облака. Люс все ждала, когда она появится вновь, но звездочка не появилась. Люс почувствовала себя глупо разочарованной. Теперь небо казалось совсем черным, как и земля. Нигде не было видно ни огонька, за исключением восьми золотистых светлячков — их костров, маленького созвездия в сплошной темной ночи. И где-то там, далеко, за много дней пути отсюда, на западе, за колючими зарослями, за пустошами, холмами и долинами, за ручьями и за широкой рекой, что бежит к морю, светились еще огни: Столица и город, небольшие скопления светящихся желтым светом окон. А река была темна и бежала сквозь тьму. И море тоже было окутано тьмой.

Она поправила большой сук в костре и, чтобы

он горел медленнее, подгребла к нему золу и угли. Потом разыскала свой спальный мешок и заползла в него, устроившись рядом с Южным Ветром. Вот сейчас ей хотелось поговорить. Южный Ветер редко так много говорила о Тиммо. Люс хотелось еще послушать, как она говорит о нем. И о Льве. Впервые ей захотелось и самой поговорить о Льве. Здесь было слишком много тишины. В тишине все как-то пропадает, теряется. Нужно непременно говорить. И Южный Ветер это поймет. Она тоже потеряла свое счастье, и тоже познала смерть, и продолжала жить.

Люс тихонько позвала ее по имени, но теплый сверток рядом с нею даже не пошевелился. Южный Ветер спала.

Люс осторожно повозилась, устраиваясь поудобнее. Берег ручья хоть и был каменистым, все же являл собой куда лучшее ложе, чем вчерашние колючки. Однако утомленное тело само по себе казалось тяжелым, неуклюжим, твердым; в груди болезненно жгло. Люс закрыла глаза. И тут же увидела перед собой гостиную в Каса Фалько, продолговатую и чистую; в окна лился серебристый свет, отраженный водами залива; и там стоял ее отец, прямой, сосредоточенный, как всегда. Но он просто стоял и ничего не делал, что

на него похоже не было. Микаэл и Тереза торчали в дверях и перешептывались. Они отчего-то стали ей неприятны. Ее отец как будто не знал, что они шепчутся у него за спиной, а бели и знал, то почему-то боялся дать им это понять. Потом он как-то странно вскинул руки, и она на мгновение увидела его лицо. Он плакал. Люс вдруг утратила способность дышать, ей хотелось вздохнуть глубоко-глубоко, но она не могла: дыхание у нее перехватило, ибо плакала она сама — вся содрогалась от тяжких рыданий и с трудом успевала перевести дыхание. Измученная, потрясенная, с истерзанной душой лежала она на земле этой чужой планеты, в этой бескрайней ночи и плакала по умершим, по утраченным. Теперь уже не страх, а печаль, бесконечная печаль охватила ее, нестерпимая горечь, которую все же приходится терпеть.

Усталость и тьма выпили ее слезы, и она уснула раньше, чем перестала плакать. И всю ночь спала без сновидений, без кошмаров и ни разу не проснулась — спала как камень среди камней.

Горы оказались высокими, с каменистыми склонами. Подниматься, в общем-то, спервa было не так уж и трудно, потому что они шли зигзагом среди валунов и осыпей, однако, поднявшись на-

верх, где громоздились скалы, похожие на башни и дома города, увидели, что преодолели лишь самую первую преграду: вдали виднелись еще по крайней мере три или четыре горные гряды. И все они были куда выше первой.

В ущельях толпились деревья-кольца, собственно колец здесь не образующие, притиснутые друг к другу и из-за этого неестественно вытянувшиеся к небу. Тяжелые ветки кустарника, названного «алоэ», торчали повсюду меж красных стволов деревьев, очень затрудняя продвижение вперед; однако на «алоэ» еще сохранились плоды с плотной темной сочной мякотью, чуть сморщенной вокруг косточки, что было желанной добавкой к их скудному рациону. В этих местах можно было только прорубать себе путь в густых зарослях, оставляя за собой явственный след. Целый день они потратили только на то, чтобы выбраться из ущелья, потом еще целый день — чтобы взобраться на вторую гряду холмов, за которой снова оказались в таком же ущелье, заросшем деревьями с бронзовыми стволами и сплошным алым подлеском. Вдали по-прежнему виднелись великолепные островерхие пики, каменистые склоны гор и голые скалы на их вершинах.

На следующую ночь им пришлось разбить

лагерь в горловине ущелья. Даже Мартин, после того как с самого утра ему пришлось шаг за шагом прорубать тропу в густой растительности, к полудню настолько вымотался, что идти дальше уже не мог. Устроив стоянку, те, кому не пришлось прорубать тропу и кто не слишком устал, разбрелись кто куда, стараясь, однако, не отходить далеко от лагеря: в сплошном подлеске ничего не стоило заблудиться. В основном люди искали и собирали плоды алоэ, а несколько мальчишек под предводительством Желанного нашли в ручье пресноводных мидий, так что в тот вечер у них получился отличный сытный ужин, который был им просто необходим, потому что снова пошел дождь. Туман, дождь и вечерние сумерки притушили яркие живые красные тона лесной растительности. Путешественники построили шалаши и сгрудились у костров, никак не желавших разгораться.

— Любопытную вещь я видел, Люс.

Странный он был человек, этот Саша: старше их всех, но упрямый, жилистый и куда более выносливый, чем значительно более молодые мужчины. И он никогда не выходил из себя, всегда был в себе уверен и почти всегда очень молчалив. Люс ни разу не видела, чтобы он принимал

участие в разговорах, где от него требовалось бы больше, чем просто «да» или «нет», вместо которых можно было улыбнуться или покачать отрицательно головой. Она знала, что он никогда не выступал в Доме Собраний, никогда не принадлежал ни к группе Веры, ни к группе Илии, никогда не предлагал никаких решений своему народу, хотя был сыном великого Шульца, одного из героев и вождей Долгого Марша, который вел тогда людей от Москвы до Лиссабона и дальше. У Шульца были и другие дети, но все они умерли в первые годы жизни на планете Виктория; только Саша, последыш, родившийся уже здесь, выжил. И стал отцом; и видел, как умирал его сын. Он никогда ни с кем помногу не разговаривал. Только иногда с ней, с Люс.

— Любопытную вещь я видел, Люс.

— Что же это?

— Какое-то животное. — Он показал куда-то вправо и вверх, на крутой, заросший кустарником и деревьями-кольцами склон; сейчас, в меркнувшем свете вся эта растительность казалась темной стеной. — Там что-то вроде поляны, возле двух упавших деревьев, так вот, на одном конце этой прогалины я обнаружил несколько плодов алоэ и потянулся за ними, а потом вдруг

обернулся — почувствовал, что кто-то на меня смотрит. Он был на противоположном конце поляны и тоже собирал алоэ. — Саша немного помолчал, но не для пущего эффекта, а чтобы обдумать свое описание. — Я сперва решил, что это человек. Во всяком случае, он был очень похож на человека. Однако оказался ненамного выше кролика, особенно когда опустился на четвереньки. Кожа у него была темная, а волосы рыжеватые. Голова большая — слишком большая для такого хрупкого тела — и один глаз в центре, как у уотсита. Этот глаз все время смотрел на меня. По бокам тоже по глазу, насколько я успел заметить, но не смог рассмотреть достаточно хорошо. Это существо с минуту смотрело на меня, потом повернулось и исчезло среди деревьев.

Он говорил тихим, ровным голосом.

— Звучит пугающе, — прошептала Люс, — хотя я и сама не знаю почему. — Но на самом-то деле она знала прекрасно, сразу же вспомнив тот свой кошмарный сон, в котором неведомые существа приходили и наблюдали за ними; хотя видения эти не тревожили ее больше с тех пор, как они покинули колючие заросли на равнине.

Саша покачал головой. Они сидели рядом на корточках под покровом густых ветвей. Он рукой

стряхнул с волос и густых седых усов капельки дождя.

— Здесь нет никого, кто мог бы нам повредить, — сказал он. — Кроме нас самих. А в Столице не рассказывают историй о каких-нибудь животных, которых не знаем мы?

— Нет… разве что о скьюрах.

— О скьюрах?

— Ну это все старые сказки. Скьюры — такие существа, похожие на людей, у них светящиеся глаза и они волосатые. Моя кузина Лорес все время о них рассказывает. А отец сказал, что они когда-то действительно были людьми — что это либо изгнанники, либо вечные бродяги, которые стараются держаться от людей подальше, сумасшедшие, почти дикие.

Саша кивнул.

— Никто даже из таких людей не смог бы забраться так далеко, — сказал он. — Мы первые.

— Мы ведь раньше жили только там, на побережье. Мне кажется, здесь вполне могут быть животные, которых мы никогда раньше не видели.

— И растения тоже. Посмотри, например, на это: оно почти такое, как то, которое мы здесь назвали «белой ягодой», но все же не совсем такое. Я

таких до вчерашнего дня никогда не видел. — Он снова немного помолчал и сказал: — У нас нет названия и для того животного, которое я встретил.

Люс понимающе кивнула, и теперь замолчали оба; однако между нею и Сашей продолжала существовать некая прочная связь — да, именно это молчание вдвоем. Он больше никому не рассказал о встреченном существе, и она тоже промолчала. Они ничего не знали об этом мире, ставшем теперь их миром — только то, что должны идти по нему в молчании, пока не научатся языку, на котором единственно возможно говорить здесь. И Саша охотно готов был ждать сколько угодно.

Вторую горную гряду они преодолели на третий день после начала вновь зарядивших дождей. На этот раз перед ними открылась просторная и довольно плоская равнина; идти стало значительно легче. Где-то к полудню ветер повернул и подул с севера, очищая вершины гор от облаков и тумана. Потом целый день они ползли вверх и к вечеру, в ясном холодном свете заката увидели восточные земли, остановившись среди скал на вершине.

Все вместе они собрались не сразу — последние усталые путешественники еще с трудом

преодолевали подъем по каменистому склону, а идущие впереди давно уже поджидали их среди скал — несколько темных фигурок, которые казались поднимавшимся в гору людям совсем крохотными на фоне ставшего вдруг очень просторным и ярким неба. Короткая колючая трава на вершине отливала в закатных лучах красным. Все шестьдесят семь человек стояли там, глядя на открывшийся перед ними новый мир, и молчали. Слишком велик оказался этот неведомый мир.

Тени от горной гряды, на которую они только что поднялись, простирались далеко по лежащей перед ними равнине. Вдали, где тени кончались, земля была золотистого цвета, она прямо-таки тонула в золотисто-красноватой прохладной дымке, сквозь которую полосами и пятнами поблескивали ручейки и речки, темнели то ли холмы, то ли купы деревьев-колец. У самого горизонта, на фоне бескрайнего, бесцветного, расчищенного ветром неба виднелись едва различимые глазом горы.

— Далеко еще? — спросил кто-то.

— До подножия гор километров сто, наверное.

— Большие горы…

— Такие же были на севере, у Безмятежного озера.

— Возможно, это одна и та же горная гряда. Помнишь, она тянулась как раз на юго-восток.

— Эта равнина, как море — ни конца, ни края.

— Ну и холодно же здесь!

— Давайте-ка спустимся вниз, там не будет такого ветра.

Горные долины давно уже утонули в серых сумерках, но залитые солнцем ледяные вершины далеких гор на востоке долго еще горели закатным пламенем на фоне поблекшего неба. Потом и они побледнели и словно растворились в сумерках; ночь была ветреной, на черном небе сияли крупные звезды; казалось, отсюда видны все здешние созвездия сразу, похожие на огни светящихся во тьме городов, ни один из которых не был для этих людей родным.

В этой горной долине вдоль ручьев росло много дикого риса; им они в основном и питались в течение тех восьми дней, что шли по направлению к горам. Железные Горы у них за спиной становились все меньше, превращаясь в извилистую красноватую линию на фоне западного края неба. В долине водилось множество кроликов, более длинноногих, чем на побережье; берега ручьев и речек были испещрены их следами; утром целые стаи кроликов грелись на солнышке и смотрели

на людей, проходивших мимо, спокойными равнодушными глазами.

— Нужно быть полным дураком, чтобы здесь остаться голодным, — приговаривал Упорный, наблюдая, как Италиа ставит силки у брода, поблескивающего мокрыми камнями.

Но они шли дальше. Здесь, на высокогорной долине дули холодные пронзительные ветры, а деревьев, чтобы построить шалаши или разжечь костры, вокруг не было. Они шли до тех пор, пока земля под ногами не начала как бы вспухать — начинался подъем, и наконец у подножия гор они вышли к большой реке, бежавшей на юг, которую Андре, ответственный за составление карты, назвал Скалистой. Чтобы перебраться на тот берег, обязательно нужно было отыскать брод, которого они поблизости не нашли, или построить плоты. Одни были за то, чтобы переправиться через реку и оставить позади и эту преграду, другие считали, что нужно повернуть на юг и продвигаться вдоль западного берега реки. Решая, как поступить, они пока что разбили лагерь и устроили настоящую стоянку. Один из путешественников сильно повредил ногу при падении, у других также имелись травмы и недомогания, хотя и менее серьезные; зато обувь

абсолютно у всех нуждалась в починке; да и сами люди страшно устали, и несколько дней отдыха были им просто необходимы. Они сразу построили шалаши из веток и тростника, потому что было очень холодно и на небе собирались тучи, хотя пронзительный ветер сюда не долетал. В ту ночь впервые выпал снег.

На берегах Залива Мечты снег шел редко и никогда не выпадал так рано. Здесь был иной, куда более суровый климат. Холмы на побережье, обширные пустоши и Железные Горы задерживали дожди, несомые западными ветрами с океана; здесь должно было быть гораздо суше, хотя и холоднее.

Огромная горная гряда с островерхими ледяными пиками, по направлению к которой они все это время шли, редко бывала видна, пока они пересекали долину, поскольку снеговые тучи спускались почти к самому подножию гор. Теперь они достигли холмов в предгорьях — тихой гавани, лежавшей между насквозь продуваемой ветрами просторной долиной и мрачными скалистыми горами с заснеженными вершинами. Они остановились в неширокой лощине в устье энергичного горного ручья, впадавшего в Скалистую реку; ручей этот, прорыв себе проход

в скалах, все расширял его, пока созданное им ущелье не расступилось, открывая выход на поросшие лесом просторы. Главным образом там росли деревья-кольца, но встречались и весьма крупные хлопковые деревья, среди которых было много прогалин и полян. Склоны гор с северной стороны долины были крутые, каменистые, словно стеной отгораживая ее и более пологие южные холмы от холодных ветров. Место вообще оказалось очень приятным. Все путешественники сразу почувствовали себя здесь в безопасности — еще в первый день, когда строили свои шалаши. Но утром все поляны и прогалины были белы от снега, а под деревьями-кольцами, густая бронзовая листва которых удержала большую часть первого легкого снежка, каждый камень, каждый упавший листок посверкивал, покрытый морозным инеем. Людям пришлось сперва сгрудиться у костров и немного оттаять, прежде чем отправиться за новым запасом топлива.

— Да, шалаши при такой погоде нас явно не спасут, — мрачно проговорил Андре, растирая застывшие, потрескавшиеся от холода пальцы. — Б-р-р, до чего же я замерз!

— Смотри, разъяснивает, — сказала Люс, глядя в широкую прогалину между деревьями, где их

часть долины выходила к просторной горловине ущелья, прорытого горным ручьем. Над крутым противоположным берегом Скалистой реки мрачно высилась, поблескивая, громада Восточной Гряды, темно-синяя, с белоснежными вершинами.

— Ну это пока. Потом опять пойдет снег.

Андре выглядел нездоровым, сгорбившись у костра, пламени которого почти не было видно в ярком утреннем свете; нездоровым, озябшим, растерянным. Люс, хорошо отдохнувшая за предыдущий день, когда никуда идти было не нужно, напротив, ощущала необычайный подъем сил и радовалась первым лучам восходящего солнца. Андре сейчас был как-то особенно дорог ей, такой терпеливый, беспокойный. Она тоже присела на корточки с ним рядом у костра и погладила его по плечу.

— Это очень хорошее место, правда? — сказала она.

Он кивнул, еще больше сгорбившись и по-прежнему растирая свои потрескавшиеся красные руки.

— Андре, послушай…

Он что-то промычал в ответ.

— Может быть, нам стоит построить здесь на-

стоящие хижины, а не шалаши?

— Здесь?

— Ну да, здесь хорошо…

Он посмотрел вокруг — на высокие красные деревья, на шумный стремительный ручей, несущий свои воды к Скалистой реке, на залитые солнцем открытые пологие южные склоны холмов, на высокие синие вершины, вздымающиеся с восточного края долины…

— Неплохо, — нехотя согласился он. — Во всяком случае, топлива и воды более чем достаточно. А еще рыба, кролики — здесь, пожалуй, мы могли бы продержаться всю зиму.

— А может, нам так и стоит сделать? Пока еще есть время, чтобы построить настоящие дома?

Андре продолжал сидеть в той же позе, машинально растирая уже согревшиеся руки. Люс внимательно смотрела на него, но руку свою с его плеча не убирала.

— Меня бы это, пожалуй, устроило, — проговорил он наконец.

— Если, конечно, мы отошли уже достаточно далеко…

— Тогда нужно собрать всех и обсудить это… — Андре посмотрел на Люс, потом обнял ее за плечи, и они продолжали сидеть у костра на

корточках, тесно прижавшись друг к другу, чуть покачиваясь и глядя на пляшущие, едва видимые языки пламени. — Я уже устал убегать, — сказал Андре. — А ты?

Она кивнула.

— Я только не знаю… интересно…

— Что?

Андре не отрываясь смотрел в огонь, лицо его, измученное и исхлестанное ветрами, покраснело от жара костра.

— Говорят, что когда заблудишься по-настоящему, то всегда ходишь кругами, — сказал он. — Возвращаешься на то же место, откуда только что ушел, но не всегда узнаешь его.

— Все равно здесь ведь не Столица, — сказала Люс. — И не Шанти-таун.

— Нет. Пока еще нет.

— И никогда не будет! — Брови ее сурово вытянулись над глазами в прямую линию. — Это совсем новое место, Андре. Исток новой жизни.

— Ну это уж как Господь Бог захочет.

— Не знаю, чего уж он там захочет… — Люс ладошкой разгладила кусочек влажной, полузамерзшей земли, потом сжала землю в руке. — Вот он — Бог, — сказала она и показала ему на разжатой ладони черный комок. — Это я. И ты. И все

остальные. И эти горы. Мы все… все заключены в один круг.

— Ты, должно быть, не расслышала меня, Люс?

— Да я вообще не знаю, о чем говорю. Я просто хочу остаться здесь, Андре.

— Тогда, я полагаю, мы так и поступим, — сказал он и легонько шлепнул ее по спине между лопаток. — Я вообще не уверен, пустились бы мы когда-нибудь в путь, если бы не ты.

— Ох, Андре, не надо так говорить…

— Почему не надо? Это же правда.

— У меня на совести и без этого слишком многое. Я должна… Если бы я…

— Это совсем новое место, Люс, — прервал он ее очень мягко. — И здесь все имена и названия будут иными. — Она заметила, что в глазах его стоят слезы. — И именно здесь мы построим целый мир. Из земли, из грязи.

Одиннадцатилетний Эшер подошел к Люс, которая сидела на берегу Скалистой реки, выуживая из-под ледяных камней, обросших бородой водорослей, пресноводных мидий.

— Люс, — прошептал он, наклонившись к ней поближе, — посмотри-ка.

Она рада была наконец выпрямиться и вытащить руки из обжигающе холодной воды.

— Ну, что у тебя там?

— Посмотри, — шепотом повторил мальчик, протягивая к ней свою раскрытую ладошку. На ладошке сидело крохотное существо, похожее на серенькую жабу с крылышками. Три золотистых глаза на стебельках не мигая смотрели — один на Эшера, два на Люс.

— Это уотсит.

— Я никогда ни одного так близко не видела.

— Он сам пришел ко мне. Я тащил сюда корзины, а он влетел в одну из них. Я протянул руку, он взял и сел прямо на ладошку.

— А ко мне он пойдет?

— Не знаю. Протяни руку.

Она вытянула руку рядом с рукой Эшера. Уотсит задрожал и на какое-то время превратился в сплошной трепет своих то ли перышек, то ли волосков. Потом не то прыгнул, не то взлетел — простому глазу определить это мгновенное движение было не под силу — и переместился на ладонь Люс; она ощутила цепкую хватку шести крошечных теплых волосатых лапок.

— О, какой же ты красивый! — нежно сказала она крылатому существу. — Ты просто прекрасен! И я могу убить тебя, да удержать все равно не смогу, не смогу даже взять тебя в руки…

— Если их сажаешь в клетку, они умирают, — сообщил ей мальчик.

— Я знаю, — сказала Люс.

Уотсит теперь приобрел голубой оттенок, постепенно переходящий в чистую небесную лазурь, точно такую, какая сияла между вершинами Восточной Гряды ясными зимними солнечными днями, вроде сегодняшнего. Три золотистых глаза на стебельках сверкали. Вдруг раскрылись крылья, яркие и полупрозрачные, и Люс вздрогнула; чуть заметное движение ее руки мгновенно заставило маленькое существо плавно взлететь и заскользить над простором реки куда-то к востоку подобно чешуйке слюды, подхваченной ветром.

Они вместе с Эшером наполнили корзины тяжелыми, бородатыми черными мидиями и потащили их вверх по тропинке, к поселку.

— Южный Ветер! — закричал Эшер, волоча за собой свою корзинку. — Южный Ветер! Тут есть уотситы! Один сам ко мне прилетел!

— Ну конечно же, есть, — сказала Южный Ветер, сбегая вниз по тропинке, чтобы помочь им дотащить корзины. — Господи, сколько же ты набрала, Люс! Ой, а руки у тебя на что похожи, бедненькие! Пойдем, пойдем скорее, дома тепло,

Саша только что целую кучу дров притащил. Неужели вы думали, что здесь не будет уотситов? Мы ведь совсем не так далеко от дома!

Домики — пока что девять и еще три недостроенных — стояли в излучине ручья на его южном берегу, где под ветвями гигантского одинокого дерева-кольца образовалась заводь. Они брали воду из маленьких водопадиков на верхнем конце пруда, а на нижнем, там где заводь сужалась и ручей начинал свой неторопливый спуск к реке, купались и мылись. Они назвали свой поселок Цаплина Заводь, потому что у противоположного берега жила пара этих серых существ, спокойно отнесшихся и к присутствию людей, и к дыму их костров, и к звукам их голосов, и к их бесконечным приходам и уходам — ко всей их шумной суете. Элегантные, длинноногие, молчаливые, цапли эти занимались своими делами — добывали пищу в просторной заводи с темной водой; иногда они останавливались на мелководье и внимательно смотрели на людей ясными спокойными прозрачными глазами. Порой вечерами, ставшими еще холоднее перед зимними снегопадами, цапли танцевали. Когда Люс, Южный Ветер и мальчик свернули к своему домику, Люс снова заметила цапель, стоявших у

корней огромного дерева-кольца; одна смотрела на них, другая повернула свою узкую длинную голову назад, в сторону леса. «Сегодня ночью они снова будут танцевать», — прошептала Люс себе под нос и минутку постояла со своей тяжелой ношей на тропинке, застыв без движения, как и сами цапли; а потом пошла дальше.